

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
Ордена Трудового Красного Знамени
Институт востоковедения

А.С. Балезин

У ВЕЛИКИХ АФРИКАНСКИХ ОЗЕР

МОНАРХИ И ПРЕЗИДЕНТЫ УГАНДЫ

Москва

«Наука»

Главная редакция восточной литературы

1989

ББК63.3(6У) Б 20

Редакционная коллегия

К.В. Малаховский (председатель), Л.Б. Алаев, Л.М. Белоусов, А. Б. Давидсон, Н.Б. Зубков, Г.Г. Котовский, Р.Г. Панда, Н.А. Симония

Рецензенты И.И. ФИЛАТОВА, Г.В. ЦЫПКИН

Ответственный редактор А.Б. ДАВИДСОН

Утверждено к печати редколлегией серии «Рассказы о странах Востока»

Балезин А. С.

У Великих африканских озер. Монархи и президенты Уганды. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1989. — 208 с.: ил. (Рассказы о странах Востока). 5-02-016572-7

В книге даны исторические портреты африканских деятелей прошлого и последних десятилетий. На основе малоизвестных фактов рассказывается об угандийцах, стоявших в центре кульминационных моментов истории страны — от Мутесы I, просвещенного монарха в Межозерье середины прошлого века, до президентов Уганды Оботе и Амина.

ББК 63.3(6 У)

© Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1989

ISBN 5-02-016572-7

«ЖЕМЧУЖИНА АФРИКИ»

Вместо введения

В 1977 году я впервые оказался в Потсдаме, в Центральном госархиве ГДР. Это была поездка наудачу в единственный доступный для советских историков архив бывшей страны-метрополии (там хранятся практически все документы колониальных ведомств Германии). Уганда никогда не была колонией Германии и особых надежд найти что-нибудь важное по теме своих исследований я не питал. Но в составленном с немецкой педантичностью указателе фонда Колониального отдела МИДа (с 1907 года — Министерства колоний Германской империи) вдруг нахожу восемь дел по Уганде за последнее десятилетие прошлого века. Лихорадочно листаю эти папки: консульские отчеты, написанные рукописным старонемецким шрифтом (прочсть его даже для самих современных немцев — целая наука, а о пишущих машинках тогда и речи не было),

вырезки из немецкой и английской прессы.

И вдруг... подлинные письма одного из угандийских монархов тех лет — правившего в 1884—1897 годах Мванги. Желтая бумага, корявый почерк, полустершийся карандаш, ужасающий по неграмотности суахили — международный язык Восточной Африки. Но все же, владея современным суахили, смысл вполне можно разобрать! А он сводился к тому, что Мванга жаловался самым разным адресатам, включая «султана немцев» — германского кайзера Вильгельма II, на то, что у него хотят отобрать его страну, а он хочет ею управлять так, как его предки — «как они сами того хотели». Найденные документы показали, что Мванга вел отчаянную дипломатическую борьбу за независимость своей страны, пытаясь даже столкнуть между собой соперничавшие в то время в Восточной Африке Англию и Германию, борьбу, обреченную на провал.

Этот «почтовый роман без взаимности» заставил меня по-новому взглянуть на Мвангу, вызвал желание по-человечески понять его предшественников, современников и потомков. Предмет моих научных занятий — история Уганды — постепенно наполнялся человеческим содержанием.

Историю ведь делают люди. Именно через их поступки преломляются те объективные законы истории, которые известны каждому советскому читателю. Но как часто в трудах наших историков прошлое выступает в виде сухих социологических схем! Сейчас положение вроде бы меняется — не случаен массовый интерес к личностной истории, спрос на переиздающиеся труды Карамзина, Соловьева и Ключевского, к судьбам возвращающихся из исторического небытия жертв сталинского культа.

Теряясь под градом новых интереснейших публикаций по отечественной истории, читатель вправе спросить: а надо ли сейчас публиковать работы об исторических деятелях других стран, когда и так-то времени не хватает, чтобы прочесть все, что пишется о нашем собственном прошлом? Думаю, ответ тут однозначен. Перефразируя известное изречение Гёте о языках, можно с большой долей справедливости сказать, что тот, кто незнаком с чужой историей, ничего не знает и о своей собственной. И на определенные мысли и параллели с нашим прошлым и настоящим может навести не только более известная читателям история европейских стран, но и история Африки, все более выступающая благодаря ее исследователям в Европе, Америке, Азии и, конечно, в самой Африке как часть истории всемирной.

Надо сказать, что об африканцах у нас издается довольно мало книг. И, пожалуй, до сих пор лучшей из того, что издавалось на русском языке, остается книга Э. Риттера «Зулус Чака», выдержавшая уже три издания.

С лучшими образцами исторического портрета конкурировать трудно, — да я и не ставил перед собой такой задачи. Мне хотелось только, чтобы эта книга помогла читателю лучше понять Африку — ее прошлое и настоящее, — хотя бы сквозь призму исторических личностей только одной африканской страны — Уганды.

Уганда — жемчужина Африки, как ее называли с начала XX века с легкой руки будущего британского премьера У. Черчилля. Жемчужина, украшавшая корону Британской империи с 1894 по 1962 год. Страна, лежащая и Носточно-африканском Межозерье, к северу от самого Полюноу в Африке озера Виктория, окаймленная ок-рамн Мобугу-Сесе-Секо (бывшее Альберт) и Эдуард (бывшее Иди Амин Дада).

Эти озера, двойные названия которых отражают давние и недавние перемены в истории местных народов, а также гигантской клякской растекшееся в центре Уганды озеро Кьога принадлежат к числу Великих африканских. Через них протекают реки, дающие начало великому Нилу, самой длинной реке мира.

Но не только блестящая гладь рек и озер заставила европейцев назвать эту землю жемчужиной вслед за Уинстоном Черчиллем, посетившим Уганду в 1907 году. Их привлекали и другие природные качества земли, лежащей к северу от озера Виктория, — благоприятный климат: страна лежит на горном плато и здесь не так жарко, как в других частях экваториальной Африки. Несмотря на то что страну пересекает экватор, в лежащей

близ него Кампале, столице государства, ртутный столбик термометра круглый год в дневное время показывает от 22 до 28 градусов Цельсия. Прекрасная природа: высокотравная саванна, лишь на горах Элгон на востоке и Рувензори на западе уступающая место альпийским лугам, богатый животный мир — слоны, носороги, бегемоты, буйволы, большое разнообразие антилоп, множество рыб в реках и озерах, живописные птицы (одна из них — журавль — украшает национальный флаг Республики Уганда).

Да, поистине это — жемчужина. Но судьба людей, населяющих эту страну (ныне их более 15 миллионов), была нелегка. Десятилетия колониального господства значительно изменили природные и людские ресурсы Уганды. Провозглашенная 9 октября 1962 года независимость не принесла спокойного и динамичного развития. Переворот следовал за переворотом, с 1971 по 1979 год страна изнемогала под властью военной диктатуры Иди Амина, за 1979—1986 годы режимы сменились еще пять раз.

Хочется верить, что у этой прекрасной страны большое будущее. Я же предлагаю читателю заглянуть в ее прошлое — далекое и не очень. Люди, о которых пойдет речь в этой книге, так или иначе олицетворяли главные черты своего времени в истории Уганды. Практически каждый из них был фигурой неоднозначной. Например, Мванга, с писем которого начался рассказ, вошел в историю как человек, подписавший первые договоры, на основании которых его страна стала британским владением. В то же время он возглавил борьбу своего народа против белых поработителей, за что и поплатился ссылкой на Сейшельские острова. Или взять Аполо Каггву, — первого премьер-министра правительства Буганды при англичанах, лидера соглашателей из местной знати, который был не только активным проводником колониальной политики в своей стране, но и первым угандийским просветителем. С его собственного печатного станка сходили написанные им брошюры о передовых методах земледелия, борьбе с болезнями скота и пр. Более того, он стал зачинателем письменной традиции на местных языках и первым угандийцем, написавшим книги — целых пять, две из которых переведены на английский язык и очень высоко оцениваются историками и этнографами. А вот президент Уганды в 1971 — 1979 годах Иди Амин был явным антигероем, зловещей фигурой в истории страны, но даже его нельзя рисовать лишь одной черной краской. И все же, мне кажется, именно неоднозначность большинства героев книги поможет понять олицетворяемые ими периоды истории Уганды более полно, многомерно.

Было бы заманчиво начать эту книгу с описания жизни угандийцев, живших ранее второй половины прошлого века, но, к сожалению, это сделать очень трудно за недостатком источников. Ведь письменность на местных языках появилась в Уганде только с приходом туда первых европейских миссионеров — в конце 80-х годов прошлого века, а первые письменные европейские источники — всего около двух десятков лет ранее, с посещением этих мест известными путешественниками Спиком и Грантом в 1862 году. Недостаток или отсутствие доступа к источникам вынуждает меня также ограничиться описанием исторических личностей юга современной Уганды (за исключением последних глав). Это ни в коей мере не означает, что народы севера Уганды (а этнографы относят их к нилотской — ланги, ачоли, карамоджонги и центральносуданской — лугбара, мади и другие — языковым семьям) не имели в доколониальный период собственной историй и лиц, заслуживающих описания.

Поэтому здесь придется ограничиться лишь кратким экскурсом в историю Уганды более раннего времени. На территории этой страны первое, еще очень слабо оформленное государство появилось около XII века. Это была Великая Китара, прародительница более поздних государств, доживших не только до появления европейцев, но и до 1967 года. Государства эти назывались Буньоро, Торо, Нкоре (потом в английском искажении Анколе) и Буганда. Именно Буганда дала стране нынешнее название. Дело в том, что на местном языке луганда приставка Бу- означает государство, или, вернее, местность, где живут баганда, т.е. народ ганда.

Европейцы, пришедшие в Буганду, пользовались услугами переводчиков-суахилийцев, жителей океанского побережья Восточной Африки, в языке которых приставке Бу- соответствует приставка У-: Суахилийцы, следовательно, называли страну, где живут ганда (ваганда на суахили), У-гандой.

Это название, касавшееся сначала только Буганды, с распространением британского влияния за пределы этого государства, на соседние народы и территории, закрепилось за британским протекторатом, а впоследствии — республикой у Великих африканских озер.

Устные предания сохранили не только названия сменявших друг друга династий на юге Межозерья, но и имена и деяния царивших в межозерных государствах правителей. Эти наследственные монархи назывались: в Буганде — *кабака*, в Буньоро и Торо — *омукама*, в Нкоре — *омугабе*. Их окружало большое число придворных, веками сохранялся сложный ритуал, связанный с жизнью правителя, — от выбора наследника (количество только официальных жен правителей составляло, как правило, несколько сотен) и церемоний его воцарения до захоронения. (В Буганде, например, пуповина и нижняя челюсть усопшего кабаки хоронились отдельно от его тела — эти захоронения считались священными, а их хранители запоминали все основные деяния каждого конкретного кабаки и передавали эти знания по наследству).

Опорой правителя была административно-территориальная система, унаследованная от Китары. Государства делились на провинции — *саза*, те, в свою очередь, на более мелкие. Во главе каждой такой единицы стоял назначаемый непосредственно правителем наместник, отвечавший за свои действия лично перед государем. В Буганде, где эта система работала особенно четко, все административные центры были даже связаны между собой сетью грунтовых дорог шириной до шести метров. По ним проходили процессии, несущие во дворец кабаки традиционные дары — пальмовое пиво, шкуры, гончарные и другие изделия, а также стягивались в столицу войска — ополчение, вооруженное копьями и щитами. Уровень развития Буганды к концу прошлого столетия в сравнении с соседями настолько поражал европейцев, что один из них назвал баганда «африканскими японцами».

К началу 60-х годов прошлого века, когда в Межозерье проникли первые европейцы, обстановка здесь характеризовалась острым соперничеством между крупнейшими из здешних государств — Бугандой и Буньоро. Правитель Буньоро Камураси сумел расширить границы своего государства счет соседних территорий и угрожал независимости маленького Торо, которое отделилось от Буньоро около 1830 года. Росло и могущество Буганды, где в то время начали формироваться основы регулярной армии и флот каноэ на озере Виктория (тогда, не зная о существовании английской королевы, именем которой было наречено озеро позднее, местные народы называли его Ньянза или Укереве). Правда, до прямых столкновений между Бугандой и Буньоро дело, как правило, не доходило: соседям-соперникам хватало места для расширения территории не за счет друг друга. Более того, как читатель увидит далее, перед лицом общей опасности Буганда и Буньоро нередко выступали вместе, как ни старались их разъединить и натравить друг на друга британцы. Межозерные государства жили трудом простых земледельцев и скотоводов. Здесь выращивались различные зерновые, корнеплоды, овощи и фрукты. Для жителей Буганды, Нкоре, Бусоги (территории к востоку от Буганды, где живет народ басога, создавший к середине прошлого века ряд мелких независимых друг от друга предгосударственных объединений) и некоторых других народов Уганды главной сельскохозяйственной культурой был и остается банан. Напомню читателю, что банан — это гигантская трава, высотой до 10 метров, с огромными продолговатыми листьями. Листья эти служат строительным материалом, посудой, а также используются для других целей. А вот по употреблению плодов в Буганде их делят на четыре разновидности. Мы знакомы только с одной из них — мейву, сладкими бананами, которые едят сырыми. Из плодов другой разновидности делают пиво, третьи — жарят. Четвертая разновидность — матоке — бананы для варки и тушения — служат основной пищей в Южной Уганде. Из

этих зеленых и жестких плодов, очищенных и завернутых в банановые листья, после долгой варки или тушения получается мягкое золотистое пюре. Его едят с соусом. Без матоке немислима ни одна трапеза в Буганде и на соседних землях. Выращивание бананов и приготовление из них пищи всегда считалось женской работой. Мужчины были искусными охотниками и воинами, а женщины — рукодельницами. Продуктами труда земледельцев и скотоводов пользовались знать — правители и их придворные, а также наместники, жилища которых были в зависимости от ранга большей или меньшей копией двора правителя. О характере межозерных обществ ученые до сих пор ведут споры. Большинство из них склоняются к тому, что это были раннефеодальные государства или общества, стоящие на пути к ним. Ныне к межозерным государствам некоторые исследователи применяют термин «раннее государство». Впрочем, тех, кто заинтересуется этими вопросами более глубоко, могу отослать к исторической литературе по Уганде — она на русском языке есть¹.

Определение этих государств как феодальных идет от первых посетивших их европейцев. Например, английские путешественники Вильсон и Фелкин в 1882 году о Буганде писали так: «Управление Угандой является совершенно законченной формой феодальной системы... Представители высшего ранга знати — бакунгу — получают должности из рук короля и являются временными правителями больших областей, на которые разделено государство... Низший слой знати — батонголе — назначается королем на должности правителей территориальных округов из числа бакопи — крестьян. Крестьяне — основная масса населения, из них формируется армия Буганды» [Wilson, Felkin, с. 193, 196].

Они поняли, конечно, не все верно, но одно подметили точно: земли у Великих африканских озер являются очагом самобытной государственности народов банту (именно к этой большой языковой семье относятся жители Буганды, Буньоро, Торо, Нкоре и Бусоги), одним из значительных в Тропической Африке. Факт сей наложил отпечаток на судьбы угандийцев — вплоть до сегодняшнего дня.

«РЕФОРМАТОР И БЛАГОДЕТЕЛЬ»

Мутеса I

Мутеса I жил в сложное для Африки время. Это был период, когда начинался колониальный раздел Африки, когда в глубинные районы континента проникали первые европейцы. Те самые, от которых в Европе узнали о внутренних африканских странах и их правителях. Словом, о тех районах, за которые позже разгорелась схватка между капиталистическими державами.

В этих условиях перед правителями государств Межозерья встала задача выработки основ новой внешней политики и дипломатии. Новой потому, что она более не ограничивалась отношениями с ближайшими соседями, а касалась внешнего мира — мира белого человека. Это было трудно. Во-первых, потому, что в Межозерье ничего не знали ни о тех странах, откуда прибывали пришельцы, ни о целях этих пришельцев и, уж конечно, не могли представить себе всех последствий их появления. Во-вторых, потому, что Мутесе пришлось иметь дело с такими известными путешественниками и опытными дипломатами, как Джон Спик, Генри Стэнли, колониальными деятелями типа Эмина-паши и миссионерами типа «Белого отца» Симеона Лурделя. В многочисленных беседах с

¹ См., например: Ксенофонтова Н.А., Луконин Ю.В., Панкратьев В.П. История Уганды в новое и новейшее время. М., 1984; Балезин А.С. Африканские правители и вожди в Уганде (Эволюция традиционных властей в условиях колониализма. 1862—1962). М., 1986.

ними правитель затерянного в центре Африки государства показал себя умным дипломатом и приятным собеседником.

Каким же увидели Мутесу европейцы? Вот несколько его словесных портретов, принадлежащих их перу.

Дж. Спик и Дж. Грант, 1862 год: «симпатичный молодой человек, умный и живо интересующийся всем, что мы рассказывали»; Эмин-паша, 1876 год: «Король — человек приятной наружности, энергичный, обаятельный. Он был красиво одет: в арабском платье, тюрбане, опоясанном золотой лентой, один конец которой свободно свисал».

Но это все — уже в момент величия. А вознеся на престол Буганды этот юноша, которого тогда звали Мукаабья, в результате придворных интриг, характерных для всех межозерных королевств. О таких интригах при дворах африканских правителей русский читатель в 1912 году мог прочесть педующее: «Царь... правил, окруженный министрами, любимцами, жрецами, колдунами. Перед ним все трепетали, к подножию трона подползали, каждое слово его хором славил, каждым движением восхищались, каждое приказание кидались исполнить стремглав. Окружающие наперерыв льстили и угождали ему: одни — чтобы пользоваться милостями властелина, другие — дабы не подвергнуться гневу его... Клеветы, интриги, наговоры, нашептывания наполняли „придворную" жизнь. Казни и немилости, награды и возвышения сыпались щедро на головы придворных» [Березин, с. 75].

Как Мукаабья стал кабакой Мутесой I. В Буганде в середине прошлого века карал и раздавал награды могущественный, сильный и жестокий кабака Суна. В 1856 году он умер. После его смерти самым влиятельным человеком в в Буганде оставался катикиро (первый министр) Кайира. Чтобы и впредь сохранить свое положение, Кайира сумел добиться того, что новым кабакой стал его протеже — живший в отдалении молодой сын Суны по имени Мукаабья — «тот, кто приносит страдания». Почему же катикиро Кайира смог так решительно повлиять на выбор нового кабаки? Это позволяли обычаи Буганды.

Учитывая, что кабака имел несколько сот жен, число законных претендентов на престол было велико, причем претендовать на него могли и братья кабаки. За «принцами», как правило, стояли кланы их матерей, и нередко начало каждого царствования знаменовали жестокие войны за престолонаследие, когда братья или дядья воцарившегося кабаки сами пытались захватить трон. Чтобы избежать этого, кабака Семакиро, прадед нашего героя Мутесы I (он правил в последней трети XVIII века), ввел новый обычай, строго соблюдавшийся вплоть до правления Мутесы. После того как у нового кабаки рождались первые сыновья, все его братья, кроме троих, убивались — сжигались на костре. Почему сыновья, а не сын? Да потому, что первый, самый старший сын кабаки по законам Буганды права на наследование престола не имел. Он получал титул кивева и был как бы старостой среди своих младших братьев, отвечая за их поведение перед касуджу — специальным должностным лицом, ответственным за воспитание детей кабаки. (Все это касалось только инфантов, рожденных уже после того, как отец официально вступил на престол. Рожденные до этого времени назывались «крестьянские принцы» и права на наследование престола не имели.)

Законные принцы в возрасте четырех-пяти лет отнимались у матери, им выделялись земельный надел и охранник. На клочке земли сажалось хинное дерево — очень важное для баганда, так как луб этого дерева выделялся и использовался как материал для одежды, очень красивой, напо-минавшей темную замшу. Инфанты жили в полной изоляции, им запрещалось общаться, принимать у себя или ходить в гости к *бам* — бугандийской знати; они поддерживали отношения только с престололюдинами.

Когда царствующий кабака заболел и было видно, что дни его сочтены, вопрос о престолонаследии решался катикиро с помощью «хранителя принцев» — касуджу. После смерти кабаки его преемник провозглашался на собрании знати в столице: касуджу выводил его за руку из группы «принцев» и вкладывал его руку в руку катикиро. В 1856

году катикиро Кайира сумел устроить так, что со словами «Вот кабака» в его руку была торжественно вложена рука молодого Мукаабьи.

Представим себе, что мы присутствуем на церемонии восшествия Мукаабьи на престол. Кайира берет руку Мукаабьи и громко кричит: «Мукаабья — наш кабака!» При этом он вручает ему пучок стрел — один из символов его власти. Всех «принцев» — неудачников тут же уводят и помещают под стражу. А Мукаабья тем временем в сопровождении придворных идет к телу своего усопшего отца Суны и покрывает его саваном и куском лубяной материи. Это — первый сыновний долг нового кабаки. Затем провозглашается новая *намасоле* — королева-мать и выбирается новая *лубуга* — ритуальная сестра короля. Из своих многочисленных сестер на эту должность Мукаабья выбирает одну, позже крещенную под именем Дамали. Эти две женщины, согласно обычаям баганда, будут соправительницами кабаки в течение всего его царствования.

Церемония вступления на трон нового кабаки продолжается. Его сажают в носилки, и в сопровождении придворных он отправляется на священный холм Будо (неподалеку от нынешней Кампалы). У подножия холма процессию останавливают хранитель храма Будо и его помощники: «Зачем вас пришло так много, что вам надо?» Из процессии раздается ответ: «Огонь угас, и мы привели принца, который стал новым кабакой». Затем разыгрывается ритуальное сражение на копьях из сахарного тростника и щитах из банановых листьев, и «воинство» уступает дорогу процессии, которая взбирается на холм Будо. Здесь участники шествия отдыхают в хижине, именуемой Буганда и олицетворяющей всю страну. Затем они идут в храм Будо, где кабака ест ритуальную пищу — куски зажаренного целиком козла и бананы, тушеные с кожурой, — такая пища обычно дается плакальщикам на похоронах. Все это запивается водой из священного источника Нфунви, что на холме Будо. После этого новый кабака и его лубуга отправляются спать в специальную хижину, ибо лубуга не имеет права терять своего кабака из виду на протяжении всей церемонии коронации. Вокруг этой хижины — она, как и храмы, представляет собой коническую постройку из жердей, покрытых банановыми листьями, — вырастают другие, где ночует свита, охраняющая кабака и лубугу. С рассветом поселение на холме Будо просыпается, и церемония продолжается.

Мукаабья и лубуга входят в храм Будо, где Мукаабье вручают нижнюю челюсть и пуповину кабаки Луманси — его далекого предка, правившего в XIV веке. Хранитель храма вручает эти реликвии со словами: «Ты — кабака». Затем кабаку ведут на самую вершину холма, к двум священным акациям. От них боковая дорожка ведет в специальное святилище, где находится фетиш, выполненный в форме глиняного возвышения. Мукаабья наступает на него по сигналу хранителя храма и повторяет за ним: «Я — кабака Буганды». После этого он сажает ветвь хинного дерева и вновь встает на фетиш, произнося фразу: «Я — кабака, который будет жить дольше, чем мои предшественники, править народами и подавлять мятежи». И вот тут кабаку освобождают от траурных одежд, ему вручают церемониальное копье и одевают в коронационное одеяние. Это — два прекрасных лубяных покрывала, сшитые на плечах и изготовленные специально для церемонии. Такое же одеяние получает лубуга. Лишь немногие избранные могут видеть одевание монаршей четы. Затем Мукаабья и лубуга спускаются к подножию холма, где их ждут придворные. Тут кабака получает ветви, из которых делают копьа, со словами: «Этим ты победишь своих врагов». Затем ему вручаются лианы, из которых плетут корзины со словами: «Пусть твоя жизнь будет подобна корзине, которая, падая, не разбивается, как глиняный сосуд». Наконец, кабаке вручаются семена дикорастущих бананов со словами: «Да превзойдешь ты своих подданных в мудрости и благоразумии». Все то, что произошло на холме Будо, называется церемонией «съедения Буганды». После нее кабака считается воцарившимся. Он принимает имя Мутеса², что значит «Государственный человек, тот кто дает мудрые

² Европейцы называли его по-разному: М'теса, М'тезе и пр. Правильно же — Мутеса

советы», не отказываясь, впрочем, от своего прежнего имени Мукаабья.

Но полновластным считается лишь кабака, овладевший королевскими барабанами. А для этого надо соблюсти полугодовой траур по умершему отцу Суне. Мутеса и придворные отправляются к месту траурных церемоний. Для кабаки строится временный дворец неподалеку от храма Будо. Там он впервые раздает государственные должности и земли в кормление вновь назначенным наместникам. Тем временем тело усопшего Суны бальзамируется. Когда оно помещается в усыпальницу, траур заканчивается. Об этом оповещает всю Буганду барабанная дробь. Тут же устраивается охота на газель, которую кабака блистательно убивает. Затем в знак окончания траура Мутеса бреет себе голову. И вечером того же дня к нему приносят королевские барабаны. Назавтра при большом стечении народа (на церемонию допускаются и простолюдины) торжественно выносятся на специальные циновки из луба королевский табурет — аналог европейскому трону для многих африканских монархов. На табурет кладется специальный ковер кабаки, сделанный из сшитых вместе шкур льва и леопарда и оперения орла. Носильщики кабаки выносят его и лубугу на место церемоний, и катикиро почтительно усаживает кабаку на табурет. Их торжественно одевают в новые одеяния из луба. Затем Мутеса присягает, и присягу у него принимает мугема — церемониймейстер двора. «Ты — кабака, — говорит мугема, — хорошо управляй своим народом и всегда поступай правильно». — «Я согласен делать это», — отвечает Мутеса. «Всегда выноси справедливые решения», — продолжает мугема. «Я буду делать так», — отвечает кабака. Затем мугема вручает кабаке копьё, и тот кланяется в верности своему народу. Направляя копьё острием на мугему, он говорит: «Я никогда не побоюсь управлять моей Бугандой». Одновременно кабака разбрасывает в толпу плоды кофе. Подобные клятвы, также разбрасывая кофейные плоды, произносит и лубуга. Мугема обращается к народу: «Никогда не бросайте своего кабаку в трудную минуту, во время войны и несчастья».

И толпа отвечает: «Мы никогда не бросим его, всегда будем почитать и поддерживать». После этого выносятся фетиши кабаки, и самый главный из них — барабан кибо-набона, в который Мутеса ударяет один раз. После этого носильщики проносят Мутесу и его лубугу по кругу, чтобы все присутствующие могли их хорошенько рассмотреть. Затем убивается несколько военнопленных — эта жертва, как считают баганда, должна прибавить кабаке здоровья и счастья.

Первые постройки и первые реформы. Теперь кабака должен был построить новую столицу. Каждый кабака, как правило, строил не одну столицу на протяжении своей жизни. Несколько их было и у Мутесы. Первую он построил в Накатеме.

Одновременно Мутеса приказал возвести еще одну постройку — на полуострове Кисинси на озере Укереве он построил тюрьму для своих братьев-соперников. И продолжил новые назначения наместников. Наместники в Буганде менялись часто, их назначения и смещения зависели исключительно от милости кабаки. Но мы помним, что своим воцарением Мукаабья Мутеса был обязан катикиро Кайири и все новые назначения по первоначальному делал по наущению катикиро, который не упустил случая разделаться со своими врагами и поставить везде своих людей.

Это не могло не вызвать брожение. Часть опальных вельмож попробовала свергнуть кабаку и всесильного Кайиру. Для этого они сумели даже освободить из тюрьмы на озере нескольких братьев кабаки. Но мятеж был подавлен.

За государственными делами молодой кабака не забывал и про развлечения. Рослый, сильный и гибкий, он был прекрасным охотником. Ввел охоту на крупных животных при помощи копий и заставлял участвовать в ней, как и в практиковавшихся при дворе сражениях на палках, всех придворных, кроме самых старых. Он придумал и соревнования по стрельбе из лука, ранее не распространенные в Буганде.

Оказалось к тому же, что молодой Мутеса — прекрасный пловец. Он настолько

или Мутесеса.

любил плавать, что велел выкопать при своем дворе плавательный бассейн — первый в Буганде.

Но развлечения развлечениями, а политика политикой. Мутесу многие представители бугандийской знати считали слабым правителем, ведь первое время за него фактически правил Кайира. Для того чтобы продемонстрировать свою власть, Мутесе надо было сместить Кайиру. И кабака назначает нового катикиро, а Кайиру по его приказу убивают. Это перемещение ведет за собой целую цепь новых назначений, последовавших, как и смещение Кайиры, в большой степени в результате придворных интриг. Однако Мутеса потом сожалел об этом своем шаге — первом на пути к реальной власти. Он впоследствии говорил: «Кайира был тем человеком, что дал мне трон и спас меня, когда мои братья хотели этот трон захватить. Более того, когда я стал кабакой, все бами моего отца презирали меня как слабака. Кайира — нет, не презирал». Когда страсти вокруг Кайиры немного улеглись, Мутеса разыскал всех его выживших родственников и назначил на важные государственные должности.

Показать себя сильным правителем в глазах соседей, а главное, своих подданных в то время можно было прежде всего не казнями, а войнами с соседями. Жизнь Буганды была построена таким образом, что главным источником пополнения ее богатств были войны, в которых захватывалось основное в Межозерье мерило богатства — скот. Главным образом это были коровы, но не те, которых тут же представляет себе наш читатель, а совсем другие — бело-серые, горбатые, как правило худые и дающие мало молока. Кстати сказать, молоко и мясо занимали небольшое место в рационе жителей Буганды, главной их пищей было матоке — тушеные бананы.

Войны в Межозерье часто вспыхивали в результате подстрекательства соседей, становившихся в позицию «третьего радующегося». Один из первых военных походов армии Мутесы, например, был предпринят потому, что правитель небольшого государства Карагве (к юго-западу от Буганды, на территории теперешней Танзании) Руманьика сообщил, что против Мутесы восстали несколько бами на юге. Мутеса направил туда войско, но воины увлеклись грабежом стад соседей и проиграли сражение. Поражение войска привело Мутесу в ярость, по его приказу воины, проявившие трусость, были казнены.

Видимо, неудачи первых походов заставили Мутесу пойти на важный шаг — реорганизацию войска Буганды. Прежде оно представляло собой ополчение, каждый совершеннолетний мужчина был воином под началом своего гражданского администратора. Мутеса вводит пост муджаси — главнокомандующего армией и систему битонголе — регулярных полков, во главе которых стояли полковники — батонголе. Батонголе получали земли в бугандийских провинциях.

Однако в крупные военные походы по-прежнему поднимались все боеспособные мужчины. Мутеса назначал батонголе из своих пажей и придворных, а также из воинов, отличившихся в боях.

Мутесе принадлежит и заслуга создания флота каноэ на озере Укереве. Это величайшее в Африке озеро связывало Буганду со многими соседями, и баганда издавна умели делать лодки из дерева, причем довольно большие. Самые большие из них имели более 20 метров в длину, свыше двух метров в ширину и до полутора метров в глубину и вмещали до 150 человек. Мутеса впервые использовал такие лодки в военных целях — тогда в них сажали 30—40 гребцов и 80—120 воинов. Во главе флота каноэ был поставлен «адмирал» — габунга, занимавший при дворе Мутесы такое же важное положение, как и муджаси. Флот давал возможность Буганде контролировать все передвижения по озеру Виктория и совершать внезапные нападения на соседей, чьи земли лежали по берегам озера. Благодаря флоту Буганда покорила и присоединила острова Сесе — группу мелких островов на озере, прилегавших к его северному берегу.

Сам Мутеса редко ходил в военные походы, но обязательно выслушивал отчеты о них. Это был целый ритуал. Придворные кабаки располагались на площади перед входом

во дворец на коленях. Мутеса в своем царском одеянии сидел на табурете, покрытом шкурой леопарда. Подле него находились знаки его власти — два копья и щит. По правую руку от него ждали приказаний пажи, а по левую — маленькая группа женщин на корточках. В первом ряду женщин располагались прислужницы, предлагавшие собравшимся помбе — пальмовое вино. Прямо перед Мутесой в несколько рядов сидели победоносные военачальники, недавно вернувшиеся с войны. Каждый командир полка по очереди рассказывал, что делали его воины, выделяя тех, кто хорошо и успешно выполнял его приказания, и тех, кто либо убежал от врага, либо побоялся перейти в наступление. Кабака слушал очень внимательно и комментировал происходящее. Отличившихся в боях он угощал помбе из маленьких тыквенных сосудов — калebas, при этом присутствующие аплодировали. Проявившие трусость тут же приговаривались к смерти.

Вооружена была бугандийская армия длинными копьями и щитами. Однако уже в 70-е годы в армии Мутесы насчитывалось до тысячи единиц огнестрельного оружия. Ружья и мушкеты завозились в Буганду торговцами с восточноафриканского океанского побережья — колыбели древней цивилизации народа суахили. Торговать с побережьем Буганда начала еще при отце Мутесы Суне, но особенно частыми гостями караваны носильщиков из Занзибарского султаната стали в Буганде при Мутесе. Они несли в Буганду ткани, ружья, порох и пули, а уносили оттуда слоновую кость и уводили рабов.

Но суахилийцы несли с собой вместе с товарами и свою религию — ислам. Мутеса подружился с некоторыми из торговцев. Как-то он спросил одного из старых торговцев, о чем это его отец Суна так подолгу беседовал с ним. В ответ Мутеса услышал, что они говорили об Аллахе, который «воскрешает из мертвых». Мутеса живо заинтересовался новой для него религией и попросил, чтобы ему прислали человека, который бы рассказал ему про ислам. Просьба была исполнена. Суахилиец по имени Маквега прибыл в Буганду, и кабака усердно у него учился. В итоге он не только освоил основные догматы ислама, но и выучил суахили и арабский и мог читать Коран. Более того, он сделался правоверным мусульманином, заставлял придворных приветствовать его на мусульманский манер и впоследствии в припадке религиозного экстаза казнил нескольких человек, отказавшихся принять ислам.

Но вскоре ему было суждено заинтересоваться другим миром — христианством.

Мутеса, Спик и ислам. 19 февраля 1862 года. Буганду всколыхнуло необычайное событие — в столицу прибыл совершенно белый человек. Таких светлокожих там до тех пор никогда не видели, и толпы людей сбегались посмотреть на это чудо. Все побаивались белого человека, сначала думали, что это — просто альбинос, но черты его лица отличались от местных альбиносов, да и говорил он на непонятном языке. Тогда решили, что он — потомок династии Бачвези — людей с более светлой кожей, но пришел он не с севера, как Бачвези, а с юга.

Это был известный английский путешественник и исследователь Африки Джон Хеннинг Спик, искавший истоки Нила в 1860—1863 годах вместе с Дж. Грантом. Обойдя озеро, названное им в честь королевы Виктории, с юга и запада, он открыл вытекающую из него реку Виктория-Нил, считающуюся основным истоком Белого Нила, и в книге «Открытие истоков Нила», вышедшей в 1863 году в двух томах, описал свое путешествие.

Вот как описывал Спик свою первую встречу с Мутесой: «Мне сообщили, что великий король уже сидит на троне в своей хижине для приемов, и я направился туда со шляпой в руке в сопровождении почетного эскорта, идущего „свободным строем“, за которым, в свою очередь, шли носильщики, несущие мои подарки. Я не подошел прямо к нему, как бы для рукопожатия, а прошел за ряды сидевших на корточках с трех сторон вакунгу (бакунгу. — А.Б.), одетых в шкуры, в основном коровьи; несколько из них к тому же были опоясаны вокруг талии леопардовыми шкурами — знаком королевской крови. Здесь мне следовало остановиться и сесть под палящим солнцем, и я надел шляпу и поднял свой зонтик, что их всех удивило и рассмешило, и уселся смотреть этот романтический спектакль. Я никогда не видел более театрального зрелища! Король,

молодой человек приятной наружности, высокий, с хорошей фигурой, лет двадцати пяти, сидел на красном одеяле, покрывающем квадратное возвышение из королевской травы, тщательно одетый в новое мбугу (длинное одеяние из луба. — А.Б.). Волосы на его голове были коротко подстрижены, но на макушке зачесаны в высокий валик, идущий по всему затылку как петушиный гребень. Его шею украшало большое кольцо из разноцветных бисеринок, составляющих элегантные узоры. На одну руку было надето украшение из бисера, а на другую — амулет из дерева и змеиной шкуры, на каждом пальце его рук и ног — чередующиеся латунные и медные кольца, а над лодыжками, до середины икр, — чулки из очень красивого бисера. Все было легким, симпатичным и в своем роде элегантным, его обмундирование отличалось поразительным вкусом. Вместо платка ему служили прекрасно выделанный кусок лубяной материи и кусок шелка с золотым шитьем — ими он постоянно закрывал свой большой рот, когда смеялся или вытирал его, выпив пальмового вина, глотки которого он делал все время из симпатичных маленьких калebas» [Robinson, Smith, с. 89].

Спик провел в Буганде около пяти месяцев, он подружился с намасоле, матерью кабаки, и часто встречался с самим Мутесой. О чем же они говорили? Мутееа дал волю своей любознательности и много расспрашивал своего гостя. Кабаку интересовало все: что такое Европа, какие есть там государства, как они устроены, каковы повадки тамошних королей.

Он спрашивал, какие дома строят в Европе, как там одеваются, каковы там формы брака и о многом, многом другом. Так Мутеса получил первые сведения о том мире, с которым его народу предстояло столкнуться впоследствии. Беседы касались христианской религии, и есть сведения, что именно Спик посоветовал Мутесе пригласить в свою страну христианских миссионеров. Но в 60-е годы миссионеры еще не были готовы к подобной акции — Буганда всерьез заинтересует Британию лишь десятилетие спустя. Да и Мутеса пока не особенно нуждался в пришельцах из Европы.

Придворные кабаки относились к Спику с большей опаской, чем сам правитель Буганды. Спик не раз просил на-масоле, чтобы его переселили поближе к дворцу кабаки, ведь ему отвели хижину в отдалении. Но придворные опасались как за самих себя, так и за кабаку и не разрешили Спику жить вблизи от резиденции Мутесы.

Уходя из Буганды, Спик оставил Мутесе ценный подарок — семнадцать ружей. Мутеса раздал эти ружья своим самым знатным и любимым вельможам. Эти ружья так и стали называться в Буганде — спик. Таким образом, память о Спики осталась в стране надолго.

Следующий европеец посетил страну Мутесы лишь через двенадцать лет. А пока... Мутеса пытается превратить свою страну в мусульманскую — сам исповедует ислам и требует того же от своих придворных. Его пажи подвергаются обрезанию. Он соблюдает мусульманские обычаи, в частности рамазан. Однако вдруг, в начале 70-х годов, отходит от мусульманства и возвращается к вере в традиционных богов Буганды: всемогущего Катонду — создателя всего сущего, Мукасу — бога богатства и плодородия, Кибуку — бога войны. Когда же его придворные-мусульмане отказались есть говядину со стола кабаки, поскольку убивал корову «неверный», «язычник», то кабака пришел в ярость и приказал заживо сжечь около двухсот человек.

Отношение Мутесы к религиям может быть понято в контексте мировых событий, затрагивавших судьбу Межозерья. В 1870 году на юге Судана была создана египетская провинция Экватория, в которую англичане, стоявшие на службе хедива Египта, включили и часть земель Межозерья. Первый губернатор Экватории С. Бейкер нарушил покой северного соседа Буганды Буньоро уже в 1872 году. Сначала он попытался склонить правителя Буньоро Кабарегу к мирному подчинению Экватории, а затем перешел к военным действиям. В 1874 году в Экватории власть переменялась — губер-

22натором там стал Ч. Гордон. В том же году летом он послал к Мутесе своего эмиссара, полковника Шайе Лонга, предложив кабаке добровольно признать власть

Экватории. Мутеса на это не пошел. Баганда запомнили посещение полковника потому, что впервые увидели живую лошадь.

Таким образом, перед Мутесой встала дилемма: способствовать дальнейшему распространению ислама означало укрепление отношений с султаном Занзибара, вводить в Бу-ганду навязываемое европейцами христианство — заручиться поддержкой европейских государств. Хотя Занзибар близко, а Европа далеко, Мутеса, видимо, осознал, что Европа сможет ему больше помочь. Кроме того, человек из Европы, которого он увидел следующим, пришел опять с юга, а не с севера и не требовал признавать ничью власть над Бугандой. А вдруг он поможет в борьбе с теми, кто нарушает спокойствие страны с севера?

Новые европейцы. Интерес Мутесы к христианству. Человека этого звали Генри Мортон Стэнли. Англичанин по рождению, он стал корреспондентом американской газеты «Нью-Йорк геральд». В качестве корреспондента этой газеты в 1868 году побывал в Эфиопии, а спустя три года отправился в Африку на поиски другого известного путешественника, Давида Ливингстона, и нашел его у озера Танганьика. В 1874—1877 годах Стэнли пересек Африку во главе большой экспедиции, снаряженной на средства «Нью-Йорк геральд». В ходе этой экспедиции он и попал в Буганду, где встретился с кабакой Мутесой I.

Встреча Мутесы со Стэнли произошла 5 апреля 1875 года. Она была поистине исторической.

Надо сказать, что ко времени прихода в Буганду Стэнли Мутеса вновь стал мусульманином. Кабака сменил религию по политическим соображениям — под предлогом непринятия ислама несколько сановников — врагов Мутесы были казнены. Однако с именем Стэнли связано начало распространения христианства в Буганде.

Однажды кабака Мутеса спросил Стэнли: «Почему арабы называют вас, европейцев, неверными?» На это Стэнли ответил, что европейцы — христиане, верующие в религию Иисуса Христа. Тогда Мутеса сказал: «Я хочу, чтобы ты научил меня вашей религии». Стэнли попросил, чтобы Мутеса разрешил ему сначала вернуться на место последнего лагеря на территории современной Танзании, где живет народ васукума, за оставшимися там вещами, а затем он обещал возвратиться в Буганду и приобщить кабаку к христианству.

Пока Стэнли отсутствовал, к Мутесе прибыл эмиссар губернатора Экватории Гордона Э. Линант де Бельфонд, которому было поручено разведать обстановку в Буганде и возможность ее военного покорения, о чем Бельфонд Мутесе, конечно, не сказал. С Бельфондом Мутеса имел длительные беседы, записи о которых сохранились в дневнике Бельфонда. Что же интересовало кабаку? Обратимся к дневнику.

«27, 22, 23 апреля (1875 года. — А.Б.). В последние три дня у меня было много различных дискуссий с МТесой. Наш разговор поочередно касался различных держав мира — Америки, Британии, Франции, Германии, России, Оттоманской империи, их конституций, правительств, военной мощи, промышленности. На этих беседах присутствовала сестра короля. Дочери и сестры короля никогда не ходят пешком, их всегда носят их рабы...

27 апреля. Отвечая на вопросы МТесы о земле, солнце, луне, звездах и небе, я попытался объяснить ему движение небесных тел. Мне пришлось сделать для него модели на доске, где небесные тела были представлены стеклянными шариками. Лекция состоялась сегодня. Общество собралось не очень большое: два визиря, четыре важнейших чиновника, два писаря и несколько фаворитов. Говорили в основном о вращении земли, ее обращении вокруг солнца, смене дня и ночи и времен года, вращении луны вокруг земли и его фазах (я показывал это с помощью зеркала), а также об общем движении нашей системы в пространстве.

МТеса все отлично схватывал. Мы сидели на полу в кружок, атмосфера была дружеской. Я никогда ранее не видел короля таким счастливым. В первый раз мы говорили друг с другом непосредственно, минуя переводчика (Бельфонда называли в Экватории

Абдул Ачич. он считался мусульманином и, видимо, владел арабским, на котором они и говорили с Мутесой — А. Б.), что противоречит всем законам этикета. Затем МТеса сам обратился к оцепеневшему от удивления собранию. Удивительно, что МТеса обладает способностью пробудить в придворных и многих подданных работу мысли и тягу к знаниям... Я ушел от короля в два часа, договорившись вновь встретиться с ним в четыре. С ним были те же люди, что и утром. Разговор касался Книги Бытия. Для МТесы было записано все, начиная с акта творения до Великого потопа. Мы расстались, лишь когда упала ночь. МТеса очарован, и я смогу добиться от него всего, чего хочу» [Bo\y, с. 2—3].

Надо сказать, что Линант де Бельфонд несколько переоценил свои возможности. Мутеса был действительно очарован, но не Бельфондом, а тем потоком новых сведений, который на него обрушился. Ведь речь в их беседах шла о философии Сократа, о христианской морали, о рае и аде и о многом, многом другом, чем были начинены мозги Бельфонда, этого неглупого сына своей эпохи, ловкого шпиона, не лишённого, видимо, человеческого обаяния. Но ни поссорить Мутесу с его соседом Кабарегой, ни тем более склонить Буганду к признанию власти Экватории Бельфонду не удалось. И тем не менее этот человек, вряд ли настроенный к Мутесе дружелюбно, характеризовал его еще и так: «Несмотря на свои недостатки, он, несомненно, самый умный африканец из живущих между Собатом (река в Судане. — А.Б.) и озером Укереве. Он изучает обычаи, привычки и государственное устройство каждой страны не из простого любопытства, а с намерением больше знать и провести некоторые полезные реформы в собственной стране. Благодаря ему народ Уганды (Буганды. — А.Б.) настолько же превосходит другие народы, которые я посетил, насколько цивилизованная Европа выше арабов-бедуинов, этих примитивных кочевников пустыни».

Тем не менее Бельфонд не удержался, чтобы не съязвить: «МТеса обладает крайним самомнением. Его очень занимает, что думает о нем цивилизованный мир, и его самое большое желание, что, конечно, похвально, чтобы его имя осталось в памяти поколений. Он хочет войти в историю как создатель нового человека. „Меня зовут МТеса, — сказал он однажды, — что на языке ганда означает „реформатор“, „благодетель“. И я хочу, чтобы история сказала обо мне, что, если бы это имя не было дано мне при рождении, после моей смерти так называли бы меня мои потомки» [Low, с. 4].

Но история все ставит на свои места. И если для Бельфонда Мутеса был всего лишь «выдающимся дикарем», то для потомков кабаки и вообще в истории человечества он остался властным и жестким, но мудрым правителем-реформатором, укрепившим престиж своей страны среди соседей и создавшим ей добрую славу даже в Европе.

Кстати, о жестокости Мутесы. Его жестокие меры как правителя объяснялись тем, что он был сыном своей страны и своего времени. Постоянные смещения с должностей, казни непокорных — все это было в Буганде обычным делом. Более того, эта практика, и только она давала возможность кабаке быть абсолютным правителем своей страны. Но, по свидетельству современника-миссионера, человеком Мутеса был «вежливым и великодушным». Миссионер вспоминает, что Мутеса был любящим отцом и мужем (что было нелегко, учитывая большое количество его жен и детей). Или, например, такой факт: Мутеса никогда не приступал к трапезе, не убедившись, что накормлены его многочисленные пажы, домашние слуги и прочие придворные. И это — кабака, особа которого считалась в Буганде священной!

Но вернемся к Стэнли, с которым Мутеса, как и мы с вами, простился лишь временно. Стэнли был очарован кабакой и его страной: «Считаю Мутесу могущественным императором, оказывающим влияние на своих соседей. У Мутесы я видел более трех тысяч солдат, почти что полуцивилизованных. Около сотни его вождей можно соотнести с жителями Занзибара или Омана, они одеты в такие же богатые одежды и вооружены таким же образом. К своему удивлению, я наблюдал здесь такой же порядок и законность, как и в полуцивилизованных странах». Тут же он выражает свое твердое намерение по отношению к кабаке: «Я разрушу его веру в ислам и привью любовь к учению Иисуса из

Назарета» [Robinson, Smith, с. 91].

Для этого Стэнли привел с собой переводчика, которого звали Даллингтон Бафутва Скорпион. Он был учеником миссионерской школы на Занзибаре, где выучил английский язык. Стэнли стал читать для кабаки Библию по-английски, а Даллингтон тут же переводил прочитанное на суахили. Интересно, что все это происходило во время военного похода Мутеса на восток страны и что при этом Мутеса не переставал соблюдать мусульманские обычаи.

Мутеса был крайне заинтересован в том, чтобы после отъезда Стэнли Даллингтон остался с ним. Когда же он понял, что Стэнли не хочет этого, поскольку Даллингтон был нужен ему самому как переводчик, кабака попросту выкрал Даллингтона. Мутеса тайно призвал к себе Даллингтона и пообещал ему все, что только тот захочет, если только он останется. Даллингтон согласился, и кабака сказал: «Отлично, уходи сейчас со Стэнли, а позже я пришлю за тобой людей». Когда Стэнли ушел, кабака послал ему вдогонку одного из своих придворных с заданием выкрасть Даллингтона. Кадду, так звали этого придворного, принес много подарков для Стэнли, от которых Стэнли был в восторге. Вручив подарки, Кадду успел пошептаться с Даллингом, договорившись с ним о его побеге. Похищение удалось.

Даллингтон остался при Мутесе в качестве его секретаря и переводчика, он же преподавал ему первые уроки христианства. Мутеса сделал свой выбор: он остановился на христианстве, видя в нем защиту от угрозы с севера — присоединения Буганды к Экватории. Мутеса предполагал, что если он провозгласит себя христианином, то поддержка Британии ему будет обеспечена, и согласился на предложение Стэнли о посылке в Буганду миссионеров. Стэнли считал, что миссионерская работа будет наиболее успешной среди цивилизованных африканцев, объединенных под сильной центральной властью. Поэтому Стэнли был уверен, что Буганда является идеальной почвой для деятельности миссионеров. 15 ноября 1875 года в «Дейли телеграф» было опубликовано его знаменитое воззвание, приглашающее миссионеров в Буганду.

Корреспонденция Стэнли в «Дейли телеграф» заканчивалась словами: «Такой человек, как Мутеса, император Уганды, Усоги, Уньоро и Карагве, — империи в 360 географических миль в длину и около 50 в ширину, — приглашает отправиться к нему. Он просит меня сказать белым людям, что если они придут к нему, то получают все, что захотят. Где еще в языческом мире вы найдете более многообещающее поле деятельности для миссионеров, чем Уганда?»

Можно ли было устоять против подобного приглашения? Тем более в Британии, где к середине 70-х годов уже серьезно смотрели на Межозерье как на сферу своего влияния. Миссионеры прибыли к Мутесе, но не сразу, а почти через два года.

Мутеса сдерживает натиск Экватории. А пока Мутесе надо было продержаться против давления со стороны Египта, вернее, Экватории, приступившей уже в то время к военным операциям против соседнего Буньоро. И Мутеса предпринял огромные и небезуспешные дипломатические усилия.

В начале 1876 года губернатор Экватории Ч. Гордон развернул крупные военные операции против правителя Буньоро Кабарегги. Мутеса написал несколько писем к Гордону, заверяя его в дружеских чувствах к англичанам, в своем христианстве, а заодно под разными предлогами просил не воевать с Буньоро, ибо прекрасно понимал, что следующей на очереди будет Буганда.

Надо сказать, что, вопреки утверждениям о «постоянной вражде» между Буньоро и Бугандой, Мутеса был настроен к Кабареге дружественно. Более того, Мутеса помог Кабареге воцариться в Буньоро, вмешавшись в 1869 году в войну за престолонаследие. В середине 1876 году Кабарегга прислал к Мутесе посла с просьбой о помощи в борьбе против Экватории. Помощь была обещана и оказана дипломатическими средствами.

В письмах к Гордону Мутеса отстаивал интересы не только Буганды, но и Буньоро: «6 февраля 1876 года. Мой дорогой друг Гордон, послушай мои слова, не сердись на

Каверегу, султана Уньоро. Я слышал, что ты послал туда два военных корабля, но я умоляю тебя, не вой с этими ваньоро, ведь они не знают, что хорошо, а что плохо... Я хочу быть другом англичан...

24 марта 1876 года. Я хочу быть другом белых людей, поэтому послушай, что я тебе скажу. Мне нужен священник, который укажет путь к Богу; хочу золота, серебра, железа и бронзы; одежды для себя и моего народа; отличных ружей и хороших пушек; хочу, чтобы в моей стране были построены хорошие дома и чтобы мой народ знал Бога...

3 апреля 1876 года. Это письмо от МТесы, самого великого короля в Африке, короля Уганды, Усоги и Карагве (Бусога и Карагве — соседние государственные образования, подчиненные Мутесой. — А.Б.). Послушай, что скажу тебе! О европеец! Я стал твоим братом, хотя я еще не крещен. Я верю в Бога-Отца, Всемогущего творца неба и земли, и в Господа Иисуса Христа... Боже, пусть будет мир между Британией и Угандой! Пусть Британия всегда будет благополучна!..

29 августа 1876 года. О мой дорогой друг Гордон, не забудь, что я отпустил всех твоих солдат (имеется в виду экспедиция, попытавшаяся поднять флаг Экватории над Бугандой. — А.Б.). Я не хочу, чтобы ко мне приходили твои солдаты, а я хочу, чтобы ко мне пришел ты сам. Боже, даруй мир между Британией и Угандой. Ты не советуешь мне покупать порох у занзибарцев, но что же мне делать, ведь у меня ничего нет. Я прошу тебя дать мне порох и ружей» [Low, с. 5—7].

Мутесе удалось выдержать натиск Экватории, заверив Гордона в своей дружбе, приверженности христианству, выразив готовность торговать с ним. Но в начале 1877 года Гордон становится губернатором всего Судана, и Англия хочет противостоять проникновению хедивского Египта через Судан в Межозерье, прибрав его к рукам с помощью миссионеров. Британский консул на Занзибаре сэр Джон Кирк получает инструкции содействовать распространению христианства в Буганде и помогает миссионерам туда добраться. Первые миссионеры из лондонского протестантского Церковного миссионерского общества во главе с лейтенантом Дж. Смитом отправились в Буганду через Занзибар летом 1876 года.

С нетерпением ждет их Мутеса. 10 апреля 1877 года он посылает им письмо на остров Укереве на озере Виктория: Моему дорогому другу. Я слышал, что вы уже на Укереве. Теперь я хочу, чтобы вы быстро добрались до меня. Я даю им в качестве проводника Магомбву, который поможет вам добраться быстрее. Это письмо Мтесы, короля Уганды, писал Даллингтон Скорпион Мафтаа 10 апреля 1877 года» [Low, с. 7].

Миссионеры в Буганде. Мутеса играет в религии. 2 июля 1877 года уставшие после длительной дороги миссионеры предстали наконец перед Мутесой. Кабака сразу заговорил своих планах, связанных с ними: смогут ли они изготовить из него порох. Они отказались и пригрозили вообще уйти, ни он будет настаивать. Тогда он осведомился, научат ли они его народ хотя бы читать и писать. Получив утвердительный ответ, Мутеса просиял и заявил: «Британия — мой друг». Затем он пытался узнать у миссионеров, кто сильнее — королева Британии или хедив Египта. Но и тут Мутесу ждало разочарование: в письме от лорда Солсбери, британского министра иностранных дел, которое миссионеры привезли с собой, говорилось, что миссионеры — не официальные представители британского правительства, а «дружеская поддержка».

И вот тут-то началась дипломатическая игра Мутесы с противоположными силами: он дружит с британскими миссионерами, в то же время заверяя Экваторию, что никаких английских миссионеров у него нет. С представителем Гордона Эмином-пашой (Эдуардом Шнитцером, выходцем из Австрии, состоявшим на египетской службе и позже сменившим Гордона на посту губернатора Экватории) он завязывает дружественные отношения. Свидетельство хороших отношений Мутесы с Эмином — письма кабаки, приведенные в дневнике Эмина. Вот некоторые из них:

«12 декабря 1877 года. Дру Эмину Эффенди. Я получил твое письмо и повсюду на твоем пути приготовил жилища для двухдневного отдыха. Я твой истинный друг. От

Мтесы, короля Уганды...

19 декабря 1877 года. Д-ру Эмину Эффенди. Мой дорогой друг, слава Богу, ты добрался благополучно, и я пишу тебе письмо. Верный тебе МТеса, король Уганды...

27 марта 1878 года. Д-ру Эмину Эффенди. Ты отправился к Кабареге заключать с ним мир и просил, чтобы он больше не воевал. Но когда ты ушел от Кабареге, твои солдаты пошли с ним сражаться, а если они сражаются с Кабарегой — это значит, ты сражаешься со мною, получается, что ты не дружишь ни с кем. Я не хочу воевать; я хочу только мира, а если ты хочешь продать что-нибудь, я это куплю. От Мтесы, сына Суны, короля Уганды. 27 марта 1878 года» [Emin Pasha b., с. 77, 78, 91].

Таким образом, Мутеса не только дружит с Эмином, но и защищает интересы и Буганды и Буньоро.

Постоянно наблюдая за развитием событий в Экватории, Мутеса не забывает потребовать от миссионеров хотя бы то, что они ему пообещали, — грамотность, раз уж не дали пороха и ружей.

Однажды кабака сказал миссионерам: «Я хочу научиться читать ваш алфавит». «Я напишу для Вас алфавит, Вам понадобится совсем немного времени, чтобы его выучить», — уверил кабаку Смит. Он написал много экземпляров алфавита и отдал их кабаке. Мутеса начал читать, а также раздал Библию всем своим сановникам. Пажи также начали читать. Так одновременно с грамотностью в Буганде миссионеры насаждали христианство.

Миссионеры стремились обучать прежде всего сановников Мутесы, понимая, что если они обратятся в христианство, то их подданные, естественно, последуют за ними. Но главной задачей миссионеров было, конечно, обращение в христианство самого кабаки. Ряды их постоянно пополнялись. В ноябре 1878 года к Мутесе прибыл А. Маккей — известный миссионер, который привез печатный станок. На нем начали печатать учебные материалы.

Но 23 февраля 1879 года, когда миссионеры Вильсон, Маккей и Персон стали готовиться к службе, они не смогли собрать на нее паству, так как у кабаки был назначен большой прием в связи с прибытием новых европейцев — отца Лурделя и брата Аманса — представителей французского католического ордена Белых отцов. И вот тут-то началось... Миссионеры — католики и протестанты — начали борьбу за паству и прежде всего за влияние на кабаку. Еще до прибытия Белых отцов Мутеса заболел, миссионеры-протестанты тут же доставили ему лекарство, но оно не помогло. Отец Лурдель по прибытии в Буганду поспешил дать кабаке другое лекарство, и кабаке полегчало — теперь больше времени он проводил с католическими отцами и учился католицизму.

Любимым развлечением Мутесы стали устраиваемые при дворе диспуты между католиками и протестантами, где каждая сторона пыталась доказать, что ее религия лучше. При этом сам Мутеса склонялся то в одну, то в другую сторону в зависимости от политической ситуации, но старался сохранить дружбу с представителями обеих миссий.

Миссионеры — и католики и протестанты — оставили описания таких религиозных диспутов.

Католик А. Ливиньяк: «Король хотел знать больше о различиях между протестантами и католиками, обращаясь к отцу Лурделю, он сказал: „Прочти мне что-нибудь и покажи свою молитву“. Лурдель взял катехизис на суахили и прочел несколько первых глав, Мутеса внимательно слушал, поскольку владел этим языком в совершенстве. Когда святой отец закончил, он лукаво спросил м-ра Маккея, что тот думает о прочитанном. Маккей ответил: „Очень хорошо. Однако я заметил, что он назвал Святую Деву Божьей Матерью, что неверно: Бог, не имея начала, не может иметь и матери“. — „Извините, — вмешался Лурдель, — он не был с самого начала Богом, это верно, он сначала был рожден человеком, а раз так, он желал быть рожденным матерью“. Король показал, что он понял различие».

Протестант А. Маккей в своем дневнике писал, что миссионеры обеих миссий

просили кабаку разрешить им свободно проповедовать свои религии, а подданным — свободно исповедовать любую религию. И далее: «Мутеса предложил и нам и французам сначала договориться между собой по религиозным вопросам, а потом уж выслушать всех сразу. Но это было лишь хитрая уловка, чтобы ввязать нас в дискуссию, которая ему страшно нравится, особенно если это вызывает трения между нами... Через некоторое время он сказал: „Бог слышит все, что говорю я. Он слышит, когда говорит Маккей, он слышит, когда говорит Мапера (так звали в Буганде Лурделя — искаженное французское „мон пер". — А.Б.), он слышит, когда говорят арабы..." Встреча закончилась следующим высказыванием-резолюцией Мутесы: „Если мы примем религию Музунгу (европейца на суахили. — А.Б.), у нас будет только по одной жене, если же мы примем религию арабов, то не сможем есть всех сортов мяса» [Robinson, Smith, с. 92, 95].

Играя на противоречиях между католиками и протестантами, Мутеса преследовал свои интересы. Он понимал, что, сколько бы миссионеры ни отрицали свою связь с официальными кругами своих стран, они все же являются представителями Британии и Франции. Не случайно за баганда, которые стали протестантами, закрепилось название «бангелеза» («англичане»), а за баганда-католиками — «бафаланса» («французы»). Впоследствии, летом 1879 года, он пошлет за Лурделем и спросит, может ли ему помочь Франция в случае агрессии хедиве кого Египта. На что получит ответ, что французские миссионеры представители не французского государства, а римско-католической церкви, а пока же, проявив милость к французам, тут же пошлет в Англию свою дипломатическую миссию.

Подданные Мутесы в гостях у королевы Виктории. Эта история сама по себе любопытна. В мае 1879 года один из миссионеров-протестантов собрался в Британию и пригласил с собой Мутесу. Мутеса очень заинтересовался такой поездкой и готов был на нее согласиться. Он даже спросил Маккея, сможет ли он в Британии заполучить в жены белую принцессу, на что тот дипломатично ответил, что не может сказать точно, поскольку сам не является белой принцессой³. Но его отговорили его придворные, приведя следующий решающий довод: «Великий Мутеса, надо еще посмотреть, так ли велика эта белая королева Виктория, чтобы ты наносил ей визит первым!» Мутеса с этим согласился и послал в Британию трех сановников. Они вернулись домой в 1881 году, сохранилась запись их рассказа о поездке.

Послы двигались на север около 5 месяцев до Красного моря, где их посадили на корабль, «огромный, как холм». Путь лежал через Каир, Мальту, Алжир, Лиссабон. Когда они прибыли в Англию, «королева послала вождя с тележкой и двумя лошадьми. Лошадей в Лондоне так много, что их невозможно сосчитать. А дома у них каменные. О мой господин, великолепно, великолепно! Они строят два длинных каменных забора, очень длинных, насколько хватает взгляда, а дома — внутри забора. Это все — один дом, но поделенный, и в нем живет много людей. Невозможно подсчитать, сколько же людей живет в одном доме (послы подумали, что каждая сторона улицы — один длинный дом. — А.Б.). О, Лондон — это огромный город...

Через два дня королева послала за нами. Мы увидели много женщин, собравшихся вместе, и все одеты одинаково, так что мы не знали, какая же из них королева. О мой господин, великолепно! Дом королевы так огромен, как отсюда до Набулагалы (холм в

³ Мои угандийские друзья рассказывали мне, что в миссионерских школах им преподали и такой курьез из жизни Мутесы. Узнав, что далекой страной Британией правит женщина, он очень удивился. По понятиям баганда, страной должен править только мужчина, а женщина может быть лишь его соправительницей. Поэтому Мутеса нашел такой выход: он обратился к королеве Виктории с письмом, предлагая ей себя в мужа и, таким образом, в правители Великобритании. Мне же нигде в литературе не удалось найти каких-либо упоминаний об этом факте. Оставим его на совести учителей миссионерских школ в Уганде.

двух милях от дворца Мутесы I. - А. Б.)».

На них произвели впечатление пушки и ружья. Они поехали по стране по железной дороге: «Мы не шли пешком, а вошли в деревянный домик, который ехал сам, со всеми нами внутри!»

Целым событием для баганда стало посещение зоопарка: «Каждое животное со всего мира есть во дворце королевы. Сначала мы провели три дня, наблюдая за львами, затем два дня мы смотрели на леопардов (потом — буйволы, слоны, птицы)... Затем мы увидели крокодилов. Великолепно! Великолепно! Крокодилы не дикие. Человек протягивает кусок мяса и зовет крокодила, который ест с рук...»

И еще впечатления послов: «В Британии у каждого мужчины только одна жена, и у каждой жены — тридцать детей! В их домах есть и другие женщины, но они не являются их женами, они только работают. Базунгу, которые приезжают сюда к нам, не имеют жен, но, когда они возвращаются в Британию, их делают большими бами, и каждый получает жену в награду за службу... О мой господин, наша страна совсем крошечная! Владения одного омвами в Британии такие же большие, как вся Уганда, Буньоро и Усога, вместе взятые» [Mutesa, с. 38—40].

До рассказов своих послов Мутеса слышал о Европе и о Британии уже от многих людей, начиная со Спика. Но все же он не представлял себе — да и мог ли представить — всю мощь викторианской Великобритании, страны, с которой Буганда столкнется всего десятилетие спустя. Он понимал, что это сильное государство — на этом акцентировали внимание его послы, — *но насколько сильное* — вряд ли. И еще он не понимал, что за хедиве ким Египтом стояла в то время та же Британия, для которой в 80-х годах вопрос заключался лишь в том, откуда завоевывать Междозерье — с севера или с юга.

Последние годы жизни. Мутеса продолжал свою «игру с религиями». Она имела для кабаки и внутривполитическое значение: вокруг религий складывались сильные группировки бами — «бафаланса», «банглеза», мусульмане и те, которые придерживались традиционных верований. Последние открыто выражали свое недовольство новыми религиями, особенно европейскими. Испокон веков абсолютная власть кабаки в Буганде держалась на соперничестве группировок бами и умении кабаки использовать это соперничество в своих интересах. В своей «игре с религиями» Мутеса помнил и о такой реальной угрозе, как колдуны. Например, в 1874 году Мутеса казнил семерых служителей духа озера Укереве. Эти колдуны терроризировали всю Уганду, контролируя озеро и реку Виктория-Нил. Такой террор был в Уганде обычным делом. Мутеса вошел в историю Буганды и как кабака, сильно ослабивший влияние служителей традиционных культов, как и всех сил, мешавших ему укрепить свою власть.

В последние годы жизни в зависимости от ситуации кабака Мутеса покровительствовал то одной, то другой религии.

23 декабря 1879 года он объявил при дворе, что отныне его народ оставит ислам и религию белого человека и вернется к богам своих предков. Предлогом послужило якобы успешное лечение Мутесы (он страдал в основном гонореей) традиционными врачами. Правда, одновременно Мутеса тайно извещает миссионеров-англичан, что боги баганда не хотят, чтобы миссионеры проповедовали в его стране по меньшей мере еще пять лет, а французам — что такое решение он принял под давлением сановников — приверженцев традиционных богов, и что дает разрешение на открытие второй миссионерской станции. Связано это, видимо, с тем, что католическая группировка из баганда была слабее протестантской.

Затем дважды, в июле 1880 и в сентябре 1881 года, он объявил государственной религией Буганды мусульманство. В 1882 году в знак протеста против предпочтения протестантов католическая миссия временно покинула Буганду. А до этого в немилость попали протестанты: вновь прибывший в Буганду миссионер Ф.О'Флаерти неожиданно заявил, что он сумел бы завоевать эту страну с сотней вооруженных людей. Мусульмане тут выступили с протестом: поскольку у протестантов уже три сотни последователей,

вооруженных ружьями Ремингтона, то они представляют реальную угрозу. В результате накануне смерти Мутесы положение европейских миссионеров в стране стало критическим.

Однако это не мешало миссионерам восхищаться кабакой. Вот, например, записи в дневнике О'Флаерти (с которым, несмотря на его неосторожное заявление о покорении Буганды, у Мутесы сложились затем хорошие отношения), сделанные непосредственно после смерти Мутесы 10 октября 1884 года: «Прошло всего две недели с тех пор, как король послал за мной, чтобы я посмотрел 18-летнюю принцессу, которая, как говорили, умирает от кавомпули или черной оспы. Сейчас она поправилась. В нашей последней частной беседе с Мтесой он сердечно поблагодарил меня за мою доброту к его дочери. „Я знаю, Филипп, — сказал он, — ты любишь меня, мою семью и мой народ, и я люблю тебя"... В манере вести беседу — с достоинством, располагающим к себе, Мтесу не мог превзойти никто в мире — его аргументы были умны и тонки, мысль и понимание — быстры, он необычайно умело владел своим настроением и языком. Он всегда восхищался звучными и плавными ритмами арабской поэзии, вкус к которой я разделяю. Я оплакиваю своего верного друга и великодушного покровителя» [Robinson, Smith, с. 96—97].

Умер Мутеса от гонорей в результате приема лекарства, которое ему дали занзибарцы. Так и неясно, был ли он отравлен нарочно или нет. Хронист утверждает, что «лекарство убило Мутесу потому, что он не соблюдал условий его приема. Ему не велено было есть соль.

Другое условие, поставленное занзибарцами, было ни на кого не сердиться». О'Флаерти пишет, что он предупреждал кабаку, чтобы тот не верил занзибарцам-шарлатанам, но сам лечить его не взялся, так как не считал себя специалистом. Как бы то ни было, царствование Мутесы закончилось 10 октября 1884 года.

Пролетавший необычно, он и похоронен был не так, как его предки. Мутеса распорядился, чтобы его тело не бальзамировали, а сожгли и чтобы у него не вынимали челюсть. Покойника обернули четырьмя тысячами кусков дхоти (белая индийская ткань) и поместили в два гроба — один в другом. В его усыпальницу положили два слоновьих бивня и 48 тысяч раковин каури, которые в Восточной Африке заменяли деньги. Кроме того, 80 фаразир⁴ бус и браслетов и 4 тысячи кусков лубяной материи. Но самое главное — Мутеса распорядился, чтобы его похороны не сопровождалась смертями других людей, как это было принято в Буганде. В результате после смерти Мутесы не было внутренней войны с ее убийствами, грабежами и кровопролитием. Такого до тех пор в Буганде после смерти кабаки никогда не случалось.

Для Мутесы была построена специальная усыпальница, которая стоит и почитается в Буганде и по сей день.

Желания Мутесы, над которыми когда-то смеялся Линант де Бельфонд, сбылись. Он вошел в историю. Вошел как правитель-реформатор, укрепивший свое государство невооруженной силой, как африканец из внутренних районов, о котором знали в Европе и которым восхищались знавшие его европейцы. Умерев в дни, когда в Берлине на конференции по бассейну реки Конго готовился очередной этап раздела Африки, он успел выдвинуть и апробировать идеи, которые могли бы осложнить раздел континента, например Мутеса попытался использовать противоречия между европейскими державами и столкнуть их между собой и понял необходимость объединения африканских народов перед лицом общего врага. Уже хотя бы поэтому он был действительно Мутесой — дающим мудрые советы.

«ЕСЛИ ОНИ ХОТЯТ ВОЙНЫ — МЫ ГОТОВЫ»

⁴ 1 фаразира равняется 36 фунтам, или около 16.3 кг.

Кабарега

А теперь предлагаю читателю перенестись на северо-запад от Буганды, к берегам другого из Великих озер, значительно меньшего, правда, чем Виктория, — озера Мобуту-Сесе-Секо (Альберт). Между ним, рекой Виктория-Нил и озером Кьога, примыкая к самой Буганде, во времена Мутесы росло и крепло другое государство — Буньоро. Когда-то Буньоро было ядром Великой Китары, из которой позже образовалась и выросла Буганда. В начале XIX века от Буньоро откололась область Торо — один из «принцев» захотел иметь свое государство и не подчиняться монарху Буньоро — омукаме. Надо сказать, что в отличие от Буганды в Буньоро не было заведено уничтожать «лишних» принцев, поэтому междоусобицы здесь возникали довольно часто, особенно после смерти очередного омукамы.

Война за престолонаследие и воцарение Кабарегу. Такая война возникла и в 1869 году, когда умер омукама Кьебамбе IV Камураси. Под конец жизни Камураси пришлось выдержать первый натиск европейской экспансии. В конце 60-х годов в связи с открытием Суэцкого канала усилился интерес Британии к Судану, формально находившемуся под властью египетского хедива. Действуя под египетским флагом, под предлогом борьбы с работорговлей, англичане проникли в Южный Судан, а затем и в Межозерье. Это была экспедиция Сэмюэля Бейкера (1821—1893), попытавшегося объявить формальное господство египетского хедива над Буньоро в 1864 году. Но в то время никто не воспринял это серьезно, в том числе и Камураси, не получивший от Бейкера помощи в борьбе против своего династического соперника Руйонги. Но вот в 1870 году в Буньоро воцарился новый омукама — Кабарегу. Воцарился после успешно выигранной войны за престолонаследие, в которой получил помощь — небольшое войско — от своего соседа Мутесы I.

Камураси хотел оставить свой трон Кабарегу, поэтому молодого «принца» (ему только-только исполнилось 20 лет) поддерживал его дядя Ньяика. Чтобы обеспечить переход престола к Кабарегу, Ньяика уклонился от участия в церемонии похорон, тогда как другие братья умершего омукамы сопровождали его тело к месту захоронения. Но большинство придворных предпочитали, чтобы престол Буньоро занял брат Кабарегу Кабигумире. Его сторонники рассчитывали на то, что «Кабарега будет тупо сидеть и смотреть, как забирают его трон».

Но вышло все не так. Когда Кабарегу объявили войну, он быстро собрал войско и нанес своим соперникам несколько серьезных поражений. Его осенила блестящая идея — обратимся за помощью к Буганде, и он не раз еще этим воспользуется. Хотя войско Буганды сыграло в победе Кабарегу скорее вспомогательную роль, сам факт совместных акций двух государств-соперников, главенствующих в Межозерье, значителен. Кабарегу разбил своих противников и воцарился в Буньоро, выполнив таким образом волю своего отца.

В том же, 1870 году Бейкер объявил о создании египетской провинции Экватория, включавшей земли Южного Судана и Северного Межозерья, — пока, конечно, на карте. С момента вступления на престол Буньоро Кабарегу вынужден был с оружием в руках отстаивать независимость своего государства от чужеземцев — сначала от их нашествий с севера, в качестве «буфера» между Экваторией и Бугандой, а затем и с юга, из Буганды.

Что же это был за человек? Вот несколько его словесных портретов, оставленных европейцами.

С. Бейкер, 1872 год: «В красивом одеянии из лубяной материи с черными полосками, он был крайне опрятен и выглядел примерно лет на двадцать... Роста он был около 5 футов 10 дюймов (примерно 178 см. — А.Б.), цвет лица очень светлый, глаза большие, неприветливые. Широкий, но низкий лоб и высокие скулы, большой рот с довольно сильно выступающими, но очень белыми зубами — вот его законченный портрет. У него были красивые руки с тщательно вычищенными ногтями, ногти на его ногах также

ухожены. Он был в сандалиях». Но, видимо испугавшись, что портрет получается достаточно привлекательным, тут же добавляет: «Неуклюжий, неотесанный, недостойный, деревенщина 20 лет от роду, воображающий себя великим монархом Он был труслив, жесток, коварен и вероломен до последней степени» [Baker, т. 2, с. 186—187].

Но этой характеристике, данной явным врагом Кабареги и прозвучавшей в Европе в 1874 году, в год выхода первого издания книги Бейкера «Измаилия», противоречат другие, данные людьми, с которыми у Кабареги сложились лучшие отношения. Вот как, например, писал о нем Эмин-паша: «Красиво сложенная, гладко выбритая голова... Руки невелики и хорошо ухожены. Цвет лица настолько светел, что это бросалось в глаза. Общее впечатление крайне благоприятное... Я не могу утверждать, что когда-либо слышал от него неподходящее слово, неприличное высказывание... Он произвел на меня впечатление разумного и приличного человека» [Emin Pasha a, с. 59—60].

Примечательно, что необычно светлую кожу Кабареги отмечают все современники. Это объясняется особенностью этнического состава баньоро, достаточно четко разделявшегося на две кастовые группы: скотоводческую — бахима, или бахума, и земледельческую — баиру. Именно баиру, любившие Кабарегу, оказали ему основную поддержку в борьбе за престол. Такого четкого разделения не было в Буганде, где эти две группы исторически смешивались, а вот в Буньоро оно сохранялось, и аристократические роды состояли исключительно из бахума, в том числе род омукамы — династия Бабиито. Бабиито считались прямыми потомками светлокожих пришельцев Бачвези, и поэтому первое появление белых в Буньоро было воспринято настороженно — как и в Буганде, их приняли за потомков Бачвези, но разница состояла в том, что С. Бейкер прибыл с женой — она могла родить наследника — потомка Бачвези, что было прямой угрозой трону династии Бабиито!

Отличия Буньоро от Буганды бросились в глаза еще первым европейцам. Одна из книг об Уганде, написанная на основе этих описаний и вышедшая в России еще в 1903 году, сообщала российскому читателю о стране Буньоро и ее обитателях следующее: «Униоро не может сравниться с королевством Уганда ни по пространству возделываемой территории, ни по числу жителей, ни по политической сплоченности частей... Жители страны — ваниоро — ростом меньше угандцев, уступают им в физической силе и в умственных способностях (оставим это на совести авторов! — А.Б.), но не в промышленной деятельности в качестве купцов и гончаров. Они принадлежат к той же расе, что и жители Уганды, и говорят языком банту того же происхождения, но они не так черны: обыкновенный цвет кожи темно-красный, и волосы у них курчавые. Вообще очень опрятные, они всегда моют руки до и после еды» [Кресин, с. 36—37].

Вот такое государство и завоевал себе Кабарега в результате войны за престолонаследие. Он сражался за престол в течение почти целого года и в конце концов сумел захватить тело своего отца Камураси и похоронить его. Всех правителей Буньоро хоронили в одном и том же месте. Но прежде чем отправиться туда, Кабарега должен был выбрать место для постройки резиденции — он не имел права, как и любой восшедший на престол омукама, править из резиденции отца. Но вот место — Кикангара — выбрано, и процессия движется к месту захоронения Камураси. Там уже построено здание, а внутри выкопана могила для тела покойного. Могилу застилают коровьими шкурами и множеством лубяных тканей, туда кладут тело Камураси и двух его вдов, которые там умрут от голода. Могилу покрывают лубом и травой, и здание превращается в храм, которому ежегодно приносятся в жертву коровы.

Кабареге предстояло пройти процедуру «очищения», длившуюся два-три дня и проходившую в его новом временном краале (так называют огороженное поселение скотоводческих народов, в котором содержится и скот). Она начиналась с омовения водой, смешанной с молоком священных коров. Затем был назначен мнимый омукама из потерпевших поражение братьев Кабареги. Ему сначала подносили подарки, потом же

Кабарега прогнал его с престола, а его воины предали «узурпатора» смерти. Такая процедура происходила при воцарении каждого омукамы, она символизировала войны за престолонаследие и должна была отогнать смерть от нового правителя Буньоро.

Лишь после этого Кабарега мог сам сесть на трон, и специальный герольд провозглашал его омукамой, оглашая поочередно всех предшествующих правителей, вплоть до Камураси. Это была опасная процедура, ибо, если оратор ошибался хоть раз, его тут же убивали. Но все завершилось благополучно, список закончился именем нового омукамы — Чва II Кабарега, — и все присутствующие приветствовали его криком: «Зонокали!», что значит «ты — наш господин». Затем голову омукамы восемь раз венчали короной его отца, а потом надели его собственную. Короны эти изготавливались из особым образом обработанного луба и пальмовых листьев и шкурки обезьяны с металлическими украшениями. После специальной обработки все это выглядело как головной убор, к которому было приделано нечто вроде бороды — ее как раз и образовывала шкурка обезьяны. За короной ухаживали две специально назначенные женщины.

Затем Кабарегу облачили в одеяние из луба, украшенное бисером, в ожерелье с амулетом из двух львиных когтей и в особую обувь. Кабарега обошел семь священных хижин, задержавшись около седьмой, где его ждали сановники и священные коровы. Ритуал означал, что новый омукама «принимает хозяйство». Ночевал Кабарега в одной из этих хижин. Назавтра церемонии продолжались. Омукама посетил своих жен, каждая из которых принесла ему дары. В одной из хижин, принадлежавших, по преданию, основателю династии, он получил особые дары — просо, бобы и симсим (местный злак), которые, согласно обычаю, разбросал на четыре стороны света. Все это сопровождалось ударами в королевский барабан, не смолкавший в течение девяти дней. В этот же день омукама принял всех оставшихся в живых принцев и назначил одного из них начальником нал другими.

Важное место в церемонии коронации омукамы занимала перенатяжка королевского лука. На него натягивали человеческие сухожилия — для этого выбирался человек из определенного клана, проходил церемонии очищения при дворе и добровольно отдавал свои сухожилия. Операция эта всегда оказывалась для него смертельной. Утешением родных погибшего было то, что отдать свои сухожилия для лука омукамы считалось очень почетным.

Вместе с перетянутым луком Кабареге вручили четыре стрелы, которые он пустил на четыре стороны света со словами: «*Ндасере амаханга кугасинга*», что означает «Я стреляю в чужаков и побеждаю их». Стрелы тут же разыскивали, ибо омукаме предстояло повторять эту же процедуру каждый год, празднуя наступление Нового года. Их помещали в два особых колчана, которые за омукамой носили во время его выходов. К ритуальному оружию омукамы добавлялось и королевское копье, которое никогда не должно было падать и всегда находилось в вертикальном положении, а копьеносцы сменялись каждые два дня.

На этом церемония коронации закончилась. Правда, в ее Продолжение через три месяца омукама послал богатые дары, В основном животных, двум главным служителям культа, чтобы они призвали богов Буньоро защищать его.

Особа омукамы в жизни Буньоро. День омукамы. Следует сказать об особом положении омукамы Буньоро среди подданных. Вот что сообщает об этом известный британский миссионер Дж. Роскоу, современник Кабареги, проведенный в Восточной Африке четверть века: «Его персона, пища, одежда, действия, все, что связано с ним, было священным, и он проводил свою жизнь в ежедневных представительских церемониях на благо своего народа и заботах об увеличении стад скота, которые составляли богатство его народа. Каждый его день был заполнен обязанностями, которые должны были выполняться так же регулярно, как восход и заход солнца. Специальные лица следили за этим. Особа короля была столь священна, что даже части его тела назывались словами, которые запрещалось употреблять в отношении обычных людей. Оружие и другие личные

вещи омукамы, как у богов и героев античных легенд, имели особые названия, его ежедневные трапезы были церемониями, рассматривавшимися как жертвоприношения на благо народа. Король был всегда одет в одежды из лубяной материи и имел большой гардероб, состоявший почти исключительно из кусков луба шириной в 10 футов и длиной от 9 до 10 футов (соответственно 3 метра и 2,7 — 3 метра — А.Б.). Некоторые из них были белыми, другие окрашены черным, но обычный цвет был коричневый — от насыщенно-терракотового до желтоватого. Многие из них украшались геометрическим орнаментом черного цвета, но самыми ценными считались те, на которых орнамент был нанесен кровью любимых жен и принцесс, которые делали эту работу сами, используя собственную кровь, и сами выдумывали узоры... Король часто менял свои одежды в течение дня, надевая или один кусок луба, закрепленный на правом плече, или два, каждый из которых закреплялся на одном плече. Вокруг запястий и лодыжек он носил ожерелья из бисера, такое же ожерелье он носил вокруг шеи» [Roscoe, с. 90—91].

Как же проходил день омукамы? Часть ночи он спал в хижине какой-нибудь из своих жен, а около двух часов ночи его будил паж и отводил в официальную спальню. С этого момента никто из дворцовой прислуги не должен был спать. С криком первых петухов специальная девушка (обязательно девственница, в обязанности которой входило спать в ногах господина) протирала омукаме большие пальцы ног куском луба, смоченным водой, и уходила. Из тронного зала наружу выносилось королевское копьё, и пажи возвещали о пробуждении омукамы. Сойдя с ложа, он должен был наступить на спавшего на полу человека с очень черной кожей, чтобы «стряхнуть с себя темноту ночи». Затем следовала процедура омовения. В умывальное помещение пажи подавали воду — горячую «мужскую» и холодную «женскую», одна из жен омукамы смешивала ее в нужной пропорции, и он умывался. После этого его одевали, и он следовал в тронный зал. Слуги приветствовали омукаму словами: «Великий правитель, ты лучше всех», а жены осведомлялись, как он спал. Придворные встречали его особым приветствием, употребившимся только до полудня.

В тронном зале проходила сложная церемония дойки священных коров омукамы, содержащихся при дворе. Во время дойки должна была соблюдаться абсолютная тишина. Парное молоко было частью завтрака омукамы. Для завтрака использовались особый табурет и набор сосудов и салфеток. После завтрака примерно до 11 часов омукама принимал своих подданных и выполнял функции третейского судьи.

Затем следовала церемония выпаса священных коров, причем в переходе по дворцовому комплексу омукаму сопровождали специальный паж с королевским обоюдоострым мечом, который паж носил на плече, покрытом леопардовой шкурой, а также хранители его другого ритуального оружия — лука, стрел и копья. Эта процедура символизировала заботу о скотоводах — привилегированном сословии Буньоро. После нее у омукамы было свободное время: он мог отправиться на охоту или прогулку, или навестить одну из своих жен.

Около четырех часов пополудня наступало время обеда омукамы. Он возвращался в тронный зал, переодетый в другие одежды, и по очереди ударял в девять священных барабанов. Тут же появлялся главный повар, поднося блюда из мяса особых священных коров и овощи. Повар кормил омукаму со специальной двухрожкой вилки, ибо омукама не должен был касаться мяса руками. Затем следовала дойка монарших коров и питье молока. Помимо этих официальных приемов пищи омукама мог есть в любое время «секретно» в особой постройке, где всегда его ждали горячие блюда.

После вечерней молочной трапезы наступало время развлечений — к омукаме приглашались певцы и танцоры; он угощал «артистов» пальмовым пивом, которое пили из специальных сосудов через соломинки. На этой церемонии присутствовали жены и сводные сестры омукамы, другие придворные. Часто вместо таких импровизированных концертов омукама решал государственные дела или делал обход караула. Для воина, заснувшего на посту, такая оплошность кончалась, как правило, плачевно: омукама

протыкал ему голову копьем. Не спящему же охраннику полагалось схватить омукаму за ногу и не пускать. Тогда омукама говорил шепотом: «Отпусти меня». Но охранник не должен был этого делать, а, продолжая держать его за ногу, должен был спросить: «Кто ты такой, чтобы разгуливать здесь ночью?» И, только получив ответ, охранник мог отпустить омукаму.

Обходом караула обычно заканчивался день омукамы, и на завтра все повторялось снова.

Но Кабареге не было уготовано такой размеренной жизни. Новый мир, мир пароходов, пулеметов и колониальных амбиций, вторгнулся в его страну.

Что мог противопоставить Кабареге этому миру, с которым ему практически сразу же после воцарения, с 1872 года, пришлось воевать? В Буньоро, как и поначалу в Буганде, постоянной армии не существовало, ее заменяло ополчение. Разница состоит в том, что основным костяком воинства Буньоро были скотоводы-бахима. Каждый наместник территориальной единицы в случае необходимости ставил «под копье» все боеспособное население своей территории. Кабареге, как и Мутеса, понял важность создания постоянных военных отрядов, они были созданы и назывались абарусура. Это была как бы гвардия, которая во времена ее наибольшего роста составляла до 15 подразделений. Вооружение обычное — щиты и копья, кроме того, и в Буньоро постепенно проникло европейское огнестрельное оружие, но его было значительно меньше, чем в Буганде.

Война с Кабигумире. Поначалу, однако, новому омукаме Буньоро пришлось сражаться со своим братом Кабигумире, который не сложил оружия. После решительного поражения в ходе войны за престолонаследие он скрылся в соседнем государстве Нкоре, расположенном между Бугандой и озером Эдуард. Пока Кабареге проходил процедуру коронации и обживал свой новый дворец, Кабигумире дважды собирал в Нкоре новое войско с помощью тамошнего правителя, дважды вторгнулся в Буньоро и дважды был жестоко разбит. И тогда Кабигумире возвратился к себе домой, на окраину Буньоро.

Но воцарившийся Кабареге не мог допустить, чтобы его престолу постоянно угрожали, так как знал, что поражения ничему не научили брата-соперника. Кабареге вновь послал против него свою рать, которая в конце концов разбила

Сабигумире. Победенный бежал на другую окраину Буньоро построил укрепленный лагерь. Две попытки омукамы издать его оттуда успехом не увенчались.

И тут добрый гений Кабареге — его дядя Ньяика обратился к нему с такими словами: «В результате этой войны убито много людей. Если все население исчезнет, кем ты Вудешь править? Если ты не хочешь убивать своего брата, ни ему часть своего королевства, пусть он тоже станет омукамой. Если же ты все еще ненавидишь его, дай мне Копье, я пойду и убью его ради тебя». Кабареге, конечно, мог допустить нового дробления Буньоро, от которого за Сорок лет до того и так уже откололся большой кусок, Превратившийся в государство Торо. Он предпочел второй из предложенных дядей вариантов и торжественно вручил ему Копье, предупредив, что брата его следует, конечно, взять в плен, по возможности не убивая. Получив от Кабареге копье войско, Ньяика направился к Кабигумире. Не сразу ему удалось разбить претендента на престол Буньоро, а лишь получив от Кабареге новое войско. Кабигумире сражался до юследнего солдата. В конце концов он был убит, и единственный оставшийся в живых его воин, по имени Джапари, был приведен к Кабареге.

Деталь, немало поясняющая характер Кабареге: омукама не убил Джапари, а поблагодарил его за мужество в сражении за своего господина, подарил ему ружье Кабигумире (воистину царский подарок!) и сделал военачальником отряда. Со смертью Кабигумире в 1871 году Кабареге прочно утвердился на престоле. В ознаменование этого события омукама переехал в новую резиденцию — он менял их неоднократно на протяжении своего правления.

Отпор натиску Экватории. Наступил 1872 год. 5 апреля к столице Кабареге вплотную придвинулся С. Бейкер — уже в качестве губернатора провинции Экватория,

которую он хотел расширить за счет Буньоро. «Мулежду» («бородатый»), Как звали Бейкера в Буньоро, пришел в окружении около 200 египетских солдат. С ним были и люди двух арабов-работорговцев — Сулеймана и Эдриса, наводивших, как и их хозяева, ужас на местных жителей. Это были настоящие Кровожадные охотники за людьми в духе лучших колониальных романов. Англичанин, для которого превыше всего были интересны его страны, при этом официально находясь на службе египетского хедива⁵, борец с работорговлей (под таким лозунгом он создавал и расширял свою Экваторию), взявший в свой эскорт двух самых ярых работорговцев, — таков был Бейкер. За спиной у него были форты Фатико и Фовеира, построенные на границах Буньоро под предлогом борьбы с работорговлей.

По опыту общения с Камураси, отцом Кабареги, Бейкер знал, что Буньоро покорить нелегко. И вот 26 апреля 1872 года Бейкер встречается с новым властителем Буньоро в его столице Масинди. Накануне его солдаты разбили свои палатки вокруг дворца Кабареги. Бейкер предлагает Кабагере признать власть хедива Египта, которого он представляет. Ому-кама знает через своих представителей в Египте о характере и истинных намерениях Бейкера и отвечает ему уклончиво.

А Бейкер не теряет времени. Он начиная с 29 апреля строит здание «представительства Экватории» в Масинди, а 14 мая торжественно провозглашает, что Буньоро аннексировано Египтом. Одновременно он ведет оживленную торговлю слоновой костью, что нарушает монополию омукамы. Кабарега недоволен, но пока пытается задобрить Бейкера — дарит ему сначала двенадцать коз, затем другие подарки. Но Бейкеру этого мало. 7 июня он посылает к Кабареге с требованием провианта для своих солдат. Посланным дают пять горшков пива и обещают прислать сорго — местный злак. Бейкер отсылает дары обратно, считая их незначительными. Ему присылают еще пива, а также обещанное сорго. Солдаты пьют пиво, и у них начинаются боли в животе. Бейкер заявляет, что его солдат намеренно отравили. Назавтра он объявляет своего переводчика Мбого — одного из знатных людей Буньоро — пленником и связывает его спина к спине с другим сановником. Затем оскорбляет еще одного сановника Кабареги в его доме. Напряжение растет, завязывается перестрелка. Дворец Кабареги предают огню, но сам Кабарега успевает скрыться.

В то же время посланный Кабареги приближается к лагерю Бейкера и выкрикивает: «Омукама Чва II Кабарега не виноват. Он не сделал ничего дурного. Пиво, которое является причиной раздора, послано не им, а Матосой (одним из придворных). Матоса бежал. Но мы сделаем все возможное, чтобы поймать его, и, если нам это удастся, мы выдадим его вам».

Бейкер не отвечает. 9 июня, когда омукама предпринял новую попытку примирения, подкрепив ее подарками, Бейкер эпят молчит. Но 11 июня люди Кабареги, разгневанные шюстью пришельца, без его ведома поджигают несколько построек лагеря Бейкера. Битвы избежать не удалось, и она произошла 13 июня. Люди Кабареги были разбиты отрядом Бейкера, у которых имелось огнестрельное оружие. Видимо, омукама хорошо это понимал и поэтому так долго терпел выходки Бейкера. 14 июня, однако, были подтянуты свежие силы баньоро, и Бейкеру пришлось отступить. Он покинул Буньоро, предав огню Масинди. Однако оставил на границе Буньоро в форте Фатико гарнизон египетских солдат.

При отступлении отряд Бейкера пересекал Нил в том месте, где имелся остров, на

⁵ На службу к хедиву он отправился из-за женщины, очаровательной сироты-венгерки, купленной им на невольничьем рынке на Балканах и ставшей леди Бейкер. Английское светское общество отвергло красавицу Флору, и Бейкер был вынужден увезти ее в Африку. В Экватории Флора вела дневник на венгерском языке, до сих пор полностью не опубликованный.

котором скрывался давний претендент на престол Буньоро—Руйонга, родственник и соперник Самураси, отца Кабареги. Руйонга предоставил Бейкеру лодки и людей для переправы. За это Бейкер провозгласил Руйонгу своим наместником в Буньоро и представителем Экватории. Заранее планируя новый поход против кабаки, он оставил там часть своих солдат.

Можно считать, что поход Бейкера на Буньоро провалился, хотя сам Бейкер докладывал в Каир об обратном. Его «наместник» в Буньоро Руйонга не только не являлся правителем этого государства, но даже и не мог претендовать на это: он был сыном Олими V Рвакабале, деда Кабареги, а по нормам наследования престола в Буньоро на него имел право только брат или сын предыдущего омукамы. Но Экватория, вернее, англичане, выступавшие под флагом египетского хедива, на этом не успокоились. В 1874 году преемником Бейкера на посту губернатора Экватории стал Ч.Дж. Гордон (1833—1885). Это был деятель иного плана, ем Бейкер, — представитель викторианской военной элиты, Имевший военный опыт. Впоследствии он стал генерал-губернатором Судана и был убит в ходе восстания Махди. Полковник Гордон приступил к делу масштабно: соорудил цепь фортов вдоль реки Альберт-Нил, затем начал посылать на юг Экватории и еще дальше, в Буганду, одного за другим своих эмиссаров. Сначала это был полковник Лонг, затем Э. Линант де Бельфокд, оставивший, как, вероятно, помнит читатель, хорошие отзывы о Мутесе I и укрепивший Гордона в идее, что было бы неплохо покорить и Буганду. К сентябрю 1875 года строительство форта в низовьях реки Альберт-Нил в основном закончилось, и между ними было налажено пароходное сообщение. К этому времени относятся и донесения Бельфонда о положении дел в Межозерье (самого Бельфонда убили по дороге в столицу Экватории Гондокоро на юге Судана). Тогда Гордон самоуверенно написал в Каир, что в течение двенадцати месяцев Кабарега будет покорен и продвижение к озеру Виктория станет значительно легче. И если хедив пожелает, возможным станет впоследствии и падение Мутесы. Этот план Гордон и начал осуществлять. В январе 1876 года его войска, в значительной степени состоявшие из жителей Южного Судана, атаковали Буньоро со стороны только что отстроенного форта Мрули в низовьях реки Альберт-Нил. Затем был высажен десант с парохода на буньорский берег озера Альберт. В районе Магунго, где река Виктория-Нил впадает в озеро Альберт, произошло сражение, в котором подразделения Гордона потерпели поражение. Но это не помешало солдатам, поплавав по озеру Альберт, воткнуть на берегу египетский флаг и сообщить Гордону, что Буньоро покорено.

Основные силы Кабареги в то время были заняты покорением Торо — омукама давно мечтал вернуть Буньоро эту отколовшуюся от него часть и несколько раз переносил свою столицу на юг Буньоро, поближе к Торо. Правители Торо отказывались признать верховную власть Кабареги и неоднократно совершали набеги на его территорию. Армия, посланная Кабарегой в 1876 году на завоевание Торо, была настолько велика, что на марше в Торо воины убили пять слонов, тридцать буйволов, двух львов и пять гиен. Торо было покорено и вновь стало частью Буньоро. Скажем сразу, что в этот и последующие годы Кабарега значительно увеличил территорию Буньоро за счет соседей, у которых не существовало ни такой развитой государственности, ни такой армии.

Но Кабарега не мог не видеть новую опасность со стороны Экватории. Поэтому после первого рейда Гордона он направил послов к Мутесе с просьбой о поддержке, и Мутеса, понимая, что опасность из Экватории — общая для обоих межозерных государств, ему такую поддержку обещал. Кабака Буганды проявил большой дипломатический талант: пообещав Гордону поддержку против Кабареги, на деле же он в нескольких письмах всячески отговаривал его от войны с омукамой. Но Гордон не внял советам Мутесы. Прибыв в августе с инспекцией в построенные на границах Буньоро форты, он обнаружил, что Кабарега неизвестно где и никакого контроля Экватории над страной нет. В сентябре отряд войск Экватории в 750 человек прочесал северо-восток

Буньоро, и опять впустую: основные силы Кабареги завоевывали Торо. Это не

мешало, впрочем, небольшим отрядам баньоро наносить завоевателям неожиданные удары, осваивая партизанские методы ведения войны, так пригодившиеся им впоследствии. Солдаты Экватории были вынуждены вернуться в свои форты, а Гордон писал в Каир: «Мы должны благодарить бога, что смогли отступить без потерь».

Не успокоившись на этом, Гордон предпринял третий поход на Буньоро в декабре того же, 1876 года. Его солдаты наступали сразу с трех сторон, но были встречены новыми партизанскими наскоками, а когда подошли основные силы Кабареги из Торо, и вовсе были вынуждены отступить под защиту крепостных стен. В Каире посчитали, что экспедиция против Буньоро себя не оправдывает, и в результате поражения трех походов против Кабареги идея о подчинении его государства военной силой хедивского Египта была практически похоронена, тем более что Египет стал испытывать финансовые затруднения, а в 1877 году вспыхнул мятеж в провинции Бахр-эль-Газаль в Судане.

В этих условиях Каир был заинтересован в установлении мира на южных границах Экватории едва ли не больше, чем Кабарега. К нему направляется эмиссар Гордона Эмин-паша. Он в отличие от своих предшественников нашел с Кабарегой общий язык и даже сумел установить с ним дружественные отношения. Позже Эмин писал о Кабареге: «Омукама Чва был очень рад посетителям, он свободно разговаривал и смеялся с ними. В отличие от других королей он не был капризным». Обе стороны были настолько заинтересованы в установлении мира, что, когда солдаты из эскорта Эмина занялись грабежами, считая, что находятся среди дикарей, Кабарега пожаловался на них Эмину, и этот вопрос был урегулирован мирно. Переговоры Кабареги с Эмином в сентябре 1877 года закончились обещанием, что Экватория больше не будет нападать на Буньоро и поддерживать внутренних врагов Кабареги. Кабарега попытался достичь большего: он попросил Эмина обменивать товары Буньоро — прежде всего слоновую кость — не на бусы и ткани, и на ружья и боеприпасы. Эмин ему, конечно, отказал — в усилении Буньоро Экватория не была заинтересована.

В следующем году Эмин стал губернатором Экватории, а еще через год он осуществил главное, чего добивался Кабарега, — эвакуировал гарнизоны всех фортов, построенных на северных границах Буньоро.

Надо сказать, что кабарега старался сохранить дружественные отношения с Эмином и далее, когда с началом в 1881 году махдистского восстания в Судане положение губернатора Экватории осложнилось. Кабарега, например, в 1885 году послал к Эмину семерых юных баньоро с письмом, в котором просил его «научить их читать и писать по-арабски и не давать им много играть». Более того, когда встал вопрос о возможности эвакуации войск Экватории через Буньоро, Кабарега был готов предоставить свою помощь. Он обеспечивал Эмину связь с Занзибаром через Буганду — махдисты отрезали Экватории другие каналы связи с Европой. Эмин, в свою очередь, принимал послов омукамы, высылая за ними пароход. Но во второй половине 80-х годов ситуация изменилась.

Буньоро, получив передышку от нашествий Экватории, продолжало расширять свои границы. Страна восстанавливала пастбища, разрушенные в ходе военных действий, и становилась все более могущественной. Но в 1886 году на Буньоро напала Буганда, в которой двумя годами раньше умершего кабаку Мутесу I сменил его молодой сын Мванга.

Войны с Бугандой и новые козни Экватории. Произошло это в январе 1886 года. Армию Буганды возглавлял Кибиранго, видный придворный Мванги. Прознав о приближении неприятельской армии, Кабарега сначала решил дождаться противника в столице, но внял совету своих военачальников и решил выступить ему навстречу. Накануне битвы он выстроил своих воинов в линии, дал команду преклонить колени и обошел ряды солдат, подбадривая их и таким образом поднимая их боевой дух. Битва, начавшаяся назавтра с криками первых петухов, закончилась поражением баганда. Но их армия не была полностью разбита, и Кабарега добил ее в следующем сражении, лично

застрелив из своего ружья Кибиранго, что и повлияло на исход боя. Надо сказать, что в Европе и даже ближе к Межозерью, на Занзибаре, Кабарегу и его воинов в то время сильно недооценивали. Свидетельство тому — меморандум британского консула на Занзибаре Дж. Кирка в Форин офис (копия которого хранится в потсдамском архиве), где, в частности, говорится: «Кабареге была объявлена война, и Керсе, вождю Булемези (северная часть Уганды), поручено пойти с большой армией на Кабарегу и захватить его в плен... Считается, что у баньоро много ружей, но они плохие воины, и возможно, что старый Кабареге отправится к озеру Альберт, оставив всю свою страну на разграбление [RKA 246, л. 3].»

Вслед за разгромом баганда Кабареге был вынужден заняться Чопе — в этой местности, где когда-то находились земли Кабигумире, восстал другой «принц» — Комвисва. Он объявил себя независимым от Буньоро правителем. Кабареге послал туда своих воинов во главе с одним из своих искуснейших военачальников — Рвабудонго. Комвисва был пленен, но по распоряжению Кабареге не убит. Эта история заставила Кабарегу провести важную административную реформу: омукама распорядился, чтобы отныне все отпрыски правящей династии Бабиито получали в наместничество саза в пределах исконных земель династии, т.е. поближе к центру государства, что уменьшало вероятность попыток отделения.

Поистине не было покоя Кабареге — не проходило и года, чтобы ему не приходилось воевать с чужеземными завоевателями или со своими соседями. Или вести дипломатическую игру.

В том же, 1886 году Кабареге принимает двух эмиссаров Эмина. Один из них, В.В. Юнкер, в Буньоро не задерживается — он спешит дальше на Занзибар, чтобы оттуда отвезти почту Эмина в Англию. Но успевает пообщаться с Кабарегой, оставив потомкам его описание, с которым читатель уже знаком. А вот другой, майор Г. Казати, провел в Буньоро почти два года и сыграл там неблагоприятную роль. Он прибыл к Кабареге 2 июня, чтобы якобы обеспечить почтовую связь Эмина с Занзибаром через Буньоро и Буганду и договориться о проходе войск Эмина через Буньоро в сторону океанского побережья. Кабареге на все согласился, попросив только, чтобы солдаты Эмина проходили через Буньоро небольшими группами, и даже разрешил построить два форта на пути их следования. Согласился Кабареге и на другое предложение Казати — об установлении мира с Бугандой — и в январе 1887 года послал Мванге дары в знак предложения мира.

Но Казати по заданию Эмина вел нечестную игру. Она была связана с изменениями в политике Англии, готовившейся к завоеванию Межозерья и создавшей для этого Имперскую британскую восточноафриканскую компанию. Межозерье было решено завоевывать не с севера, т.е. через Судан, где ситуация осложнилась, а с восточноафриканского океанского побережья. Отстаивая интересы Британии, Эмин уже не собирался уходить из Экватории. Он вел переписку с британским консулом на Занзибаре Дж. Кирком, а позже — с британскими миссионерами, появившимися в Буганде. В Буньоро не без оснований подозревали Казати в шпионаже у него часто бывали люди из Буганды. Призывая Кабарегу к миру с Мвангой, Казати на самом деле подстрекал кабаку к продолжению войны с Буньоро. Не случайно Кабареге уже в мае 1887 года потребовал от Эмина прислать другого посла.

А в июне того же года армия баганда вновь вторглась в пределы Буньоро. Произошло несколько сражений, успех попеременно сопутствовал Буганде и Буньоро. Казати же был уличен баньоро в переписке с предводителем войска Буганды. Когда баганда были окончательно разгромлены, Казати пытался запугать Кабарегу приближением с востока большой армии белых людей. Это была экспедиция Генри Стэнли, направленная для «спасения» Эмина и прошедшая через Буньоро без разрешения Кабареге. В конце декабря 1887 года Кабареге распорядился выслать Казати из страны, не убить, а именно выслать. Казати благополучно добрался до Эмина, к которому успели присоединиться люди Стэнли.

К тому времени Эмин получил уведомление от хедива, что в связи с махдистским восстанием в Судане Египет отказывается от своей новой провинции — Экватории. Объединенная группировка Эмина и Стэнли, пробиваясь к Индийскому океану, совершила нападение на Буньоро с парохода. Десант, высаженный в Буньоро, получил отпор. В конце концов от планов прохода через центр Буньоро группе Стэнли—Эмина пришлось отказаться. Когда же весной 1889 года эта группировка, в которой насчитывалось до 1500 солдат и офицеров, пыталась, проходя через предгорья Рувензори, пересечь южные оконечности Торо (ставшего вновь частью Буньоро), отряды абарусура Кабареги не раз отгоняли ее от границ. Таким образом, Кабарега, убедившись во враждебности европейцев, заставил их совершить круговой маршрут — они вышли к океанскому побережью через Нкоре и территорию теперешней Танганьики.

Одновременно Кабарега вмешался в ситуацию в Буганде, которая дважды нападала на Буньоро. Там осенью 1888 года произошли «три революции», в ходе которых с престола последовательно свергались Мванга, затем два его брата. Один из них, Калема, был ставленником мусульманской группировки бугандийской аристократии, и Кабарега поддерживал его как основного соперника Мванги. Он разрешил ему укрыться в Буньоро, когда тот был свергнут, и дал ему своих солдат, когда тот попытался вернуть престол в ноябре 1889 года. Тогда попытка эта увенчалась успехом во многом благодаря воинам-баньоро и посланному Кабарегой Рвабу-донго, одному из искуснейших его военачальников. Калема вновь воцарился в столице Буганды Менго, для него был построен новый дворец. Рвабудонго был окружен большим почетом. Но в феврале 1890 года христианские группировки знати баганда, собрав армию, со значительным численным перевесом сумели окончательно изгнать Калему и его сторонников из Буганды. Когда Калема попросил у Кабареги, как мы теперь бы выразились политического убежища, омукама, несмотря на то что теперь было ясно, что Калеме уже никогда не быть кабакой Буганды, разрешил ему построить дворец в Буньоро и обещал защиту одного из своих наместников. Поистине это был широкий жест.

Отпор Лугарду. В конце 1890 года в Буганде появилось новое действующее лицо, открывшее следующую главу в подчинении Межозерья Великобритании, — капитан Фредерик Лугард, представитель Имперской британской восточноафриканской компании. Фредерик Джон Лугард (1858—1945), впоследствии лорд, автор знаменитых «Дневников» и не менее знаменитой книги «Двойной мандат в Британской Тропической Африке». С его именем связывают так называемую систему косвенного управления в британских африканских колониях: в 1900—1906 годах — верховный комиссар Северной Нигерии; с 1907 года — губернатор Гонконга; в 1912—1919 годах — губернатор и генерал-губернатор Нигерии; затем тайный советник; член нескольких комиссий Лиги наций и т.д. Но и тогда, в 1890 году, он уже имел за плечами солидный опыт — служба в британской армии с 1878 года, участие в афганской (1878—1880) и суданской (1884—1885) кампаниях; служба в Бирме в 1886—1887 годах; в 1888 году командовал британской «экспедицией по борьбе с работорговлей» в Ньясаленде. Настоящий колониальный волк, он быстро разобрался в ситуации в Буганде и заставил Мвангу в конце 1890 года подписать договор с компанией о «протекторате» над Бугандой. Затем он обратил свои взоры на соседние территории, и в первую очередь на Буньоро, правитель которого Кабарега уже успел прогреметь в Европе как «жестокий и кровожадный тиран».

Лугард понимал, что Кабарегу так просто не подчинишь, имея даже два пулемета «максим», которые произвели устрашающий эффект в Буганде.

Кабарега, со своей стороны, осознавал, что неподалеку появилась новая грозная сила, с которой лучше бы сохранить мир. И в марте 1891 года послал к Мванге послов, пытаясь через него заключить мир с Лугардом. Но Лугард отказал ему, объяснив свой поступок европейцам, присутствовавшим в Буганде, тем, что «предложения Кабареги неискренни, поскольку он настроен враждебно к европейцам». В то время Лугард готовил поход на Буньоро против скрывавшейся там мусульманской группировки баганда.

В мае этот поход начался. Против Буньоро выступила армия Буганды при поддержке Лугарда. Кабарега выставил против них своих гвардейцев. Сражение произошло 7 мая, оно закончилось успехом баганда и Лугарда. Однако продвижение в глубь Буньоро было приостановлено.

Затем Лугард обратил свое внимание на запад Межозерья, в сторону озер Альберт и Эдуард. В походах в Торо и Нкоре несколько раз отряды Кабареги внезапно нападали на отряд Лугарда, но каждый раз были вынуждены отступить.

В намерениях Лугарда блокировать и разбить Буньоро уже на марше ему помог случай в лице «молодого человека крайне располагающей наружности и манер».

Это был Касагама, брат последнего правителя государства Торо, вновь присоединенного Буньоро. Касагама жил в изгнании в Буганде и мечтал стать омукамой Торо. Поэтому он обратился к Лугарду, который встретил его с распростертыми объятиями. Новое отделение Торо дало бы ему возможность не только сильно урезать владения Кабареги, но и установить контроль над соляным озером Катве, неподалеку от Торо. Соль в Межозерье очень ценилась, а озеро Катве было ее единственным источником.

Лугард сумел захватить Торо без особого труда: основные силы Кабареги находились далеко и жители Торо в основном поддерживали Касагаму — своего «законного правителя», именем которого Лугард так хитро прикрылся.

В Торо был построен форт Джордж, за его стенами укрылся Касагама, которого Лугард провозгласил омукамой Торо и близлежащих территорий. В благодарность за это Касагама подписал с Лугардом договор, в котором признавалась власть компании над Торо. Таким образом, часть Буньоро была покорена Лугардом уже ко второй половине 1891 года.

На подчинение остальной территории Буньоро у сменявших друг друга представителей Великобритании, постоянно наращивавших свою военную мощь, ушло целых восемь лет. Вдохновителем ожесточенного сопротивления баньоро британской колонизации все эти годы оставался омукама Чва II Кабарега.

Кабарега сражался в условиях нарастающей блокады его государства. Лугарду помог еще один случай: в походе против Торо и Нкоре он обнаружил остатки «нубийцев» — войск Экватории, оставленных при отходе Эмина, и «спасательной» экспедиции Стэнли. Эти подразделения составили отряд примерно в тысячу человек, и Лугард договорился с его начальником Селим Беем о переходе отряда под свое начало. Он соорудил несколько новых фортов, образовавших цепь на юге Буньоро до самой границы с Бугандой, и расположил в них гарнизоны из «нубийцев», которые составили ядро будущих «угандийских стрелков» колониальной армии Уганды.

Появление этих фортов обеспокоило Кабарегу. В начале 1892 года он послал туда своих верных абарусура. Они сумели захватить часть фортов. Но в одном из сражений были разбиты, и Кабарега решил вновь попробовать попросить у Лугарда мира.

Это было в марте 1892 года. Лугард вновь отказал. Вот как он вспомнил об этом сам: «Прибыли послы от Кабареги из Уньоро, чтобы вести переговоры о заключении мира. Он был единственный, с кем я не хотел заключать мир. Много лет он проявлял постоянную враждебность ко всем европейцам, начиная с Бейкера и Гордона. Затем Кабарега оскорбил майора Казати, гостя при своем дворе, надругался над ним, привязав его к дереву голым. Омукама воевал со Стэнли безо всякой на то причины и с радостью помог мусульманам, когда нам пришлось воевать с ними в прошлом году. Кабарега постоянно воевал со мной. Во время экспедиции я знал, что намерения Кабареги неискренни и, если представится возможность, он нарушит все договоренности, как он это делал не раз. Я всегда стремился захватить его страну и разоружить его творящие беззакония банды» [The Diaries, т. 2, с. 414—415]. (Намеренно так пространно цитирую здесь Лугарда, поскольку подобные обвинения Кабареге, безосновательность которых, надеюсь, ясна читателю, повторялись потом постоянно и преемниками Лугарда в Уганде, и европейской прессой.)

Однако не все современники Лугарда в Уганде, даже проколониально настроенные европейцы, придерживались такого мнения о Кабареге. Вот что писал о нем миссионер Р. Эйши, осуждая отказ Лугарда пойти на мировую: «Кабарега — типично африканский властелин, не лучше и не хуже других; однако в целом человек разумный с которым можно достигнуть соглашения». И еще: «Кабарега, по всем сведениям, обычный, если не лучший представитель могущественных африканских вождей. Естественно, что ему не нравятся воинственные европейцы, которые приносят в его страну огонь и резню в ответ на его серьезные намерения заключить мир» [Ashe, с. 174, 384].

Видимо, существование такого мнения заставило Лугарда все же пойти на «попытку заключить мир» с Кабарегой. Но не только это. Уже в начале 1892 года он получил известие, что представляемая им компания обанкротилась и ему придется скоро убраться из Межозерья. Понимая, что силой ему Кабарегу не одолеть, он решил создать видимость мирного урегулирования. Но это была скорее провокация. Весной у Кабареге неожиданно появился посол Мванги и Лугарда. Он приветствовал Кабарегу от имени «кабаки Мванги II и белого человека, капитана Лугарда», а затем показал принесенные им дары — ткани, лубяную материю, палку, мешок, мотыгу и ружье — и сказал: «Выбирай из этих вещей то, что тебе понравится. Помни, что, если ты выберешь мешок, мотыгу или палку, ты выберешь мир. Но знай, что в таком случае ты должен будешь дать мне восемьдесят слоновьих бивней, шестьсот мотыг и пятьсот мешков соли в обмен на мир».

На следующий день Кабареге собрал своих видных военачальников и советников. Мнения разделились — некоторые советовали принять такие унижительные условия мира. Совет длился целый день, и лишь на завтра Кабареге дал ответ послу из Буганды. Ответ был таков: «Если Мванга послал эти вещи для мира и дружбы, то почему он требует восемьдесят бивней, шестьсот мотыг и пятьсот мешков соли? Или он просит их для того, чтобы заплатить за свое освобождение? Если он даже пленник, почему он не посылает вестей от своего имени? Он что, обязательно должен привязать свое послание к завязке передника белого человека?»

(В это время Мванга действительно был пленником Лугарда и утвердившейся в Буганде с его помощью группировки баганда-протестантов. Все его действия были несамостоятельны. Кабареге знал это.) Затем Кабареге выбрал ружье и сказал: «Я знаю, что мой сын Мванга уже давно выступал против меня, но если он хочет войны — мы готовы!» Еще дважды на протяжении весны и начала лета 1892 года Кабареге получал подобные предложения от Мванги. Но он понимал, что инициатива исходит не от него, а от Лугарда, и настаивал на прямых контактах. Послы Мванги получали такие ответы: «Если Мванга хочет делать подарки европейцу, который временно у него в гостях, почему он не дарит то, что принадлежит ему самому? Если человек хочет мира, разве он будет сначала требовать чего-то от своего соседа, как будто бы сосед должен заплатить за какие-то свои проступки? У меня в королевстве тоже были в гостях белые, но я никогда ничего подобного не делал. И не буду ли я выглядеть трусом, если пошлю то, что ты у меня просишь?» А затем: «Если белый человек хочет моей дружбы, надо ли ему действовать через Мвангу? Разве он сам не может обратиться непосредственно ко мне? Но я знаю, что белый человек в действительности — недруг. Он лишь хочет захватить мое королевство».

Кабарега был непоколебим, и Лугарду пришлось покинуть Буганду, так и не сумев покорить Буньоро. А в Британии в это время развернулись жаркие дебаты о том, что же делать с Бугандой и ее соседями. В конце концов было решено установить там британский протекторат. Для этого в 1893 году туда был направлен официальный представитель королевы Дж. Портал, который заключил временное соглашение о протекторате Великобритании над Бугандой. У Портала не было времени всерьез заняться «мятежным» Буньоро — ему надо было урегулировать различные проблемы в Буганде, в частности подавить восстание мусульман-баганда и присоединившихся к ним «нубийцев». В результате «нубийцы» были высланы на Занзибар, а Кабареге,

воспользовавшись тем, что форты на границе с Торо опустели, сумел вновь захватить Торо и изгнал оттуда верного англичанам Касагаму. Понимая, что ему предстоит, Кабарега стремился запастись огнестрельным оружием, о чем озабоченно сообщала «Тайме» 6 июля 1893 года: «По меньшей мере двум караванам с ружьями и порохом для Кабареги удалось достичь Уньоро с германской территории. Подтверждением тому служит весть о столкновении одного из караванов с суданским гарнизоном в Торо. Вполне понятно, что Кабарега, настроенный враждебно, хочет любым путем добыть средства для дальнейшего укрепления своего положения».

Война с британским протекторатом. Полковник Колвайл, в 1894 году прибывший в Буганду на смену Порталу, решил безотлагательно покончить с Кабарегой. Предлогом послужило то, что отряд баньоро осенью 1894 года совершил нападение на границы Буганды. При ограниченности собственных средств Колвайл решил справиться с Кабарегой силами верных баганда. 4 декабря Буганда официально объявила войну Буньоро, а 5 декабря Колвайл послал Кабареге ультиматум, в котором говорилось: «...мы долго терпели ваши оскорбления, испытывая вас — хотите вы мира или нет.

Теперь пришло время принимать решения... я... уже подготовил войска к походу на Уньоро и дней через двадцать буду на вашей границе. Так что ждите наказания, которое вы давно заслужили» [Papers, с. 8]. Кабарега не имел возможности ответить Колвайлу. Но за него это сделал миссионер Р. Эйши, выступление которого в Британском обществе защиты прав аборигенов от 23 мая 1894 года сохранилось. Вот некоторые аргументы в защиту Кабареги: «Кабарега, видимо, мог бы сказать следующее: в 1891 году европеец (капитан Лугард) вместе с людьми Уганды привел уньорского принца Касагаму, члена моей семьи, и, не посоветовавшись со мной, посадил его на трон в Торо. Европейцы построили в Торо форты и оставили там много нубийских солдат, которые превратили его в плацдарм для нападения на мою страну, утверждая при этом, что действуют по приказу Касагамы и европейцев. Используя благоприятную ситуацию, я напал на Касагаму, который защищал моих врагов, прогнал его в Уганду, где мои воины были атакованы европейцами и разбиты. Мвангу, короля Уганды... я просил через своих послов объяснить мне, чего хотят европейцы в его стране. Почему же в таком случае люди из Уганды вторглись в мои земли? Почему меня хотят сместить с престола?» [Ashe, с. 459—460].

Но Колвайл не слышал этих слов, а если бы и услышал, то не внял бы им. Он пошел на Кабарегу войной.

В походе против Кабареги, который начался 15 декабря, участвовало более 14 тысяч баганда, около 600 солдат-«нубийцев» и несколько офицеров-англичан. Кабарега, узнав о приближении такого могущественного противника, срочно вызвал из Торо отряды абарусура во главе со своими лучшими военачальниками Рвабудонго и Ирעותой и послал навстречу неприятелю заградительный отряд. 25 декабря на границе Буньоро этот отряд был разбит. Кабарега отошел с основными силами в глубь страны, предав огню свою столицу, но в январе следующего года ему все же пришлось принять большой бой. Этот бой баньоро назвали экьябали-хунгираха, что означает «когда деваться некуда». Сражение было проиграно, как и следующее, которое произошло в начале февраля, когда Кабарега лично повел в бой своих абарусура. Через несколько дней после этого поражения Какунгулу, командующий армией баганда, послал Кабареге письмо, в котором предлагал: «Пошли кого-нибудь из своих людей, чтобы взять то, что мы захватили в твоём королевстве». На что Кабарега гордо ответил посланному: «Пойди и скажи Какунгулу, что я не хочу, чтобы эти вещи вернулись ко мне. Скажи ему, чтобы он отнес их своему кабаке Мванге, жадность которого не знает предела».

Но в феврале 1894 года отряды Кабареги сумели разбить баганда, шедших без сопровождения европейцев. Колвайл считал Буньоро уже покоренным и вернулся в Буганду. Тем не менее основные силы Кабарега отвел подальше и перешел к уже испытанным методам партизанской войны. Колвайл приказал разделить Буньоро цепью фортов и поместил информацию об этом в «Тайме», опубликованную 11 апреля 1895 года.

«Буньоро... можно рассматривать в качестве полезного союзника. Цепью фортов я разделил страну на две части — дружественную и недружественную». Один из этих фортов, Хоима, стал впоследствии столицей дистрикта Буньоро в протекторате Уганда.

Считая Буньоро уже завоеванным, баганда по приказу англичан стали распускать пленных женщин и детей по домам. Более того, большие территории Буньоро, прилегавшие к Буганде, были включены в ее границы, что впоследствии было закреплено соответствующими юридическими документами.

В таких условиях Кабарега велел своим наместникам расходиться по домам. Сам он с небольшим войском продолжал партизанскую войну. Против него посылались все новые экспедиции. В ноябре 1894 года карательной экспедиции удалось скрытно напасть на лагерь Кабареги, но омукама с большим трудом сумел спастись. Самой тяжелой потерей для него было то, что в руки бригадского командования попали знаки власти омукамы — копья и барабан каджумба, а также его трон. Они были пересланы Колвайлу, который затем с гордостью доставил их в Англию.

В этот период Кабарега не раз терял надежду и дважды пытался заключить с европейцами мир. Но его предложения отклонялись. К тому же от него понемногу начали откалываться напуганные соратники — сначала один из его военачальников, Бьябачвези, потом другой, Рвабудонго, после неудачного для Кабареги нового сражения в 1895 году, когда была захвачена в плен и его мать Ньямутахингурва. Об этом «Таймс» писал 1 ноября 1895 года: «Король Уньоро все еще опасен... Экспедиция, посланная против него, состояла из сильного соединения ваганда... Она дошла до Нила, главным результатом ее было пленение матери Кабареги и юного принца... Престижу короля нанесен громадный урон в результате пленения его матери, которая имеет в стране большое влияние. Она — невероятно толстая женщина, настолько толстая, что не способна сама ходить, и ее надо носить... Вождь Уньоро по имени Лвабудонго, премьер-министр Кабареги, сдался, и ему предоставлено место в Торо, где он будет жить под властью дружественного уньорского вождя. Если бы Кабарегу удалось пленить, вся уньорская проблема была бы снята... Кабарега поклялся, что никогда больше не посмотрит в лицо белого человека. Сейчас ему ничто не может помешать вернуться в северную часть страны».

Из этой публикации нетрудно заметить, что 1895 году Кабарега, понесший столько потерь, противостоящий баган-да и суданцам под командованием опытного капитана Трастона, не был сломлен. Он соглашался заключить мир с колонизаторами, но мир почетный, а не такой, какой ему был предложен в 1894 году, после ноябрьского поражения, когда в руки неприятеля попали знаки его власти. О партизанской войне Кабареги можно написать увлекательную книгу, и, может быть, такая книга будет когда-нибудь написана. Даже в нашей стране о Кабареге была защищена диссертация. Ее автор, ныне доцент Горьковского университета С.Б. Сенюткин, оценивает Кабарегу как «талантливый политика, дипломата и военачальника, сочетавшего решительность с осторожностью, наделенного способностью уступать в малом, дабы выиграть в большом» [Сенюткин, с. 167].

Кабарега продолжал воевать с англичанами и после того, как 3 июля 1896 года Буньоро было официально провозглашено британским протекторатом. Однако баньоро продолжали считать его своим властителем и подчиняться его приказам. Осенью того же года он отдал приказание уничтожить весь урожай на севере Буньоро, чтобы оставить без фуража и продовольствия неприятельские силы; этот приказ был беспрекословно выполнен, хотя грозил голодом самим баньоро. И даже тогда, когда в 1898 году английские власти объявили о смещении Кабареги с трона и провозгласили омукамой Буньоро его сына Китахимбву, Кабарега оставался для подданных единственным законным омукамой.

Вместе с Мвангой против англичан. Пленение и ссылка. Кабарега вновь воспрянул духом, когда в июле 1897 года восстал кабака Мванга. Потерпев первые поражения от англичан и верных им баганда, Мванга скрылся на территории Германской Восточной

Африки. К осени того же года восстали «нубийцы» — остатки тех самых «суданских стрелков», которых рекрутировал еще Лугард. Они с боями прошли по Уганде и к началу 1898 года вышли к тем местам, где находился Кабарега. Затем к Кабареге присоединился Мванга со своими силами. Омукама пошел на союз и совместные действия с Мвангой, лишь убедившись в искренности его намерений: слишком долго Буганда помогала европейцам авоевывать Буньоро. Но раздумья Кабареги длились несколько минут.

Любопытно, что один из старейшин Кабареги, увидев двух монархов, решивших сражаться вместе, напроорочил им: «Вам не удастся одержать победу в этой войне. Но вы и не будете убиты. Вас обоих возьмут в плен в один и тот же день».

Это пророчество сбылось. Но сначала восставшие всерьез напугали британских хозяев Уганды: их объединенные силы насчитывали более пяти тысяч человек; боевые действия велись на значительной территории протектората Уганда. Им удалось провести несколько удачных операций. Но к началу 1899 года положение восставших осложнилось: Буньоро было разорено дотла, возникли сложности с продовольствием, эпидемии. Кроме того, еще во второй половине предыдущего года от восставших откололась часть «суданских стрелков», решивших действовать самостоятельно. Это означало потерю 400 боеспособных и опытных солдат, вооруженных огнестрельным оружием, и, что особенно важно, пулемета.

Восставшие, которых оставалось все меньше и меньше, скрылись на территории народа ланги — к северу от озера Кьога. Здесь 9 апреля 1899 года они были захвачены в плен корпусом колониальных войск под командованием подполковника Эватта, в котором также было много солдат-баганда. Сбылось пророчество старейшины — Кабарега и Мванга были захвачены вместе и в один день.

Кабарега, у которого незадолго до этого начали болеть глаза, сражался до конца. Он был ранен в руку, на другой руке ему прострелили большой палец, и только после того, как ружье выпало из его рук, его смогли схватить. Вместе с ним было захвачено несколько его жен и детей. Кабарега так сильно переживал свое поражение, что не хотел больше жить. Он отказывался позволить врачу-европейцу оперировать руку и только по настоянию одного из своих сыновей согласился на операцию.

Затем Кабарегу вместе с Мвангой под конвоем направили в Буганду. За время путешествия сначала через выжженное и опустошенное Буньоро, а затем через цветущую Буганду он вновь обрел присутствие духа. Когда его и Мвангу британские власти в Кампале приговорили к ссылке на Сейшельские острова и они двигались к озеру Виктория, Ка-барега, как свидетельствует современник-колониальный чиновник, «шел гордо, повелительно-презрительным взглядом окидывая зеленую и прекрасную страну, так сильно отличавшуюся от его собственной бесплодной земли, опустошенной годами войны и голода. Это зрелище должно было наполнить его восхищением и завистью, но он повернулся к сломленному духом Мванге и сказал: „Ну и отвратительная страна! Если бы я владел ею, я был бы только рад уехать из нее при любых обстоятельствах — даже в изгнание!“» [Jackson, с. 279—280].

Кабарега покидал Буньоро, когда им «правил» под властью англичан его сын Китахимбва. В 1902 году его заменили братом Духагой II, которого британские власти сочли более покорным. Это был тот самый маленький принц, плененный вместе со своей бабкой, матерью Кабареги, в 1895 году. Его, как и Китахимбву, баньоро считали кьебамбе — узурпатором, поскольку их настоящий героический омукама Кабарега был еще жив. Буньоро стало дистриктом в Северной провинции британского протектората Уганда; с ним в отличие от Буганды, Торо и Нкоре-Анколе не было заключено соглашение, предоставлявшее определенные права «туземной» администрации. До 1933 года Буньоро имело статус «завоеванного королевства». В африканской администрации, переделанной по образцу Буганды, посты вождей высших ступеней долгое время занимали баганда. Но мятежный дух баньоро не был сломлен. В 1907 году там вспыхнуло восстание, вошедшее в историю под названием Ньянгире. Баньоро отказались признать власть колониальных

вождей-баганда, сжигали их дома и устроили настоящую демонстрацию, на которой кричали: «*Ньянгире абаганда!*» — «Я отказываюсь от баганда!». Британские власти арестовали 54 баньоро-зачинщиков восстания и выслали их из Буньоро. Но восставшие добились своего — с 1908 года новых вождей-баганда в Буньоро не назначали.

А Кабарега больше никогда не увидел своей родины. Двадцать четыре года он провел в ссылке. О его жизни там практически ничего не известно. Известно только, что вместе с ним было несколько его ближайших родственников, в том числе десять лет бок о бок с ним провел его сын Тито Габафуса, который в 1924 году стал новым омукамой Буньоро Тито Виньи IV. Он выполнял при отце функции секретаря и, видимо, немало узнал об истории Буньоро. Вряд ли случайно он опубликовал свою «Историю Буньоро» в 1934—1935 годах в «Уганда джорнел» под псевдонимом К.В., что означало: Кабарега и Виньи.

Известно также, что к 1923 году Кабарегу перевели на «вольное поселение» на Сейшелах, освободив из-под стражи, поскольку было ему уже за семьдесят. Но он попросил, чтобы ему дали возможность умереть на родине.

И, пожалуй, лучшим свидетельством значения Кабареги в сопротивлении баньоро британскому господству является тот факт, что эта просьба — умереть на родине — вызвала оживленные дебаты в британском парламенте. Да, его, семидесятитрехлетнего старика, больного и дряхлого, все еще боялись британские власти. Но тем не менее в конце концов Кабареге было разрешено вернуться в Буньоро. Опять он проделал долгий путь, и уже несколько дней пути отделяло его от родных мест, когда в ночь на 6 апреля 1923 года он скончался. Было это в Джиндже, на территории Уганды.

«Я НЕ ХОЧУ, ЧТОБЫ МОЯ СТРАНА ДОСТАЛАСЬ ОДНИМ АНГЛИЧАНАМ»

Мванга

Наследник Мутесы. 25 октября 1884 года кабакой Буганды стал сын Мутесы I Мванга. Читатель, возможно, помнит, какова была процедура восшествия на престол нового кабаки, и, видимо, помнит также, что главную роль при выборе преемника умершего монарха играл катикиро — главный министр. Эту должность с начала 70-х годов занимал Мукаса, человек властный и жестокий. В последние годы правления Мутесы, когда кабака подолгу не вставал с постели, Мукаса практически сосредоточил в своих руках верховную власть. Он-то и выбрал в качестве преемника Мутесы Мвангу. Почему? Трудно сказать. Вероятно, он считал, что сможет влиять на него. Ведь в отличие от другого реального претендента, Калемы, известного, по словам современника, своей «безжалостностью и дикостью», Мвангу звали «мутефи» — «мягкий». Не остановило Мукасу даже то, что Калема, как и он сам, был мусульманином, а Мванга тяготел к миссионерам.

Еще за два года до смерти Мутесы, когда католическая миссия по его приказу покидала Буганду, юный Мванга пришел проводить миссионеров и сказал, что ему очень жалко, что миссионеры уходят. После воцарения Мванги миссионеры воспрянули духом, увидев добрый знак в том, что лубугой была провозглашена крещеная сестра Мванги Ребекка Мугали. И действительно, сразу после воцарения Мванга пригласил к себе протестантского миссионера А. Маккея и попросил его отправиться в протестантскую миссию на другом берегу озера Виктория и пригласить оттуда в Буганду еще троих миссионеров. Однако тамошние миссионеры не приняли приглашения кабаки. Тогда он послал послов в Букумби — миссию французского католического ордена Белых отцов (обе миссии находились на территории современной Танзании), и 14 июля 1885 года после двухлетнего изгнания отец Лурдель («Мапера») и двое других прелатов вернулись в Буганду.

«Игра в религии» продолжалась, но «игрок» был уже другой. Мванга отличался от своего отца и внешне, и по характеру. Вот его описание, сделанное в 1886 году нашим соотечественником В.В. Юнкером, посетившим Буганду в ходе своего путешествия по Нилу: «На Мванге не было никаких украшений, одет он был просто в материю из коры, скрепленную на плече в виде тоги. Он был крепкого, высокого телосложения, в возрасте 20 с небольшим лет. Его большие, выпуклые глаза выражали ум и живой темперамент, но частый, громкий, деланный смех с широко открытым ртом придавал ему несколько детский вид; возможно, что причиной этому было курение гашиша, которому он часто предавался» [Юнкер, с. 472].

Курение наркотика — по другим источникам, это была марихуана, которую называли бханг, или хемп, — отмечают как характерную привычку Мванги многие современники. «Под влиянием наркотика, — писал один из миссионеров, — он способен на дикие и совершенно непредсказуемые поступки. Но-вообще-то этот молодой субъект дружелюбен». (Надо заметить, что Мванга в ту пору действительно был очень молод — ко времени вступления на престол ему было около восемнадцати лет.) И далее: «Он умеет вести себя с достоинством и сдержанно, если считает, что ситуация того требует, однако вскоре сбрасывает с себя эту маску и начинает фамильярно болтать... Бросается в глаза, что он неровен и непостоянен и, вероятно, мстителен» [Robinson, Smith, с. 99]. В сравнении со своим отцом Мутесой Мванга, по описанию современников, проигрывает — не так обаятелен, нет в нем той светскости, умения себя держать. Но надо учесть, что европейцы столкнулись с Мутесой в более зрелом возрасте, умудренным опытом управления государством. Мванга же в начале своего правления был «вещью в себе». Однако его непоследовательность дорого стоила самому кабаке и сильно повредила ему в глазах современников. Но быть последовательным ему было трудно. Его правление началось в очень сложное время: активизация Германии в Восточной Африке и первые захваты на территории Танганьики в 1885 году, действия Экватории в Межозерье, попытки свержения Мванги в самой Буганде. В конце января 1885 года были схвачены пятеро заговорщиков, которым не удалась попытка переворота. В феврале того же года другая группа бугандийской аристократии вновь попыталась свергнуть кабаку. В этой интриге был замешан и катикиро Мукаса, заговорщики хотели посадить на престол Буганды мусульманина Калему. Заговор не удался, семнадцать его главарей были сняты с должностей и казнены, но Мука-су Мванга пощадил.

С этого времени Мванга будет явно предпочитать мусульман. В его столице Менго, построенный неподалеку от места захоронения Мутесы (позднее именно у холма Менго европейцы основали Кампалу — нынешнюю столицу Уганды), частыми гостями стали суахилийские торговцы. Как свидетельствуют современники, они всячески настраивали Мвангу против европейцев, пугая его колониальными захватами, которые постепенно становились реальностью в Восточной Африке. В результате осенью 1885 года Мванга совершил поступок, навсегда превративший его в глазах европейского общественного мнения во врага белых и кровавого тирана.

Убийство епископа. Мванга и христиане. Для укрепления английской протестантской миссии в Буганду был направлен епископ Хэннингтон. Миссионеры обеих миссий советуют кабаке выслать ему навстречу лодку и проводников, поскольку, мол, епископ — лицо высокого сана. Мванга посылает двух сановников — как бы на разведку, чтобы убедиться в мирных намерениях белого человека. Но тут происходит ряд роковых недоразумений. Хэннингтон едет в Буганду не тем путем, который обрисовали Мванге миссионеры. Он выбирает дорогу через Бусогу — данника Буганды со времен Мутесы I. Один из тамошних правителей получивший инструкции Мванги никого в Буганду не пропускать, арестовывает Хэннингтона и тут же сообщает об этом Мванге. Заодно он сообщает, что епископ движется с вооруженным эскортом. Мвангу это настораживает, и он отдает приказ убить епископа, который посланный из Буганды отряд выполняет 29 октября 1885 года. Оказанное охраной епископа сопротивление при аресте, видимо,

приводит Мвангу к мысли, что белые намерены завоевать его страну, поэтому он решает их уничтожить. В те дни Мванга говорит отцу Лурделю: «Я — последний король Буганды. После моей смерти власть в стране захватят белые. Пока я жив, я смогу защитить ее».

Пророчество Мванги сбылось лишь наполовину — белые захватили страну еще при его жизни. Но Мванга действительно пытался сделать все, чтобы сохранить независимость Буганды. После убийства Хэннингтона он постоянно страшится мести Англии и христианского влияния в стране. Сначала кабака запретил миссионерам проповедовать, не распространив, однако, этот запрет на французов. С конца 1885 года он преследует своих подданных, принявших христианство. Первыми жертвами стали неудачливые заговорщики еще в начале 1885 года. Затем 15 ноября был убит глава католической общины баганда, а летом следующего года преследования христиан приняли массовый характер. Называют разное число жертв — от двадцати до двухсот. Интересна причина репрессий лета 1886 года, о которой европейские миссионеры обычно не пишут.

Опять имели место случайности и нелепые совпадения, которые нервировали Мвангу: поражение армии Буганды в походе на Буньоро, пожар во дворце кабаки, потом в доме катикиро Мукасы, куда переселился кабака. Мванга едет на охоту на гиппопотамов, где убивает одного из замешкавшихся пажей, который был католиком. 3 июня 1886 года несколько пажей — католиков и протестантов — были сожжены заживо. Затем еще несколько. Миссионерская печать подняла на щит этих «мучеников за религию», а спустя много лет, в 1964 году, некоторые из них были причислены католической церковью к лику святых.

Преследования Мвангой христиан закончились так же неожиданно, как и начались. Кабака, видимо, всерьез испугался, когда все миссионеры заявили, что они покидают Буганду. Мванга даже попытался их задержать, считая, что отъезд миссионеров в Европу повлечет за собой наказание за убийство епископа Хэннингтона. Но кабаке пришлось уступить — за британских подданных вступились британский консул на Занзибаре Джон Кир к и султан Занзибара Сейид Баргаш, требуя для них свободы передвижения. Часть миссионеров уехала. А местные христиане, которые еще недавно боялись высунуть нос из своих укрытий, получили ряд назначений на важные государственные посты.

В начале 1887 года Мванга создал свою личную гвардию — четыре военных отряда. Командирами двух из них были назначены новообращенные христиане — протестант А. Кагва и католик Г. Ньоньинтоно. Один из гвардейцев позднее писал: «Хорошо организовав свои полки, Мванга стал покупать больше оружия и лучше экипировать своих людей... Но привязанность к ним ослепила кабаку, и они стали злоупотреблять его расположением. В результате чем лучше он к ним относился, тем непослушнее они становились и тем больше их ненавидел народ».

Создав гвардию как опору собственному трону, кабака выпустил джина из бутылки. Четыре отряда располагали основной частью огнестрельного оружия Буганды — до тысячи винтовок. Они стали грозой Буганды, наводя ужас на население бесконечными грабежами и самоуправством. Например, на марше распоясавшиеся молодые гвардейцы разгоняли мирное население, встречавшееся на их пути. Люди убегали в буш, а тех, кто не делал этого, они могли убить. Народ роптал: «Кабака Мванга губит страну, ведь это его выкорыши убивают людей». Сами гвардейцы, опьяненные собственной силой и безнаказанностью, были счастливы. Когда Мванга осознал, что созданные им отряды выходят из его подчинения, было уже поздно. Наступил 1888 год, который вошел в историю Буганды как «год трех королей» и «год трех революций».

В тот год в Буганду прибыл миссионер-протестант Р. Уокер, которому вместе с оказавшимся там годом ранее другим протестантским миссионером, С. Гордоном, суждено было участвовать в «трех революциях». Оба сумели произвести на Мвангу хорошее впечатление и расположить его к англичанам. Немаловажную роль сыграло

привезенное Уокером известие о смерти епископа Паркера, назначенного вместо Хэннингтона в Восточную Африку и написавшего Мванге несколько угрожающих писем. Мванге понравились подарки, привезенные Уокером, — большой ковер и настоящее викторианское председательское кожаное кресло — со спинкой и подлокотниками.

Уокер стал последним зарубежным гостем, которого Мванга принимал как полновластный правитель Буганды. Величие кабаки должен был подчеркивать дом для приемов, входивший в дворцовый комплекс, обнесенный изгородью, — лубири. Дом для приемов представлял собой круглую постройку высотой до 30 футов с конической крышей, под небольшим уклоном спускавшейся до самой земли и опиравшейся на деревья вместо колонн. Изнутри дом был отделан белыми стеблями тростника. Пол был покрыт свежим, душистым сеном. Кабака восседал на троне из светлой древесины, покрытом леопардовой шкурой. Его окружали вооруженные ружьями гвардейцы и многочисленные придворные. Таким был Мванга в апреле 1888 года.

«Год трех королей». А в сентябре того же года кабака был свергнут с престола. И переворот совершили новообращенные христиане - «проповедники», как их называли, которых сам Мванга вооружил огнестрельным оружием. Они стали настолько сильны, что смогли восстать против него.

Понимая опасность, которая ему грозит, Мванга пытался как-то обуздать гвардию. В августе 1888 года он задумал истребить всех «людей дини» (т.е. верящих в единого бога — Христа или Аллаха, дини на суахили — религия). Однако замыслы кабаки стали известны лидерам обеих христианских и мусульманской группировок знати. Мусульмане сумели договориться с христианами о совместных действиях в случае опасности. Этот сговор оказался роковым для Мванги.

Осенью 1888 года Мванги обратился за советом к служителям традиционной религии баганда — культа духов предков. Как и полагалось в таких случаях, было совершено жертвоприношение. Кровь жертвенных животных потекла не одной струей, а многими мелкими струйками, что обещало благоприятный исход делу. Новый план кабаки был таков: он объявляет, что якобы идет в поход на служителей духов предков, живущих на одном из островов на озере Виктория. Для этого он собирает всех вооруженных христиан и мусульман, сажает их в лодки с верными гребцами и отвозит на один из пустынных островов озера, высаживает там, затем устраивает блокаду острова. Все враги умирают естественной смертью. Все так бы и получилось, если бы его враги в своих лодках последовали за ним, когда Мванга появился на озере на своем королевском каноэ. Но догадавшиеся о том, что здесь что-то нечисто, «люди дини» отказались сесть в лодки. Мванга сразу же послал нарочного к катикиро Мукасе за помощью. Но Мукаса предал его, заявив, что не хочет смерти «людей дини». Видимо, катикиро понял, что сила не на стороне кабаки, и пошел на сговор с его врагами. Вместе они решили срочно сместить кабаку. Произошло это 5 сентября. Мванга бежал к своему дворцу в окружении пажей. Когда силы «людей дини» подошли близко ко дворцу и первым же выстрелом был убит один из пажей, Мванга бежал. У холма Рубага, напротив дворца, он услышал удар барабана кабаки. Это означало, что был провозглашен новый правитель Буганды.

По свидетельству современника, выбор преемника оказался случайным — мусульманская фракция отдавала предпочтение Калеме. За ним послали, но его не удалось вызвать из-под охраны «хранителя принцев». Однако жажда свергнуть Мвангу была настолько велика, что восставшие пошли на немыслимое — провозгласили кабакой Буганды кивеву — старшего брата Мванги Мутеби, не имевшего по традиции права на престол Буганды. Мятежники быстро поделили между собой государственные посты, сделав катикиро Гонората Ньоньинтоно — лидера католической группировки.

Интересно, что в ходе переворота восставшие имели много возможностей убить Мвангу. Такое предположение выдвигалось еще во время событий у озера, но Кагва на это не пошел. В ходе суеты с поисками нового кабаки Мванга постоянно был на виду, его

защитники были малочисленны, особенно после присоединения к восставшим людей катикиро Мукасы. Но никто не решился поднять руку на кабаку, поскольку его особа была священной.

Вскоре Мванга пересек озеро Виктория и скрылся в миссии Белых отцов в Букумби.

Но вслед за ним пришлось бежать и миссионерам, и их выученикам-баганда. 18 октября мусульманская группировка, считавшая себя ущемленной в распределении государственных должностей, совершила новый переворот. Буганда была объявлена мусульманским государством, все государственные должности отданы мусульманам, а христиане и их учителя-миссионеры изгнаны из страны. Христианские группировки баганда нашли приют у правителя соседнего государства Нкоре Нtare V. Мутеби отказался принять ислам и подвергнуться обрезанию, он был низложен, и на трон возведен Калема.

«Почтовый роман». В Букумби Мванга начал борьбу за возвращение престола, в результате фактически оказавшуюся борьбой за сохранение независимости Буганды. Тут-то и развернулся его «почтовый роман».

К апрелю 1889 года собравшиеся с силами христианские группировки служилой аристократии Буганды (бами) вспоминают о законном правителе и решают отвоевать Буганду вместе с ним. Ньоньинтоно информирует об этом Лурделя в письме. Позже несколько представителей бами-христиан лично навещают Мвангу в Букумби, что радует свергнутого кабаку. В Букумби он спит на ложе из папируса, которое каждый день проваливается под ним, поскольку плохо скреплено. Миссионеры-католики заставили Мвангу спать на этом ложе, чтобы он научился смирению. Вряд ли такое существование может нравиться свергнутому кабаке. 29 апреля Мванга вновь пересекает озеро Виктория и направляется на родину, где объединяется с силами христиан. Но войска Калемы наносят им поражение, и Мванга вновь изгнан. Он обосновывается на острове Булингугве, лежащем в одной миле от бугандийского берега озера Виктория. А Калема тем временем приказывает убить содержащегося под стражей Мутеби, чем настраивает против себя большинство жителей Буганды. Первое поражение в сентябре 1888 года и бегство — сколько раз в своей жизни Мванге еще придется спасаться бегством — заставили его лавировать, пытаясь вернуть престол. Начав свой поход на озеро как поход против христиан, Мванга пытается вернуться на трон с их помощью. В его походе участвует некий Чарльз Стоке, бывший миссионер-протестант, а ныне свободный торговец. Но попытка возвратить престол вновь неудачна. В Менго все еще царит Калема, а Мванга скрывается на крохотном острове в необъятном озере.

Кто поможет Мванге? Может быть, миссионеры? В июне 1889 года он приглашает их к себе на остров, чтобы они обратили в христианство его соратников.

Вот что он написал Маккею:

«Булингугве, 25 июня 1889 года М-ру Маккею.

Приветствую тебя и м-ра Гордона. Я, Мванга, умоляю Вас помочь мне. Не забывайте того, что случилось в прошлом. Сейчас мы бедствуем, но, если Вы, отцы мои, захотите помочь мне вернуть мое королевство, Вы получите полную свободу действий. Раньше я не верил в Бога, а теперь знаю религию Иисуса Христа. Калема убил всех моих братьев и сестер; он убил и моих детей, и теперь остались только мы с ним — два принца. М-р Маккей, помоги мне, у меня уже нет сил, но, если ты будешь со мной, я стану сильным. Сэр, не думай, что, если ты вернешь Мванге власть над Бугандой, это его испортит. Если ты увидишь, что я становлюсь плохим, ты можешь прогнать меня с трона, но я изменился к лучшему и теперь желаю следовать только твоим советам.

Твой друг Мванга» [Ashe, с. 136].

Но этого, считает Мванга, мало. Хорошо бы нашлась какая-нибудь внешняя сила! И такая сила находится, как это не раз бывало в Африке в конце прошлого века. Неудивительно, ведь идет раздел континента.

От Стокса Мванга узнает, что на пути в Межозерье находится эмиссар Имперской

британской восточноафриканской компании Ф. Джексон. 15 июня 1889 года Мванга обращается к нему с письмом, в котором молит о помощи:

«Я прошу Вас прийти сюда, чтобы мы, христиане, объединились. С божьей помощью мы победим. Я умоляю Вас, будьте снисходительны, придите и восстановите меня на троне. Я подарю Вам много слоновой кости, Вы сможете торговать и делать все, что хотите, в Уганде при моей власти» [Low, с. 24].

Но письма иногда опаздывают и сейчас, при современных средствах связи, тем более неудивительно, что так случилось и в Африке в то время. Пока шли письмо и ответ, христианские группировки бами сумели вновь собрать силы и в октябре 1889 года разбили Калему. 11 октября Мванга торжественно вернулся в столицу.

Ответ Джексона застал Мвангу вновь на престоле. Джексон послал ему британский флаг и письмо. В письме предлагался протекторат компании над Бугандой.

Мванга ответил очень осторожно. С одной стороны, он изъявил дружеские чувства к англичанам: «Я очень люблю англичан, кто хочет, пусть приходит в мою страну, я разрешу строить и торговать здесь». С другой стороны, Мванга не хочет предоставлять каких-либо исключительных прав англичанам: «Я ваш друг и друг всех белых, любой белый, который хочет прийти ко мне, пусть приходит, я приму его как друга». Тон кабаки изменился. Он снова на троне, о чем и спешит сообщить в начале письма, и уже не просит униженно, а милостиво предлагает [Peters 46, л. 4]. Почему Мванга занял позицию «открытых дверей»? Видимо, подсознательно он уже усвоил знаменитый принцип «разделяй и властвуй» (несправедливо считается, что этот принцип успешно применяли лишь колонизаторы). Его идея заключалась в том, чтобы открыть Буганду, раз уже это неизбежно, сразу нескольким европейским державам. Тогда можно было бы, прикрываясь флагом христианства и борьбы с работорговлей, использовать их представителей в борьбе против «арабской» (мусульманской) фракции и в то же время не допустить усиления позиций какой-либо одной из держав в Буганде, играя на соперничестве между ними. 4 ноября 1889 года кабака обратился с письмом к кардиналу Лавиж-ри (католическому епископу Восточной Африки), в котором писал: «...если белые захотят мне помочь, я тоже помогу им в борьбе против торговли людьми во всех странах вокруг озера Ньянза». Он обратился с подобными письмами к консулам Германии, Англии и Франции. Один из сановников Мванги замечал в то время в своем дневнике: «Больше всего он боится возвращения арабов и зовет белых на помощь под предлогом ведения торговли и миссионерской деятельности».

«Возвращения арабов» Мванга боялся не зря. Колесо фортуны вновь повернулось, и в начале ноября 1889 года силы Калемы, поддерживаемого войсками Кабареги, взяли штурмом Менго. Мванге опять пришлось бежать по проторенной дорожке — на острова. С вмешательством Кабареги, старого соперника Буганды в Межозерье, могущество которого в этот период достигло вершины, положение Мванги стало угрожающим. Срочно потребовалась помощь извне. Но Европа далеко, ее консулы — на острове Занзибар, что тоже неблизко.

А Джексон-то где-то рядом! 24 ноября Мванга вновь пишет ему. Кабака просит помощи и уже согласен на все условия, выдвинутые Джексонем: «Он очень беден, у него ничего нет... Знайте, что Буганда — страна англичан, потому что он хочет, чтобы англичане пришли сюда торговать». Волею судеб два последних письма Мванги Джексону попали в руки нового действующего лица, выступившего на бугандийскую арену, — доктора Карла Петерса (их оригиналы на суахили и украшают теперь коллекцию писем Мванги в архиве ГДР). Карл Петере, основатель «Общества германской колонизации», «Германского восточноафриканского общества», уволенный в 1889 году из последней организации, в 1889—1890 годах пошел на очередную авантюру — возглавил экспедицию по «спасению» Эмина-паши. Он действовал на свой страх и риск, подчиняя Германии зоны, лежавшие к северу от Германской Восточной Африки (впоследствии — Танганьики). Добрался он и до Буганды, предварительного вступив в

переписку с Мвангой.

Однако к тому времени, когда Петере приблизился к границам Буганды и 10 февраля 1890 года обратился с письмом к Мванге, кабака вновь превратился из изгнанника в правителя: в начале февраля его сторонники в очередной раз изгнали Калему из Менго.

В своем послании Петере писал: «Если ты пошлешь за мной лодки, то я приеду к тебе вместе со своими аскари (африканскими солдатами. —А.Б.) и носильщиками» [Re(eгv 46, л. 6)].

В ответе Мванги говорилось: «Если д-р Петере хочет прибыть сюда, король Буганды будет ему рад. Сюда же прибыли шесть европейских миссионеров, двое англичан и четыре француза» [там же, л. 1]. Письмо это написано с помощью миссионеров, которые таким образом хотели сами установить контакт с Петерсом и контролировать его взаимоотношения с Мвангой.

Петере не замедлил прибыть в Менго, и ему без труда удалось заключить известный договор с Мвангой от 27 февраля 1890 года. Почему же Мванга, долго отказывавшийся выполнить какие-либо условия Джексона, с такой готовностью подписал договор с Петерсом? Да потому, что этот договор не устанавливал германский протекторат над Бугандой, он провозглашал лишь принятие Мвангой условий акта Берлинской конференции по Конго и «открывал» Уганду «всем европейцам без различия национальности». Договор вполне отвечал курсу Мванги.

Заметим, что условия договора, вполне устраивающие Мвангу, не устраивали Петерса. Позже, в 1906 году, он писал: «Германский протекторат не был принят. К сожалению, у меня не было полномочий вести переговоры на этой основе. Сделан лишь первый шаг» [Peters, с. 259].

Для Мванги выгодным был не только союз с Петерсом, закрепленный в почти ни к чему не обязывающем договоре, но и само его присутствие в Менго: все это придавало Мванге вес в глазах сторонников и должно было запугать противников (Калема разбит, но не уничтожен!). Поэтому немудрено, что, когда узнал о намерении Петерса отбыть восвояси, он направил ему следующее письмо, датированное 24 марта 1890 года: «Прошу тебя, не уходи сейчас, подожди немного. Калема сейчас близко, может быть, он завтра будет здесь. А если ты уйдешь, мои люди испугаются и скажут: „Немец увидел, что на нас идет Калема, испугался и бежит“. Останься со мной, а мои воины пойдут биться. Твой друг Мванга» [Peters 46, л. 7].

Однако Петере оставил Буганду. (Это, правда, не сказалось роковым образом на положении Мванги: решающее сражение с Калемой произошло несколько позже, в апреле 1890 года, в результате которого Калема был окончательно разбит.) Но хотя он и не добился установления там германского протектората, уходил не с пустыми руками. Кроме договора у него имелись и другие важные бумаги, подписанные Мвангой. Одна из них — обращение к европейским державам—участницам Берлинской конференции по Конго. В этом обращении, в частности, говорилось: «Всем европейским державам, подписавшим Берлинский договор, я предлагаю превратить мою страну в нейтральную территорию, поскольку она расположена полностью в зоне свободной торговли, определенной Берлинским договором».

Мванга также передал Петерсу письма к кайзеру Вильгельму и королю Леопольду Бельгийскому, в которых он высказывался за развитие торговли с сопредельными Буганде владениями соответственно Германии и Бельгии, изъявлял дружеские чувства обоим монархам, заверяя их, что Буганда — христианская страна и что он строго-настрого запретил работорговлю.

Перед лицом надвигающейся колониальной угрозы Мванга проявил себя мудрым политиком. Он попытался добиться международных гарантий независимости своей страны. Стремясь спокойно управлять своей страной, он пытался разъединить европейские державы. Отметим, что кабака «повысил уровень» своей переписки: если раньше он не поднимался выше консула, то теперь обращался непосредственно к

монархам. Эти письма положили начало его «переписке на высшем уровне» — средства, к которому Мванга неоднократно прибегал и в дальнейшем.

Но не прошло и месяца с отъезда Петерса, как до Менго наконец добрался Ф. Джексон. И Мванга, который в трудную минуту столько ему наобещал, вообще отказался подписывать с ним какой-либо договор. Джексон по-прежнему настаивал на принятии Мвангой протектората компании и предоставлении ей исключительных прав в Буганде. А это, как мы видим, не соответствовало намерениям кабаки. Джексон пробыл во владениях Мванги месяц, но так и убрался, несолоно хлебавши, да еще в сильной ярости.

Главным аргументом Джексона в его спорах в Мвангой было заявление, что Буганда входит в сферу влияния Англии. Мванга решил проверить его (не исключено, что тут не обошлось без советов католических миссионеров) и послал на Занзибар с разведкой двух своих придворных. С собой они несли письма Мванги и Каггвы британскому консулу на Занзибаре.

В своем письме от 26 апреля 1890 года Мванга признает, что ему «нужны ружья и порох, чтобы изгнать мусульман», но тут же спрашивает: «Какова будет цена? Ведь я не намерен отдать вам мою страну, а только хочу, чтобы европейцы всех национальностей приезжали в Уганду, строили и торговали, как они того хотят». И поскольку Мванга догадывается, какова будет расплата за помощь, вдогонку он пишет письмо другому консулу на Занзибаре — германскому. Ведь с Германией уже есть договор на приемлемых условиях. Вдруг она поможет?

«Сообщаю Вам, — читаем в письме Мванги германскому консулу на Занзибаре от 16 мая 1890 года, — что Джексон предложил мне заключить с ним договор, но я отказался, так как уже ранее я договорился с немцем д-ром Карлом Петерсом о том, что все европейцы — немцы, французы и англичане — могут селиться и торговать в моей стране.

Джексон прибыл после отъезда Петерса и попросил, чтобы я уступил ему доходы от пошлин на ввоз товаров в обмен на предоставление английского протектората при условии, что только англичане будут жить и торговать в моей стране.

Я отклонил его предложение. Прошу Вас посоветовать мне, как поступить, чтобы все европейцы приезжали и вели торговлю в моей стране...» [RKA 8822, л. 100].

Реакция Германии на этот и последующие призывы Мванги связана с так называемым Гельголандским договором, заключенным между Англией и Германией 1 июля 1890 года. По этому договору Буганда и другие территории Восточноафриканского Межозерья признавались сферой влияния Великобритании. Казалось бы, все стало просто и однозначно, но...

Даже оставаясь вне пределов Германской Восточной Африки, Межозерье представляло для Германии определенный интерес. По этому поводу, например, Эмин-паша писал руководству в Берлине в начале 1891 года: «Если в Уганде будет создана сильная армия под руководством европейцев, это станет постоянной угрозой для германских владений» [RKA 8822, л. 108].

Поэтому даже после заключения Гельголандского пакта Берлин и его представители на Занзибаре и в Германской Восточной Африке внимательно следят за развитием событий в Межозерье, а германская пресса активно их комментирует. Официальным предлогом для подобного комментария послужила религиозная ситуация в Буганде. На щит поднималось «преследование» католиков, в «защиту» которых якобы выступала лютеранская Германия. Поэтому католические миссионеры-французы в Буганде видели противовес Англии именно в лице Германии. Дружеские чувства Мванги к немцам, видимо, объяснялись не в последнюю очередь влиянием Белых отцов.

Немудрено, что Мванга, которого в германской прессе с первого упоминания в 1885 году называли не иначе как «кровавым тираном», постепенно эволюционирует на страницах немецких газет в «борца против махдистов» (имеются в виду его сражения со ставленником мусульманской группировки Калемой), а затем и в «борца против

Притеснений католиков». Более того, власти Германской Восточной Африки Мвангу даже считают своим.

Вот с такими настроениями в Менго, Дар-эс-Саламе и Берлине подошли к новому этапу раздела Африки, подготовленному Лондоном уже на базе Гельголандского пакта.

Лугард в Буганде. «Почтовый роман» продолжается. Этот новый этап связан с именем Фредерика Лугарда, впоследствии генерала и лорда, а в 1890 году только капитана и Представителя Британской восточноафриканской компании.

Энергичный и решительный, Лугард взял реванш за неудачи Джексона в Буганде. Он прибыл в Буганду 18 декабря 1890 года. Помимо солдат-суданцев в его эскорте было и несколько пулеметов «максим». Будущий лорд действовал с позиции силы. Его главным козырем была угроза: в случае отказа Мванги подписать договор он заключит союз с Кабарегой — грозным противником кабаки. Мванга сдался и 26 декабря 1890 года подписал договор о протекторате и исключительных правах компании в Буганде.

Что же сделал Мванга, едва успев поставить свою подпись на документе, фактически обозначавшем конец независимости его страны? Он попытался прибегнуть к помощи немцев, столкнуть Англию и Германию. В конце декабря двое посланных отправились к оказавшемуся в Буганде д-ру Штульману, одному из соратников Эмина, и попросил его поднять в Буганде германский флаг. Естественно, они получили отказ. Лугард верно оценил этот шаг, сделав в дневнике такую запись: «Они полагают, что если им удастся привлечь в страну других европейцев, а мы вступим в борьбу, то они избавятся от нас всех сразу». И дальше — так верно, как долгое время не смог понять никто другой: «Они вообще не хотят присутствия европейцев; во всяком случае, король этого не хочет» [The Diaries, т. 2. с. 48].

Но Мванга не ограничился этой неудачной попыткой. Он все еще надеялся на Германию и пожаловался на Лугарда самому германскому кайзеру. Письмо Мванги к Вильгельму настолько передает отчаяние кабаки, что я позволю себе привести его полностью, сохраняя по возможности стиль суахилийского оригинала: «Менго, Буганда, 4 января 1891 года.

Султану немцев.

Приветствую тебя и хочу поведать следующее. 33 султана правили моей страной, как того хотели. Я унаследовал страну от отца, а потом пришли арабы и попытались прогнать меня. Я сражался с ними и прогнал их, я возвратился на свой трон и стал жить в мире.

Но вот однажды я увидел европейца-англичанина. Он пришел ко мне, и я хорошо его принял. Но назавтра он сказал мне: „Отдай мне свою страну, отдайся в руки англичан“. Я ответил: „Я пошлю людей на побережье, чтобы они разузнали, как договорились правители Европы в отношении моей страны“. И он, этот европеец, господин Джекисини, согласился, он и мои люди отправились на побережье.

А я остался здесь. И увидел другого европейца, по имени капитан Лугард, англичанина. Он сказал „Отдай мне свою страну!“ Я ответил: „Потерпи немного, другой человек из твоей страны сказал мне похожие слова, но я отказал ему. Мы послали людей на побережье. Подожди, пока я сам услышу, как решили в Европе, и ты получишь что хочешь“.

Он отказался и сказал: „Тогда мы будем сражаться, и ты будешь свергнут“. Я решил было не соглашаться, но подумал, что если опять будет война, то для страны это будет плохо, и сказал: „Ладно, я подпишу. Но если в Европе решат по-другому, то этот договор будет расторгнут и ты не получишь мою страну“.

Но, друг мой, я хочу, чтобы сюда приходили разные белые люди — немцы, французы, англичане, американцы, — приходили и строили в моей стране. Я не хочу, чтобы мою страну получил один англичанин. Я хочу, чтобы мне дали править моей страной, так как правили ею тридцать три султана — как сами того хотели...» [RKA 8822, л. 109].

Письмо это знаменательно. Во-первых, в нем Мванга высту пил, как сейчас сказали

бы мы, как историограф своих взаимоотношений с англичанами — в письме рассказывается и о борьбе с мусульманами, и о Джексоне, и о том, что для уточнения международной обстановки были посланы люди на побережье. Во-вторых, в письме Мв'анга не только высказывает свою идею о привлечении в Буганду всех европейских держав на равных правах, но и обращает внимание на собственные дипломатические достижения в этом направлении. Действительно, в договоре с Лугардом 1890 года имела статья о том, что если в Европе будет заключено какое-либо соглашение, противоречащее этому договору, то договор аннулируется. Мванга рассчитывал, что ему все же удастся привлечь в Буганду другие державы и свести на нет усилия Лугарда: ведь он еще не получил к тому времени от своих людей подтверждения о Гельголандском пакте. Однако Гельголандский пакт к тому времени существовал уже более полугода, поэтому расчетам Мванги не суждено было оправдаться.

Хотя Берлин никак не отреагировал на призыв Мванги и на этот раз, кабака все же не терял надежды. Он вновь пытается «подключить» соперников Великобритании в октябре 1891 года, когда протестантской фракцией на него было совершено покушение. Не на шутку перепуганный, он пишет правителям не только Бельгии и Германии, но и Франции. Причисляя себя к католикам, он жалуется даже папе римскому: «Я стал как бы рабом в стране своего отца, великого Мтесы. Но я надеюсь, что мне оставят то, что мое, что мою страну не отдадут мусульманам и что мою власть не отдадут моим восставшим подданным... Я требую, чтобы мне оставили королевское могущество моего отца Мтесы... Я надеюсь, что Бог пошлет Вас нам в помощь. Но если Вы не можете ответить на мою просьбу, мы — я и мой народ — готовы умереть...»

Почему же Мванга смотрит на мир так мрачно? Да потому, что раньше он мог выставить себя борцом против мусульман и рассчитывать на мощь всего христианского мира. Теперь же он стал врагом Лугарда и, следовательно, всей протестантской фракции, более того — врагом Британии. Протестанты были его союзниками, а теперь, став при поддержке Лугарда самой сильной группировкой, вновь покушаются на его власть. Не понимают, что Мванга борется не просто за свою власть, он борется за независимость своего государства. Совсем приперт к стене кабака. Вот и пишет он в Европу — всем, всем, всем. Но письма в Европу идут долго, да и безнадежное это дело. А вот Лугард близко. Подписав договор, он ушел покорять соседние области, но в конце декабря 1891 года он уже опять в Менго. С его прибытием трения между католической и протестантской группировками переросли в войну.

«Война Лугарда» из-за мелкого конфликта между протестантами и католиками по поводу кражи ружей вспыхнула в Буганде в январе 1892 года. Но это был лишь повод. Протестанты давно уже жаждали перераспределения государственных должностей в свою пользу, что вызывало недовольство католиков. Лугард добавил в эту пороховую бочку пороху и в переносном, и в прямом смысле. Он не только подстрекал протестантов, но начиная с 22 января передал им много оружия и боеприпасов (разные источники дают различное их количество, максимально — пятьсот ружей и винтовок).

События развивались с молниеносной быстротой. 24 января с утра силы католиков и протестантов сконцентрировались вокруг столицы. Трудно установить, с чьей стороны раздался первый выстрел, но вскоре началось большое сражение, проходившее в самом Менго. Католики перешли в стремительное наступление, которое поначалу не остановил даже пулеметный огонь, самолично открытый Лугардом. Лишь вступление в сражение аскари Лугарда решило его исход: католики были разбиты. А Мванга? У него уже была проторена дорога на такой случай, и он опять бежал на остров Булингугве.

Однако этот побег Мванги никак не устраивал ни протестантов, ни Лугарда: Буганда не могла остаться без кабаки, а из законных претендентов к тому времени остался лишь дядя Мванги Мбого. Мбого не мог устроить победившую фракцию, ибо был лидером мусульманской группировки. Оставался один выход: вернуть Мвангу и заставить его принять новые условия.

Вслед за Мвангой в лодку пришлось сесть католическому епископу Хирту. Он получил задание передать Мванге ультиматум Лугарда. Ультиматум был отклонен. Тогда Лугард послал на Булингугве 100 суданских аскари с пулеметом под командованием своего офицера, они разбили защитников острова, разнесли сам остров, но Мвангу так и не заполучили. Кабака бежал вместе с Хиртом на один из островов Сесе.

Впоследствии они оба оказались на территории Германской Восточной Африки. (Этот факт, заметим, обычно оставался за пределом поля зрения историков. Считалось, что Мванга до возвращения в Менго в конце марта 1892 года пребывал на островах Сесе.)

Но вот перед нами целый ряд документов, рассказывающих о новом туре политики лавирования кабаки Буганды Мванги.

Из отчета фельдфебеля Кюне начальнику германского гарнизона в Букобе от 5 февраля 1892 года следует, что Кюне нашел Мвангу и Хирта на одном из островов посреди озера Виктория и 1 февраля они все вместе на лодках прибыли уже на территорию Германской Восточной Африки.

Кюне, в частности, писал своему начальнику следующее: «Мванга категорически отказывался принять английский флаг, многократно отклоняя это предложение. Петере, как рассказал мне Мванга, якобы сказал ему, что вскоре Уганда получит немецкий флаг и он должен обороняться до последней капли крови. Он очень высоко ставит немцев: когда я показал ему портрет нашего обожаемого кайзера Вильгельма II, он сказал мне: „Да, от этого могущественного кайзера вадойчи (немцев, на суахили. — А.Б.) я хочу получить флаг"» [РКА 8822, л. 157—158].

Мванга, конечно, менее всего хотел установления чужеземного господства над Бугандой. Ему нужно было любым способом избавиться от Лугарда. Но немцы не оказали ему помощи: в Берлине в то время не хотели столкновений с Лондоном.

Но вернемся к Лугарду, который понимает, что кабаку необходимо вернуть, о чем пишет в Лондон: «Ситуация критическая, тем более что я вижу совсем мало надежды на то, что сумею заставить короля вернуться, а если он не сделает этого, маленькая партия (протестантская) наших союзников постепенно улечитится и дезертирует к королю» [РКА 8823, л. 62].

Ему же не остается ничего иного, как обратиться с письмом к германским властям в Восточной Африке, в котором он просит обеспечить безопасность Мванги и вернуть его в Буганду, а также задержать у себя епископа Хирта, который, как он полагает, оказывает влияние на Мвангу и не дает ему вернуться. Сам Мванга, уверяет Лугард, «очень хочет вернуться». Англичанин выражает готовность пойти на компромисс, обещая «вернуть ему все права и прежнее влияние». В таком же духе он пишет и Мванге.

А что же Мванга, поддался на эту удочку? Поддался. Не найдя ни помощи, ни сочувствия у немцев (в отличие от Лугарда), в конце марта 1892 года он вновь оказался в Менго. Причем, по свидетельству современника, одного из Белых отцов, с тех пор «он стал похож более на пленника, чем на кабаку Буганды».

Впоследствии Мванга писал: «Я получил множество писем от капитана Лугарда и протестантов, в которых меня просили вернуться и писали, что я смогу выбрать любую религию, которая мне понравится. Но когда вернулся, все католики были изгнаны, да и мои слуги тоже. Никого не осталось, кроме меня, и протестантские вожди приходили каждый день и уговаривали стать протестантом».

Выхода не было. Мванге пришлось и стать протестантом, и подписать 11 апреля 1892 года новый договор с Лугардом, окончательно закрепивший господство компании в Буганде. С этого момента он оставался кабакой лишь номинально, у власти укрепились покорная англичанам олигархия бами-протестантов.

Как номинальный кабака Буганды, Мванга подпишет еще многое против своей воли, в том числе договоры с Дж. Порталом и полковником Колвайлом в 1893 и 1894 годах, последовательно закреплявшие британский протекторат над Бугандой.

Вскоре после подписания договора с Лугардом кабака вынужден написать под его

диктовку и подписать письмо, которое как бы подводит итог его лавированию в переписке «на высшем уровне», — письмо к королеве Виктории от 17 июня 1892 года. Что же пишет ей Мванга? Он... благодарит ее за «посылку представителей компании (читайте — Лугарда), чтобы урегулировать положение в стране», и далее умоляет ее не отзывать компанию (т.е. того же Лугарда) обратно: «Если Вы отзовете компанию, мой друг, страна моя наверняка будет разорена, в ней вспыхнет война». Лугарду нужно было такое письмо, ибо компания к тому времени обанкротилась и Лондон упорно отзывал его домой. Вот он и заставил Мвангу это написать. Мванге, боровшемуся до конца за независимость Буганды, неоднократно призывавшему всех возможных и невозможных властителей Западной Европы составить противовес Великобритании в Буганде, быть коллективными гарантами независимости его страны, пришлось в конце письма к британской королеве заявить: «Я и мои бами приняли английский флаг, как и народ Индии. Мы хотим, чтобы англичане наводили у нас порядок» [Further Correspondence с. 95]. Но это еще не конец истории Мванги. И даже не конец маленького «почтового романа», прочитанного в Потсдамском архиве.

Экс-кабака у немцев. Попробуем теперь мысленно перенестись на несколько лет вперед, в 1897 год. Буганда — уже часть складывающегося британского протектората Уганда. В стране один за другим вспыхивают очаги антиколониального восстания. Ведет ожесточенную борьбу с колонизаторами Кабарега.

А Мванга? Лишенный фактической власти, долгое время вынужденный жить по чужой указке, он все же не захотел жить так до конца своих дней.

Вторник, 6 июля 1897 года. Три часа ночи, еще не рассвело. Мванга тайно бежит из своего дворца, прихватив с собой лишь семь из нескольких сот своих жен и некоторых пажей. Его путь лежит в Будду — один из очагов восстания в Буганде. Но верные колонизаторам войска приходят в Будду, и дважды — 15 и 20 августа — восставшие терпят поражение в больших сражениях.

Итак, силы Мванги разбиты, но он еще на что-то надеется и опять бежит через озеро Виктория на германскую территорию. Если в 1892 году бегство Мванги было катастрофой для англичан, то пять лет спустя они отнеслись к этому куда спокойнее: у них в запасе был трехлетний сын кабаки Дауди Чва, воспитывавшийся миссионерами в верноподданническом духе. Мванга еще был в пределах протектората, его сторонники еще не были разбиты, когда 14 августа англичане объявили кабаку низложенным, а на престол возвели его отпрыска, назначив при нем трех регентов из наиболее благонадежных вождей.

Перестав быть кабакой формально, Мванга не утратил своего политического влияния. Едва он сдался германским властям в Букобе, как вокруг экс-кабаки завязалась целая переписка между колониальными властями соседних территорий, а также между Энтеббе — столицей Уганды — и Лондоном, Дар-эс-Саламом (столицей Германской Восточной Африки) и Берлином.

Сразу же по прибытии Мванги на германскую территорию тамошние власти сообщают об этом британской администрации Уганды. Англичане боятся беглого кабаку и просят держать его подальше от границ Уганды, не давая ему вернуться в британские владения. Они обещают даже выслать Мванге его жен. Но все же не забывают предупредить соседей, что Мванга — очень опасный человек.

В другом письме английского губернатора Уганды германским властям, которые намеревались предоставить кабаке, как бы мы сказали сейчас, политическое убежище, эти опасения высказываются конкретнее. Выражается уверенность в том, что Мванге удастся поддерживать связи со своими сторонниками. А это будет вызывать постоянные осложнения для британской администрации, и вновь повторяется настоятельная просьба держать его как можно дальше от Уганды.

Как же выполнили германские колонизаторы просьбу коллег-англичан? Примерно через месяц после бегства на германскую территорию экс-кабака был переправлен на

лодке в Мванзу — тоже на берегу озера Виктория. Пленником себя он не ощущал, был полон оптимистических планов, не боялся нищеты, поскольку ранее отправил большой караван с товарами на побережье океана и получил утешительные сведения о его продвижении. Так что на первое время было на что жить

Но мнение немцев о том, что делать с кабакой, не совсем совпадало с английским. Германский консул на Занзибаре Рехенберг пишет в Берлин, что крайне выгодно держать Мвангу вблизи его страны в качестве «устрашающего привидения для англичан». В связи с этим он даже ходатайствует перед иностранным ведомством империи о назначении Мванге содержания примерно в 2400 рупий.

Но если с первой частью предложения Рехенберга в Берлине быстро согласились, вторая его часть вызвала у экономных немцев возражения. По указанию из Берлина генерал-губернатор Германской Восточной Африки потребовал у властей Уганды выделения средств к существованию Мванги, «соответствующих его положению». Германские власти выделили посредника для ведения переговоров. Так немцы приняли у себя Мвангу, нужного им в тот момент по политическим соображениям, но все же попытались при этом, как бы мы выразились сейчас, посадить его на «хозрасчет». Они, безусловно, вели игру с англичанами. Держали бывшего кабаку в Мванзе, которую отделяет от границ Уганды лишь короткий переход по озеру Виктория. И не хотели переселить в глубь страны. Далее, несмотря на настойчивые просьбы соседей, немцы смотрели сквозь пальцы на связи Мванги с повстанцами Буганды. Все это очень помогало ему осуществлять собственные планы, не совпадавшие с намерениями «гостеприимных хозяев». И вот, когда переговоры о выдаче имущества Мванги еще только разворачивались, случилось то, чего так боялись колонизаторы британские и никак не ожидали германские.

Телеграмма Рехенберга в Берлин: «Мванга король Уганды отправился на английскую территорию и там собрал войско».

А вот послание германского офицера в Берлин, из которого видны подробности бегства Мванги. Оно может послужить последней страницей нашего «почтового романа»:

«Для бегства Мванга выбрал темную, безлунную и беззвездную ночь с 23 на 24 декабря. Лодка „Герман“ находилась в ремонте, лодка „Князь Виз“ отплыла 18-го текущего месяца, и Мванга мог не опасаться преследования на парусной лодке. Два каноэ, тайно находившиеся в течение многих дней у какого-нибудь заброшенного острова, перед побегом под покровом темноты были тихо введены в бухту Мванзы выше станции. По условному знаку, крику какого-то животного, поданному из окрестностей станции, Мванга и спавший в его комнате бой тихо открыли окно и вылезли наружу в тот момент, когда часовой находился по другую сторону дома. Звук открываемой рамы сразу привлек внимание часового, и, зайдя за угол дома, он увидел две фигуры, перелезавшие через стену бома (крепости, на суахили. — А.Б.) в двух Метрах от здания, одна из которых была одета в [пышные] Одежды. В соответствии с инструкцией часовой открыл огонь И выстрелил в эту фигуру, обманувшись одеждой, которые, Как ему казалось, накануне он видел на Мванге. Бой был убит, а Мванга под покровом темноты достиг спрятанных в зарослях тростника каноэ, несмотря на немедленно организованное преследование многочисленных аскари» [RKA 8828, Л. 95].

Мванга вернулся в Уганду, чтобы стать одним из вождей антиколониального восстания. План побега, видимо, созрел у него давно, судя по тому, как хорошо этот побег был подготовлен. На этот раз он сумел обвести вокруг пальца германские власти и получить от них то, что было нужно, — возможность временно скрыться и выждать время.

Вопреки сложившимся представлениям о нем, Мванга вел вполне последовательную политику в отношении европейских держав. Другое дело, что его лавирование между англичанами и немцами не дало ему возможности выполнить его намерения. Заслуженную славу он все же снискал как вождь антиколониального восстания.

Что же заставило Мвангу восстать? Да тот простой факт, что фактически он перестал быть кабакой. После возвращения в Менго в 1892 году он становится протестантом по требованию Лугарда. В угоду новым хозяевам Буганды он вынужден утвердить многочисленные перемещения и новые назначения бами и разделение Буганды на «протестантские» и «католические» саза, произведенное в 1893 году Дж. Порталом, и даже неслыханную вещь — назначение двух катикиро вместо одного — от протестантской и католической фракций. Современники свидетельствуют, что Мванга в тот период обладал незначительной реальной властью в стране, хотя многие крестьяне испытывали почти суеверное благоговение перед титулом кабаки. Более того, лидеры протестантов диктовали политику своей «партии», не прибегая даже к формальной процедуре испрашивания у него совета.

В 1892—1897 годах кабака вынужден был в основном «держатъ кукиш в кармане», все более убеждаясь в том, что его противники сильны. В 1893 году был подавлен мятеж мусульманской фракции, в страну прибывали все новые европейцы, причем исключительно военные, как, например, полковник Гейри Колвайл, своей главной задачей поставивший разгром мятежного Кабареге и располагавший для этой цели солдатами и оружием. Но все же Мванга проявляет строптивость. В 1894 году он испрашивает разрешение вновь стать католиком — это помогло бы ему бежать в Будду, саза, ставшее оплотом католиков-баганда. Ему отвечают, что белая королева Виктория подумает, что он не способен быть кабакой, поскольку он слишком часто меняет свои решения.

К тому же остатков видимости власти Мванги становится все меньше. Его любимых пажей и придворных, обвиненных в содомии, изгоняют. Когда лидеры протестантской группировки сообщают об этом Мванге, он восклицает: «Теперь я знаю, что вы против меня. Вы все время игнорировали меня. Вы лишили меня свободы. Вы сделали меня узником жестоких законов европейцев». А затем кабаку обвиняют в незаконной торговле слоновой костью с Занзибаром (эту монополию присвоили себе колониальные власти) и заставляют заплатить за это большой штраф. В середине мая 1897 года колониальные власти по ложному обвинению арестовывают нескольких ближайших сподвижников Мванги. Это было последней каплей, заставившей его бежать в Будду, где его уже ждала армия католиков-баганда, к которым присоединились и недовольные мусульмане. С собой Мванга взял эскорт всего в 150 человек.

Поражения сил Мванги при Кабувоко и Маронго в июле 1897 года не сломили духа восставших. В их лагерь стекались баганда, нашедшие убежище в соседних странах. Даже после бегства Мванги на территорию Германской Восточной Африки восставшие не сложили оружия. Их не остановило и то, что 9 августа 1897 года было официально объявлено о низложении кабаки, а 14 августа — о возведении на престол Буганды его сына Дауди Чва. Масла в огонь подлило и восстание суданцев, начавшееся в сентябре 1897 года. Несмотря на сокрушительное поражение восставших в битве при Ньендо в том же сентябре, восстание баганда продолжалось.

Во главе восстания баганда. Бежав от немцев, Мванга пробился через реку Виктория-Нил к восставшему Кабареге и соединился с его силами. Против них выступала целая армия из баганда под командованием британских офицеров. И все же большинство народа поддерживало своего кабаку. Мятежником Мвангу называли англичане. Баганда так не считали. Один из участников событий позже говорил: «Как мог кабака восстать против самого себя?» Для большинства баганда он просто оставил королевство и трон свободными, назначения кабакой Дауди Чва они не приняли, тем более что ходили слухи, что этот младенец — сын Кагтвы, поскольку жена Мванги родила его в доме Кагтвы.

Большую роль в привлечении новых сторонников сыграл и слух, что Мванга принимает ислам: это привело в его лагерь многих мусульман. Но и колониальные власти не сидели сложа руки: еще в октябре 1897 года они объявили амнистию для всех, кто сложит оружие, — это лишило Мвангу некоторой части сторонников.

Попытки представить и эту войну как религиозную несостоятельны. Мванга воевал

не против католиков, а против англичан. Об этом свидетельствует ряд его писем 1897–1899 годов, часть которых была отправлена еще из Германской Восточной Африки.

Вот некоторых из них. Соратникам: «Друзья!

Я написал это письмо, чтобы объяснить вам причину, заставившую меня покинуть Буганду. В своем письме кати-киро А. Кагва обвинил меня в том, что я не люблю своих подданных, что, решая важные вопросы, я ни с кем не советуясь. Он грозил мне, что, если так будет продолжаться, мне придется плохо. Это письмо и заставило меня уйти, потому что я отнесся серьезно к этой угрозе. Я видел, что катикиро подчиняется не мне, а европейцам. И это мой катикиро? А не катикиро ли европейцев? Вот почему я ушел из своей страны».

Министру-протестанту:

«Дорогой Мванга Андерее Лувандага! Я приветствую тебя как мужчину, ведь ты знаешь меня давно. Ты был под черным кабакой. У баганда есть пословица, гласящая, что трудно взять в жены женщину, чей муж еще жив. Я также говорю тебе, что я еще вернусь и буду сражаться. Если ты считаешь книгу, ты увидишь, как кабаку звали Цезарем. Я тоже Цезарь. Мой погребальный костер — моя страна... До свидания. Храни тебя Бог. Я, кабака Мванга».

Одному из бами-протестантов:

«Моему другу Какунгулу. Привет тебе от Кабарегии и от меня, кабаки Мванги. Мы оба пишем тебе, чтобы сообщить, что мы вместе пришли сюда. Но мы не знаем, сам-то ты как к нам относишься. Но мы должны сказать тебе все то же — что нам противен один вид европейцев. Ты же знаешь, что у нас нет недобрых чувств к религии как к таковой.

Любому, будь то католик, или протестант, или мусульманин, мы дадим полную свободу исповедания. Наш спор, таким образом, не следует понимать как спор с религией. Ждем твоего ответа».

Это было одно из «прелестных» писем — подобные когда-то рассылал по Руси Пугачев, — но привлечь на свою сторону Какунгулу, верного англичанам, Мванге не удалось.

Более того, в 1898 году положение восставших во главе с Кабарегией и Мвангой все ухудшалось. Особенно заметно это стало после лета 1898 года, когда от объединенных сил восставших откололись суданцы. В опустошенной войной стране возникли трудности с продовольствием. И Мванга пытается выяснить возможность и условия своей сдачи властям. Читаем в его письме тому же министру-протестанту:

«Дорогой друг Андерее Лувандага!

Я написал, чтобы спросить у тебя следующее. Что со мною будет, если я вернусь: базунгу убьют меня или простят? Скажи мне, мой слуга. Мы терпим ужасные бедствия. У нас нет больше сил. Ответь мне поскорее. Я, кабака Мванга» [Robinson, Smith, с. 117].

Такое же письмо Мванга написал Кагве в сентябре 1898 года. Кагва проконсультировался с британскими властями и сообщил Мванге, что его и Кабарегу в любом случае сошлют «на Занзибар или куда-нибудь дальше». Узнав о таком решении, оба властителя решили, что терять им нечего, и сражались до конца. Весной 1899 года они с остатками своего воинства скрывались у народа ланги севернее озера Кьога. В результате предательства кого-то из ланги они были взяты в плен 9 апреля 1898 года подполковником Эватом, командовавшим экспедицией правительственных войск.

Последний путь. Пленных, как уже говорилось в очерке о Кабарегии, отправили в далекую ссылку на Сейшельские острова. Там в 1903 году Мванга умер в возрасте около 37 лет.

Со смертью Мванги его одиссея не закончилась. Весть о его кончине в Буганду принесла одна из жен кабаки, Доиси Мваном, вернувшаяся домой вместе с несколькими пажами и придворными.

Был распушен слух, что Мванга перед смертью принял православие. Но многие баганда не верили этому, так же как и тому, что он умер. И тогда регенты при Дауди Чва

настояли, чтобы тело Мванги было доставлено в Буганду и перезахоронено там: только так можно было убедить народ в законности правления его сына. За телом Мванги на Сейшелы отправились его бывшие враги из христианской олигархии. В июле 1910 года тело Мванги по озеру прибыло в Энтеббе. Собралось много народу. Был назначен специальный комитет по проведению похорон бывшего кабаки из известных людей, видных деятелей страны. Их сопровождали пятьсот носильщиков. Затем процессия прибыла в Менго. В тот же вечер состоялась церковная церемония. А ночью двое регентов и многие вожди остались во дворце для «утешения кабаки» в соответствии с обычаем. Наутро в присутствии молодого кабаки и его регентов перед толпой народа гроб Мванги был открыт и тело показано народу и опознано. Затем оно было предано огню. Так 3 августа 1910 года прах Мванги был присоединен к праху его отца Мутесы. Последний из независимых кабаков Буганды, Мванга был первым, кто похоронен с христианским отпеванием. Это открыло дорогу традиционной церемонии провозглашения его сына Дауди Чва кабаком, состоявшейся в тот же день.

Многие годы англичане пытались сделать так, чтобы в истории страны Мванга остался «кровавым тираном», но им это не удалось. Современный угандийский историк профессор Киванука восстановил его доброе имя, справедливо отнеся его к тем сыновьям и дочерям Африки, которые являются ее героями, ведь «их имена написаны кровью».

Но даже современники из стана его врагов не отказывали Мванге в ряде достоинств. Вот что писал о нем, например, Х. Мукаса, один из лидеров протестантской группировки:

«Многие называют его плохим кабаком. Но в нем нужно видеть и плохое и хорошее. Мванга не был так горяч, как его дед Суна в древние времена. В тридцать четыре года его могли не раз убить. Кабака Мванга был добрым, любил людей. Если вы ему нравились, то он доверял вам. Его погубило то, что ему нравились плохие люди, которые наговаривали на своих друзей. Если бы он верил всему тому, что они говорили, он убил бы многих. Но доброта мешала ему сделать это. Кабака Мванга мудро решал споры. Он судил, не обращая внимания на социальный статус человека, и обычно судил справедливо. Правда, иногда подпадал под чье-нибудь влияние. Кабака Мванга любил тех, кто хорошо работает, и быстро их продвигал. Но клеветники оказывали на него сильное влияние. Кабака Мванга любил новых людей и всячески с ними занимался, но никогда их не огорчал...» [Robinson, Smith, с. 116].

Да, Мванга жил в трудное время. И много сил положил на то, чтобы отстоять независимость своей страны. Ему это не удалось, как не удалось бы никому другому на его месте: уж очень лакомым кусочком для англичан была Буганда. Но все же он пытался сделать это всеми доступными ему способами.

«МУДРОСТЬ НЕ ПРИХОДИТ К ЛЮДЯМ СЛАБЫМ И ЛЕНИВЫМ»

Аполо Кагва

10 июля 1902 года в Карлайле, небольшом английском городе близ шотландской границы, в одном из домов принимали гостей. Совершенно неожиданно один из присутствовавших на ужине поднес почетному гостю сонет собственного сочинения. Сонет начинался так:

Пусть никогда я не увижу боле лик твой темный
И нежных языка луганда звуков не услышу,
Мои молитвы о тебе и теплые воспоминанья
Через моря и чащи до тебя на родине дойдут...

Сонет был оценен по достоинству всеми, в том числе и тем, кому он посвящался: Аполо Кагва, катикиро («премьер-министр туземного правительства Королевства Буганда», как его официально именовали британские власти), хорошо понимал английский язык. А принимали его как почетного гостя потому, что он приехал из Африки на Британские острова по официальному приглашению — присутствовать на церемонии коронации нового короля, Эдуарда VII.

За что же была оказана такая честь гостю с берегов озера Виктория? Кто он был такой?

Аполо Кагва был в известной мере антагонистом Мутесы, Мванги и Кабарегги, застав на престоле Буганды первого из них и, как правило, находясь «по другую сторону баррикад» от двух других. Он являл собой живое олицетворение перехода от доколониальной Буганды к протекторату Уганда. Открытый сторонник колониального режима, почти четверть века фактически некоронованный кабака Буганды, он был личностью яркой и неординарной и к тому же далеко не однозначной.

Путь к должности катикиро. Кагва родился около 1865 года. Он был внуком наместника в одном из бугандийских саза. Известно, что воспитывался он в доме своего родственника Басудде, военачальника Мутесы I. В ранней юности он познакомился с хранителем мечети кабаки и по его протекции попал во дворец Мутесы. Здесь юноша занял место помощника хранителя кладовых кабаки. В год воцарения Мванги, в 1884 году, он был крещен английскими миссионерами и получил имя Аполо. В протестантской общине Буганды, тогда еще немногочисленной, и вообще среди басами («проповедники») — так называли в Буганде христиан — Кагва быстро выдвинулся. Уже тогда он овладел грамотой и был одним из тех, кого миссионеры считали своей опорой. Вскоре он занял место своего патрона — стал хранителем кладовых кабаки, личностью, заметной при дворе.

В мае 1886 года, когда кабака Мванга обрушил свой гнев на христиан, Кагва сумел избежать смерти, но наказан был все равно жестоко. Наказание Кагвы было особым: после того как его жестоко избили, вся его голова была изрублена ножом, и на всем теле было несколько ножевых ран. Кабака собственноручно нанес Кагве как непокорному первый удар копьем плашмя, но, видимо, вид этого исполина (Кагва был большого роста и крепкого телосложения), истекающего кровью, с множеством ножевых ран на черепе и теле, заставил Мвангу перенести свой гнев на других — тех, кто еще не успел скрыться.

В 1887 году, когда Мванга в преддверии нового похода на Кабарегу создал новые военные отряды — битонголе, Кагва был назначен командиром одного из них. В то время он построил себе просторный дом в столице, где всегда толпились вооруженные воины, прекрасно владеющие ружьями «снайдер» и «винчестер». Одновременно он получил земли для своих воинов, и рассказывают, что, когда Мванга увидел «ружейный парк» полка Кагвы, он воскликнул: «Ни один народ не может подняться против меня, пока эти ружья стоят здесь!» (Именно эти ружья впоследствии были повернуты против Мванги.)

После похода на Кабарегу, закончившегося неудачей, Кагва был назначен наместником в одном из саза Буганды, проводя, однако, как и все вельможи такого ранга, бо'льшую часть времени при дворе. Кагва великолепно смотрелся с ружьем, казавшимся игрушкой в руках этого гиганта, но вопреки утверждениям современников-европейцев, не был хорошим военачальником. Он действительно был очень смел, но не умел находить нужных контактов с подчиненными, предварительно обсудить с ними план боевых действий, в бою часто увлекался и терял голову; если же подчиненные пытались его остудить, он обвинял их в трусости. Тем не менее на его счету не только большие поражения, но и большие победы в 1888—1892 годах. В сентябре 1888 года, когда Мванга решил одним махом расправиться со всеми басами, заманив их в лодки, Кагва сумел взять на себя роль одного из лидеров свержения кабаки.

Сам войдя в лодку по приглашению Мванги, он тихонько велел своим воинам не садиться в лодки. Когда же люди закричали: «Давайте убьем Мвангу!», Кагва ответил из своей лодки, что не следует убивать кабаку без крайней на то причины, пока он не убьет кого-нибудь из мятежников, а если его убить сейчас, то все народы осудят баганда, сказав, что они убили своего господина. Именно Кагва в тот критический момент вместе с лидером католической группировки Ньоньинтоно предложил сместить кабаку с престола — «поскольку он наверняка предпримет новую попытку лишить нас жизни». И Кагва немало этому способствовал: бывший хранитель кладовых кабаки использовал свои связи и сумел устроить так, чтобы оружие с дворцовых складов досталось восставшим, а не сторонникам Мванги.

После изгнания Мванги из Менго и провозглашения кабакой кивевы Мутеби Кагва претендовал на то, чтобы занять пост катикиро. Но ему это не удалось — катикиро стал Ньоньинтоно, что навсегда вбило клин между этими двумя могущественными басоми. Чтобы как-то удовлетворить амбиции двадцатитрехлетнего Кагвы, Ньоньинтоно назначил его на должность наместника в отдаленном саза Буганды. Желанную должность катикиро Кагве суждено было получить в следующем, 1889 году и сохранять ее за собой очень долго — тридцать семь лет.

По иронии судьбы эту должность он получил формально из рук своего противника Мванги. Когда христианские группировки были вынуждены бежать от победивших мусульман в Нкоре (Анколе), Кагва понял, что знаменем борьбы христиан за власть должен стать кабака. Он писал своим соратникам: «Без принца баганда не восстают» Но после захвата власти мусульманская группировка перебила практически всех христианских «принцев», и единственным реальным ставленником христиан мог быть только Мванга, скрывавшийся на островах. Аполо Кагва был одним из тех, кто посоветовал католикам и протестантам объединить силы и призвать Мвангу. Он командовал объединенными силами христиан в боях с мусульманской группировкой, был ранен. После возвращения Мванги в Менго 11 октября 1889 года Кагва был назначен катикиро. Надо сказать, что протестантская община восприняла назначение Кагвы неоднозначно — другим кандидатом был председатель церковного совета Никодемо Себвато, который сам отказался от поста катикиро со словами: «Я слишком стар, молодежи в армии нужны молодые руководители».

Так Кагва стал первым лицом в Буганде. В этот период Мванга обладал лишь призрачной властью. Все высшие государственные должности с 1889 года распределял Кагва, а кабаке оставалось только утверждать его решения. Когда же в 1893 году Мванга захотел стать католиком, Кагва собрал в Менго протестантскую верхушку баганда, послав им такую весть: «Мванга хочет стать католиком, приходите и посмотрите, что из этого выйдет». Как известно, не вышло ничего, поскольку не согласились британские власти, пригрозившие кабаке гневом королевы Виктории. Но не последнюю роль при этом сыграла и демонстрация силы: не зря он созвал в столицу всех сановников — своих единоверцев. Тем не менее Кагва публично демонстрировал свою преданность Мванге как кабаке — на официальных церемониях его можно было видеть склоняющим колени перед тронем Мванги.

Катикиро англичан и главный регент. Однако до некоторого времени Кагва еще не был всемогущ: это касалось в основном отношений с европейцами, где Мванга, который считался тогда католиком, больше советовался с католическими миссионерами и принимал решения вопреки воле Кагвы. Так, Кагва был против подписания договора с К. Петерсом и, даже скрепив его своей подписью как катикиро, попытался дезавуировать договор в глазах Европы. Об этом, в частности, свидетельствует архивное письмо Петерса, в котором говорится: «Вожди протестантской (английской) партии сначала отказались поставить свои подписи, но вчера вечером прибыли ко мне, чтобы их (эти подписи. — А.Б.) добавить. Среди них — первый министр короля, называемый катикиро. Мне стало известно, что он сообщил на Занзибар, что я якобы вырвал подписи силой. То,

что это взято с потолка, на месте подтвердят англичане. Мне совершенно не нужны были их подписи, поскольку мне вполне хватало подписи короля» [RKA 252, л. 120]

Кроме того, Кагва как представитель проанглийской Ипировки резко осудил отказ Мванги подписать договор с Ф. Джексоном. Об этом он сообщил в своем письме британскому консулу на Занзибаре (посланном практически одновременно с цитированным выше письмом Мванги тому же адресату – 25 апреля 1890 года). В своем письме Кагва писал:

«Генеральному консулу Виктории, королевы англичан, на Занзибар, 25 апреля 1890 года.

Я, визирь Уганды при Мванге, знакомлю Вас с общим положением дел. Всех нас, народ Мванги в Уганде, называют христианами. Но среди нашего народа нет полного согласия. Мы разделены на две партии. Одна Партия называется католики (римско-католическая) Их обучали французы. А другая партия - это мы, люди Священного писания (протестанты). Нас обучали англичане. Католики составляют одну половину страны, а мы, протестанты, - другую. Когда м-р Джексон, позванный Мвангой пришел к нам, он застал страну в состоянии войны. Мы тогда сражались с нашими врагами – мусульманами.

Когда мы его попросили помочь, он сказал: "Я помогу вам, если вы признаете Британию вашей покровительницей. И ваш король, и весь его народ, и вся его страна. Мы, протестанты, сразу же согласились со словами м-ра Джексона, а католики решили сначала навести справки на побережье.

Покидая нашу страну, м-р Джексон попросил нас пока ничего не предпринимать, так как согласился с предложением в навести справки у лиц на Занзибаре. М-р Джексон оставил Мванге британский флаг, а сам возвращается на побережье с нашими людьми - Самуэлем Мвамбой и Виктором Сенкеги, которые и доставят вам эти письма. Эти люди имеют влияние при дворе Мванги. Я и мои сторонники не имеют другого намерения, как встать под защиту англичан, если они помогут нам. И мы этому не изменим. На этм заканчиваю с множеством приветов к Вам. Я, Аполо, катикиро Уганды» [Low, с. 25-26].

Это письмо послужило началом большой интриги Кагвы и его сторонников, стоившей в конечном счете независимости Буганде и Уганде в целом. Как и Мванга, Кагва обращался к англичанам, чтобы упрочить власть - свою собственную и своей группировки. Но в отличие от кабаки, для которого любое согласие на признание чужеземной «защиты» было маневром, для Кагвы, «поставившего» на англичан, вопрос о протекторате Великобритании решился уже в 1889 году. В соответствии с этим он строил всю свою дальнейшую политику, прежде всего по отношению к Лугарду, с которым Кагва с самого начала установил прочную дружбу. Не зря же Мванга называл Кагву «катикиро Лугарда», и не зря Лугард поддерживал протестантскую группировку огнем своих «максимов» в 1892 году. После «войны Лугарда» абсолютное большинство государственных должностей в Буганде получила протестантская группировка, и власть Кагвы окончательно упрочилась. Но он превратился в «катикиро Лугарда» и других, сменивших его англичан. (Как помнит читатель, в 1890-1893 годах Буганда была под властью Имперской британской восточноафриканской компании, а с 1893—1894 годов — уже официально под протекторатом Великобритании.) Как лояльный подданный британской короны, Кагва сохранил свой пост катикиро до 1926 года. Спустя почти четыре года после ухода Лугарда из Буганды катикиро пишет ему такое письмо: «Приветствую моего дорогого друга капитана Лугарда. Я всегда Вас вспоминаю. Вспоминаю все хорошее, что Вы сделали для нас. Сейчас (письмо написано 4 июля 1896 года. — А.Б.) в нашей стране царят мир и спокойствие. Мы отдыхаем, нет никаких волнений и неприятностей. Все европейцы, которые работают в Буганде, люди достойные, мы с ними подружились и хорошо ладим.

Мой новый кирпичный дом, который я строил, готов, и я въехал в него. Все вожди, которых Вы знаете и с которыми Вы дружили, шлют Вам привет, и моя жена тоже.

Да поможет Вам Бог и хранит вас всегда. Ваш верный друг
Аполо Катикиро Кагва» [Low, с. 31].

Кагва выслуживался перед новыми хозяевами — Дж. Порталом, капитаном Макдональдом, полковником Колвайлом. В 1893 году, когда вспыхнуло восстание мусульман, Кагва участвовал в его подавлении и вел с ними переговоры. Полагают, что восстание было инспирировано самим Кагвой, который хотел показать свое влияние новым властям. Он со злорадством писал о поражении мусульманской группировки во главе с дядей Мванги — Мбого: «Мбого хныкал, хныкал и хныкал, умоляя европейца не высылать его, но европейец отказался, заявив, что только его высылка поможет восстановить мир».

Кагва легко пошел на то, чтобы в Буганде было два катикиро, и поделил свою должность с католиком, так как знал, что при англичанах все равно первенство будет за ним. Впоследствии дублирование важнейших должностей в Буганде католиками и протестантами было отменено англо-бугандийским соглашением 1900 года, одним из творцов которого был Кагва.

На переговорах о заключении соглашения 1900 года Кагва сыграл большую роль не только как катикиро — один из двух, но и как главный регент при малолетнем кабаке. Мванга был официально лишен власти вскоре после своего побега из Менго в июле 1897 года. А 14 августа того же года в Буганде было уже объявлено о новом кабаке, причем в выборе кандидатуры сошлись и люкико (совет при кабаке), и британский губернатор. Это был Дауди Чва, сын Мванги, рожденный в доме Кагвы. Провозглашение кабакой младенца, которому в этот день исполнилось год и восемь дней, было беспрецедентным случаем в истории Буганды. При кабаке было назначено три регента — протестанты Аполо Кагва и Закария Кисингири и католик Станислас Мугванья. Это означало, что практически в «туземных» делах решение оставалось за Кагвой и его группировкой, что устраивало и британские власти, и самого катикиро.

Церемония провозглашения нового кабаки не могла происходить так, как она происходила в традиционной Буганде, — вместо трупа почившего предка был мятежный Мванга, вместо дееспособного нового кабаки был крохотный младенец. Церемонии состоялись как в Кампале («белом» городе, выросшем вокруг Менго), так и в самом Менго, где для крохи кабаки был изготовлен специальный маленький трон. Все необходимые процедуры и слова за кабаку произносил Кагва, он же ударил рукой младенца в ритуальный барабан. Не случайно народ встретил все это довольно мрачно. Говорили, что Кагва пытается сам сделаться кабакой. Да так оно фактически и произошло.

Соглашение 1900 года определило место кабаки, его люкико и вождей в «туземной» администрации Буганды и послужило основой для создания подобной системы по всей Уганде. Поэтому можно с полным правом назвать Кагву творцом, вернее, сотворцом «туземной» администрации протектората Уганда.

Для чего нужно было англичанам это соглашение? Дело в том, что протекторат Уганда до начала XX века был убыточным для британской казны. Требовалось ввести достаточно четкую систему налогообложения, а также «эффективную» администрацию из местных, которая могла бы обеспечить сбор налогов. Для заключения такого соглашения в Уганду был направлен специальный эмиссар британского правительства сэр Гарри Джонстон. Это был не просто колониальный чинуша, а известный путешественник, исследовавший юг Анголы, район реки Конго, возглавивший в 1884 году экспедицию на гору Килиманджаро. Но опыт административной работы у него тоже был (вице-консул, а затем консул в Камеруне и районе дельты Нигера). Очень любил африканскую природу, пополнял коллекции

Британского музея образцами африканской флоры и фауны, назвав одну из открытых им газелей своим именем. Ему принадлежит также лингвистическое исследование о языках банту, считающееся классическим и написанное два десятилетия спустя после событий, о которых здесь идет речь.

Джонстону нужно было добиться создания эффективной «туземной» администрации за счет сотрудничества с вождями. Каггва и его окружение были готовы на такое сотрудничество, но сумели выторговать много привилегий для себя и закрепить их документально. Переговоры их с Джонстоном были мирными, но затяжными. Они проходили в два тура с января по март 1900 года — сначала в Кампале, а затем в Энтеббе, административном центре протектората, основанном еще Лугардом. Переговоры проходили в форме обмена посланиями.

Одно из требований Каггвы и его окружения касалось земли. Каггве удалось добиться беспрецедентного в английских колониях в Африке решения — признания индивидуальной частной собственности на землю, передаваемой по наследству, чего в доколониальной Буганде не было. В одном из посланий Джонстону, например, говорилось: «Конечно, земельные владения — прерогатива королевы... Но наша страна, Вы не должны об этом забывать, сэр, является уникальной в Центральной Африке, и Вы сами это подтвердили...» И постепенно, осторожно Каггва и его друзья добились того, что в Буганде почти все обрабатываемые земли были розданы в наследственную частную собственность вождям и кабаке. Сам Каггва, как и другие регенты, по соглашению 1900 года получил 16 квадратных миль земли. Более того, когда началось распределение Устных земель между «тысячей вождей», как было записано в соглашении, Каггва, проводивший это распределение вместе с двумя другими регентами, заявил, что в результате остались свободными еще 1200 квадратных миль. Не долго думая, регенты распределили эти земли между собой и своими друзьями-приятелями. В итоге Каггва стал крупным землевладельцем — его земельные угодья насчитывали 62 квадратных мили (16057 гектаров). С этих владений он, как и другие землевладельцы, получал от живших работавших на них крестьян подати — бусулу и энвуджо, натурой и деньгами, приносившие ему ежегодно значительную сумму.

Кроме того, в соответствии со статьей 10 соглашения Каггва как «премьер-министр, известный иначе как катикиро», получал гарантированное жалование в 300 фунтов Стерлингов в год, а на период действия в качестве регента при кабаке — 400 фунтов стерлингов в год. Так при англичанах Каггва превратился в одного из самых богатых Африканцев Буганды.

Но ему важно было упрочить и свое политическое положение, и он сумел добиться, чтобы в соглашении, в той же 10-й статье, оговаривалось, что катикиро одновременно по должности занимает пост президента люкико — раньше в люкико председательствовал сам кабака. Но вот ведь парадокс: Каггва и другие регенты сделали все, чтобы власть кабаки — конечно, в пределах, дозволенных англичанами, — была номинальной, но одновременно делали и все возможное, чтобы сама должность кабаки сохранялась: ведь в глазах народа только кабака может наделить властью и люкико, и катикиро, и любого другого сановника. Поэтому в ходе переговоров с Джонстоном Каггва и другие регенты беспокоились, чтобы англичане вообще не отменили институт кабаки. Регенты писали Джонстону, что отмена статуса кабаки, люкико и других местных институтов власти унизит баганда — «верных и преданных слуг королевы», поставив их на уровень «людей Кавирондо и масаи» — соседних скотоводов-кочевников, не создавших государственности. В результате, как говорилось в Соглашении 1900 года, «помпезность двора кабаки» сохранялась, за ним оставались самые большие «маило» (так от искаженного английского слова «майл» — миля — стали называться в Буганде и во всей Уганде частные земельные владения). Более того, Джонстон мудро предложил для кабаки титул «его высочество», и вот что, по его собственным словам, в результате получилось:

«То обстоятельство, что их правитель, внук Мутесы, потомок древнего рода африканских королей, помещен на один уровень с султаном Занзибара, оказало большее воздействие на регентов и вождей, чем что-либо другое, и заставило их передать британскому правительству право налогообложения, контроля над страной, власть над жизнью и смертью их подданных». Заметим, кстати, что в ходе переговоров Джонстон пообещал в случае подписания соглашения дополнительные земельные пожалования трем регентам (больше всего Каггве — 20 квадратных миль). Каггве обещали подарить еще 100 голов скота, издревле считавшегося в Буганде основным мерилем богатства. Таким образом, можно сказать, что Каггва, выторговав немало привилегий для себя лично, получил и крупную взятку натурой.

Подписание соглашения 11 марта 1900 года официально поставило Каггву во главе «туземной» администрации Буганды. Четверть века он был самым главным колониальным вождем протектората Уганда, контролируя сбор налогов, работу двадцати наместников и всех подчиненных им низших вождей. Он ведал также деятельностью люкико и двух других министров Буганды — омуламузи и омуваньики (министров финансов и юстиции). Каггва вел большую переписку, принимал у себя людей, имел личного секретаря — Генри Райта Дуту, составившего впоследствии вместе с одним миссионером разговорник языка луганда.

Поездка в Англию. Но роль Каггвы в истории Буганды и Уганды в целом не ограничивалась тем, что он способствовал установлению британского господства, а затем талантливо руководил африканской частью колониальной администрации Буганды. Каггва внес другой, куда более важный вклад в историю своей страны — он был первым угандийцем, написавшим и издавшим книги на родном языке. Но сначала о книге, в которой он официально автором не числился. В книге рассказывалось о поездке Каггвы в Британию в 1902 году на коронацию короля Эдуарда VII, куда он был официально приглашен. В качестве секретаря Каггва взял с собой Хама Мукасу, которому строго наказал подробнейшим образом записывать все, что они увидят в путешествии.

Записи Мукасы легли в основу книги, изданной в 1904 году под названием «Катикиро Уганды в Британии». (Тогда рукопись Мукасы была переведена на английский с языка Луганда Э. Милларом — миссионером, сопровождавшим Путешественников. Он опустил некоторые детали, которые могли показаться англичанам оскорбительными. Эти детали были восстановлены известным угандийским поэтом Табаном Ло Лионгом, подготовившим второе издание, которое вышло в 1975 году. Книга была озаглавлена «Сэр Аполо Каггва открывает Британию».)

Впечатления Каггвы о поездке в Британию, безусловно, интересны, поскольку он был самым влиятельным лицом из христианизированных баганда, от которых ведет свое начало современная угандийская интеллигенция. Это были люди, которые, получив зачатки европейского образования, сумели глубже понять и изучить историю и культуру собственного народа. Миссионер Р. Уокер писал о Каггве как о «человеке больших интеллектуальных способностей. Когда ему было уже почти 30 лет, он решил обучиться грамоте и в короткое время выучился писать».

Понятно, что Каггва был более подготовлен к восприятию достижений европейской цивилизации в одном из ее очагов — Великобритании, чем другие его соотечественники. Сказались и образование, полученное им у миссионеров, многочисленные служебные и личные контакты с европейцами. Он был другом известного миссионера и этнографа Дж. Роскоу, служил ему информантом для многочисленных книг о баганда и сопредельных народах. Еще до поездки в Англию достижения европейской цивилизации фочно вошли в быт Каггвы. Сам он с гордостью писал, что «в 1890 году купил часы, в 1894 году построил себе двухэтажный дом, в 1896 году купил керосиновую лампу, а в 1898 году — велосипед, а с 1894 года начал есть сидя за столом и пить чай вместо бананового пива». Добавим, что в последние годы XIX

века он уже активно пользовался пишущей машинкой.

Да и деловым человеком по европейским понятиям его тоже можно было назвать. Миссионер Дж. Роскоу отмечал: «Он ведет полную отчетность в судебных и государственных делах. Просто удивительно, даже для европейца, что он так много успевает».

Под стать Каггве был его спутник и секретарь в поездке в Британию Хам Мукаса. Он моложе Каггвы: родился в 1871 году и прожил долгую жизнь — восемьдесят пять лет. Отпрыск аристократического семейства, как и Каггва, он рос при дворе Мутесы I — был пажом. Крещен всего на год позже Каггвы — в 1885 году. Как и Каггва, он был храбрым воином. В одной из битв ранен в ногу и впоследствии прихрамывал. Одним из первых в Буганде выучил английский язык. Вслед за Каггвой Хам Мукаса писал и публиковал исторические статьи, написал книгу мемуаров, составил комментарии на луганда к Евангелию от Матфея.

Эти два человека и отправились в Англию весной 1902 года. 6 мая они отбыли из столицы Буганды Кампалы. Путь их лежал через административный центр Уганды Энтеббе, где их принял британский верховный комиссар (так тогда назывался губернатор) протектората, а многочисленные друзья снабдили провизией на дорогу. После утомительного путешествия на лодках по озеру Виктория они добрались до Кисуму — конечного пункта только что построенной угандийской железной дороги, связавшей океанский порт Момбаса в Кении с внутренними районами британских владений в Восточной Африке. Прибыв поездом в Момбасу, путешественники переночевали там в том самом доме, в котором за три года до того жили Мванга и Кабарега по пути к месту своей ссылки на Сейшельские острова.

А потом был пароход, поразивший их своими размерами: «Он вдвое выше дома Силаси Мугваньи (один из соратников Каггвы. — А. Б.), потому что в нем семь этажей. В ширину он такой же, как кирпичный дом Хама Мукасы вместе с верандами, а в длину в полтора раза превосходит собор Намирембе (самый большой в Кампале. — А.Б.); огромная труба, из которой идет дым, пожалуй, больше самого большого барабана в соборе Намирембе». В Адене путешественники пересели на другой пароход, вдвое большего размера!

Каггва и Мукаса путешествовали долгих четыре месяца — они вернулись на родину в начале сентября. Путь их в Англию проходил через Красное море (которое совсем не красное, восклицает Мукаса), Суэцкий канал, Средиземное море. По дороге они осматривали Неаполь и Помпеи, Марсель и Париж. В Англию они прибыли через Кале и Дувр — самым обычным по тем временам маршрутом с континента на Британские острова. И провели там больше двух месяцев только потому, что из-за болезни короля коронация была отложена.

Путешественники исколесили всю страну: были в Саут-гемптоне и Глазго, Ливерпуле и Манчестере, Кембридже и Виндзоре, Шеффилде и Глазго. Осмотрели Лондон, где им показали парламент и Британский музей, Тауэр, прокатили в совсем новом тогда еще метро, сводили в театр и в цирк. Вот некоторые их впечатления:

Отель «Вестминстер пэлес»: «Когда мы вошли в этот дом, он оказался таким, как будто мы вошли в дом самого короля; он был великолепен и чудесен выше всяких похвал. Мы оглядывались по сторонам, восхищаясь им. Хотя достоинством человека считается сдержанность, когда он не глазеет на все подряд, в Британии это невозможно».

Британский музей: «Он в двадцать раз больше собора Намирембе. Вы сможете представить размеры этого сооружения, если я скажу, что когда вы разгуливаете по нему, то вам кажется, что вы вообще не в здании, что вы ходите по улице».

Тауэр: «Во всех странах древние люди были действительно очень дурны, имея привычку так жестоко мучить своих братьев».

Техника: «Все машины англичан на фабриках похожи, и, когда все движется, нельзя отличить разные виды работы, хотя и рабочие, и собственники фабрик знают в этом

толк».

Университеты: «Хотя в Европе много учителей, но ничто не может сравниться с Кембриджем, вероятно, за ним идет Оксфорд».

Виндзор: «Виндзор — прекраснейший город в Англии, потому что там нешумно и он расположен на холме. Город возвышается как кафедра проповедника в соборе, из него открывается красивый вид во все стороны». Еще на пароходе Кагва и Мукаса с интересом изучали нравы и обычаи англичан, правила английского этикета, чтобы не сделать ошибок. Немалую помощь оказали сопровождавший их миссионер Э. Миллар и другие пассажиры. В книге Мукаса приводит множество их общих с Кагвой впечатлений о быте, нравах и характере англичан.

Европейские танцы, по их мнению, «постыдное дело, ведь мужчины и женщины танцуют вместе», однако «сама музыка лучше танцев» [Mukasa, с. 67—68].

О деловой жизни английского города: «Люди разгуливают по городу до двух часов ночи; англичане спят очень мало, и поэтому они быстро богатеют».

Поразили путешественников обилие полных людей среди англичан и их вежливость в отношении комплекции: «Англичане терпимы к полноте: когда они видят человека, такого же толстого, как наш Накатанга (самый толстый человек в Буганде. — А.Б.), они говорят: через несколько лет он станет толстым».

С физическим развитием англичан они связали и «силу» английских женщин, «которая позволяет им работать как мужчины: на любых работах можно увидеть как мужчин, так и женщин». Это не могло не удивить баганда, поскольку у них существовало четкое разделение труда между полами.

Путешественники старались вовсю, чтобы не показаться невоспитанными своим хозяевам. Когда однажды Мукаса забыл в поезде шляпу, ему «стало стыдно быть простоволосым в такой большой стране и выглядеть как малый ребенок», и он тут же прикрыл голову платком.

В, Англии они встречались со многими известными людьми, так или иначе связанными с Африкой. Не говоря уже о том, что все, кто знал Кагву по Уганде, в том числе Г. Джонстон и Дж. Роскоу, считали своим долгом посетить их или пригласить к себе. Их принимали Генри Стенли, архиепископ Кентерберийский, а также лорд Роз-бери и даже премьер Солсбери, с которым они пили чай. 8 августа, незадолго до коронации, их удостоил приема сам король, поразивший угандийцев тем, что «он держался очень прямо, как будто в теле у него не было ни одного сустава», и тем, сколько золота было на нем надето.

Их посещали многочисленные репортеры, о них писали газеты. Велик был интерес к ним и простого люда. В Шеффилде, например, «много людей окружило их на улице, шли кто впереди, кто по бокам, и каждый хотел посмотреть, как они выглядят» [Mucasa, с. 119].

Интерес к Кагве и его секретарю официальной Британии, почет, которым их окружали, — все это носило особый характер. Кагву принимали как представителя уже покоренного государства, которому надо было оказывать милостивое внимание, но не давать забывать свое место. Такие напоминания постоянно прорывались сквозь дипломатическую вежливость официальных лиц. Так, когда после посещения короля Кагве и Мукасе предложили расписаться в книге для визитеров, сопровождавший их капитан Хобарт сказал им: «Идите себе, я распишусь за вас». Путешественникам это совсем не понравилось, но они оказались вежливее хозяев — «понимающе промолчали и дали ответственному за них человеку сделать так, как он хотел» [Mukasa, с. 149].

Кагву и Мукасу в отличие от послов Мутесы не надо было запугивать военной мощью Британии: Уганда уже была завоевана. Поэтому путешественникам почти не показывали военных маневров или воинских частей. Зато их старались поразить промышленной мощью Альбиона. И что же?

Сахарный завод, карандашная фабрика, фабрика верхней одежды были осмотрены

путешественниками с предельной тщательностью. Они, никогда раньше ничего подобного не видевшие и даже не представлявшие, выдержали это испытание с честью. Не побоялись войти в метро, где «нельзя и подумать, что находишься под землей; там дороги так прекрасны, а электрический свет так ярок, а люди подобны саранче — их слишком много». И только один раз спасовали — перед «повозкой, именуемой автомобиль и движимой газом, который получается из какого-то вещества. Умная штука, но так пылит, что мы предпочли ехать в экипаже».

Самое поразительное, что на все чудеса техники Каггва и Мукаса смотрели под вполне определенным углом зрения: «Как бы там ни было, нам везет в одном — часть этих вещей обязательно завезут в Уганду, и их увидят те, кто никогда не был в Британии, мы уже увидели такое чудо — телеграф». Это было написано в начале путешествия. А потом Каггва и Мукаса стали «глазами своих соотечественников», внимательно рассматривая и старательно описывая все, что им показывали. Они старались повсюду бывать вместе, ведь «вдвоем можно увидеть больше». Отовсюду, откуда только можно было, брали с собой образцы и полуфабрикаты: глину с гончарного завода, кусочек угля из шахты, карандашные полуфабрикаты на разных стадиях изготовления с карандашной фабрики, полуфабрикаты ружейного ствола с оружейного завода — и все для того, «чтобы наши баганда увидели это».

Но не просто чтобы увидели. Путешественники хотели, чтобы и баганда пользовались всеми благами цивилизации. А для этого, понимали они, их родине нужны прежде всего специалисты. И Каггва, выступая в различных уголках Британии, перед разными аудиториями, непрестанно приглашал специалистов в Уганду. Например, в одной из лондонских больниц: «Я прошу вас, сестры, приезжайте в нашу страну и помогите в наших больницах. У нас так мало сестер и так много больных». Или в ратуше Шеффилда: «Мы хотим научиться различным ремеслам, нам нужны учителя — наставники в Священном писании и всевозможных ремеслах: плотники, кузнецы, специалисты по производству различных товаров, каменщики, специалисты по возделыванию кофе...»

Самое главное — в этом состоит пафос книги о визите Каггвы в Британию и, пожалуй, важнейшая ее задача — путешественники понимали, что процветание этой страны — результат упорных трудов и что их согражданам для достижения прогресса необходимо прежде всего трудиться самим: «Машин в Британии много, они распространены по всей стране, но техника развивается именно потому, что англичане так упорно трудятся... Все вы, кто читает эту книгу, не должны лениться, когда они будут учить вас различным ремеслам». Эта мысль особо подчеркивается в заключение книги: «Помните, что мудрость не приходит к ленивым и слабым людям, но лишь к тем, кто упорно трудится и ежедневно обдумывает свой труд» [Mukasa, с. 159].

Все описание Британии сделано под этим углом зрения и в довольно восторженном тоне. Общий настрой книги отражает принадлежность Каггвы и его секретаря к высшим слоям верноподданной колониальной элиты, воспитанным в миссионерском духе. Нашло отражение, например, внушенное Каггве и Мукасе их учителями негативное отношение к немцам — представителям державы—соперницы Великобритании в колониальной схватке за Африку. О некоей леди читаем: «Она хотя и немка, но очень мила. Даже нельзя подумать, что она рождена в Германии, потому что немцы совсем несимпатичны — среди них есть приятные люди, но их трудно найти; большинство из тех, что встречали мы, были грубы».

Когда лорд Розбери спросил Каггву, что больше всего поразило его в Британии, тот ответил: «Количество людей, большие дома, прекрасные дороги, скорость поездов». Но от пытливых взглядов путешественников не укрылось и другое — то, что не все в Англии живут хорошо. Мукаса отмечает, что они видели «дома богатых и бедных, как и у нас». Еще более интересно замечание Мукасы в связи с посещением тюрьмы: «Я подумал о

том, что если бедный мужчина или женщина попадают сюда, то они должны быть довольны всем, что они здесь получают. Единственное, что им может не понравиться, так это называться заключенным». На фоне всего технического великолепия, показанного путешественникам из Уганды, да еще и при их политической ориентации они все же сумели разглядеть, что в Британии есть люди, для которых условия жизни в тюрьме лучше, чем на воле!

При всем доброжелательстве к англичанам у Каггвы и Мукасы проскальзывает и ирония: «Если вы соглашаетесь на все, что они просят вас делать, вы заболаете и умрете скоропостижно; их доброта утомляет прежде, чем вы успеете это заметить, и вы становитесь подобны соломинке, подожженной с обоих концов и моментально сгорающей».

Или, скажем, почти гоголевское описание «двух очень умных дам, выучивших арабский», которые заставили наших путешественников посмеяться от души, сказав, что они хотели бы поехать в Уганду, но боятся львов-людоедов. Эти дамы, пришедшие друг другу сестрами, как пишет Мукаса, «помогли ему понять, что нельзя иметь все сразу: они действительно очень умны, но все же боятся животных, которых не видели ни разу в жизни». И далее: «Они очень милы, и обе — вдовы, их мудрость и духовные радости заменяют им сейчас мужей».

И уж совсем радуется Мукаса, если может найти хоть что-нибудь, в чем баганда превосходит англичан. Так, он пишет о страхе англичан перед огнем, и подчеркивает: «Да, существует многое, чего не могут баганда, но огня баганда не боятся».

Но Каггва и его секретарь твердо верят, что «их внуки будут гораздо мудрее», и призывают в последних строках книги «ежедневно наставлять детей, чтобы они учились всему, чему можно, и, в свою очередь, учили своих детей» [Mukasa, с. 159].

Перед отъездом на родину правительство Великобритании попросило Каггву выбрать себе подарки. Он взял конторку для письма и ружье. Оба путешественника также накупили много вещей домашнего обихода. Но главное, что они вывезли из Англии, — это идеи о необходимости просвещения для своего народа, которое в сочетании с трудом поможет ему достигнуть прогресса. Эти идеи они выразили в книге, которую по праву можно считать плодом их совместного труда.

Эти идеи они проводили в жизнь в дальнейшем — каждый по-своему.

Просветительская деятельность. Мукаса много лет был учителем и написал книгу воспоминаний о Мутесе I. Под конец жизни, в 74-летнем возрасте, он привлек к себе внимание гневным письмом в газету «Уганда Аргус», в котором протестовал против плана перевода знаменитого колледжа Макерере из столицы Буганды Кампалы в Кению. (Этот план, выдвинутый представителем белой общины Кении, так и не был осуществлен.) Каггва раньше всех в Уганде понял важность фиксации на бумаге истории своего народа, существовавшей прежде в устных преданиях и передававшейся из поколения в поколение. Еще в начале 90-х годов, после бурных событий — «христианской революции», «войны Лугарда» и утверждения чужеземного господства в Буганде, — он начал записывать события, участником (а порою и вдохновителем) которых он был. Есть сведения, что уже в 1894 году им была подготовлена брошюра «Энтало за Буганда» («Войны Буганды»). А в 1901 году произошло знаменательное событие в истории Буганды и Уганды в целом: вышла книга Каггвы «Бас-секабака бе Буганда» («Кабаки Буганды») — первая в мире книга об истории Буганды, да еще и написанная самим бугандийцем на родном языке. Это была запись устных исторических преданий баганда в таком виде, как они существовали в народе. А сохранялись они по царствованиям каждого следующего кабаки — так и строится книга Каггвы.

Первая книга Каггвы имела огромный успех. Она была переиздана еще три раза на языке луганда (в 1912, 1927 и 1955 годах), а в 1971 году была издана в английском переводе. Книга Каггвы считается настолько серьезным исследованием, что ее не

оставляет без внимания ни один из ученых, занимающихся историей Уганды. Вслед за этой книгой последовали другие произведения Каггвы на историческую тему: «Экитабо кье Эмписа за Абаганда» («Книга об обычаях и традициях баганда»), 1905 год; «Экитабо Кь'Эбика бя Абаганда» («Книга о кланах баганда»), 1908 год, а также более специальные работы — «Экитабо кья Кика кье Нсенене» («Книга о клане Кузнечик»), 1904 год, и «Энгеро за Баганда» («Басни баганда»), 1902 год. Этот список книг сделал бы честь любому современному ученому, а ведь Каггва оставался все это время крупным политическим деятелем и занятым человеком. Причем вторая из его книг, «Обычаи баганда», была переведена на английский язык уже в 1934 году и считается не менее классической, чем более объемная книга миссионера Дж. Роскоу под тем же названием. (Вкус к сбору информации и написанию книг внушил ему сам Дж. Роскоу.)

У Каггвы действительно пробудилась «исследовательская жилка». В «Обычаях баганда» он, как и в первой своей книге, приводит список и краткое описание деяний всех правителей Буганды и тут же дает датировки, что напрочь отсутствовало в устных преданиях и затрудняло работу с ними историков. Он рассказывает и о том, как сохранялась в Буганде «официальная», придворная история до написания его книг. А было это так: «Члены люкико воспитывались и обучались родителями с детства. Их знакомили с придворным ритуалом, традициями, событиями прошлого, включая имена королей, их жен и т.д. Отец вырезал несколько колышков и давал каждому из них имя какого-либо важного исторического деятеля. Потом в присутствии сыновей он называл имя, представленное каждым колышком, а сыновья должны были рассказать об этих людях. Таким образом история страны сохранялась, не будучи записанной» [Kaggwa, 1934, с. 78].

Интересно, что даже после появления книг Каггвы такой способ передачи исторической информации сохранился, и еще в 60—70-е годы исследователи собирали «полевой материал» — рассказы стариков о событиях дней минувших. Но вот ведь парадокс: благодаря книгам Каггвы устную информацию нельзя было получить в «чистом» виде. Даже если информанты и не читали книг Каггвы, нельзя было быть уверенным, что они не находились под влиянием тех, кто их читал.

Книги Каггвы нашли в Уганде не только читателей, но и последователей, захотевших поспорить с его информацией, или дополнить ее, или написать свои книги. Возможностей к тому становилось все больше: с 1907 года протестантская миссия начала издавать на луганда газету «Мунно», а Белые отцы с 1911 года — газету «Эбифа». Много позже, с 1934 года, появился светский «Угандийский журнал», в котором также публиковались угандийцы, причем не только из Буганды, как первые авторы. Знатные люди из других частей Уганды решили во что бы то ни стало доказать, что их государства имеют не менее древнюю историю, чем Буганда. Таким образом, своими книгами Аполо Каггва открыл целый поток исторических сочинений угандийцев, и не случайно его называют отцом национальной историографии Уганды.

Каггва был не только первым угандийским историком, но и первым угандийским просветителем, понимавшим важность передовых европейских знаний и немало способствовавшим их распространению в Буганде. Дж. Роскоу писал о нем еще и так: «Сэр Аполо Каггва является выдающимся лидером не только в делах религиозных, но также в светской и политической жизни. Он мудрый и преданный проводник всего, что ведет к прогрессу... В последние годы он приобрел печатный станок... С этого станка разошлись написанные сэром Аполо Каггвой на основе полученной им от властей информации или составленные под его руководством брошюры о разведении хлопка, культивации каучука, лечении болезней скота и пр.» (цит. по [Pawlikowa, с. 200—201]).

И уж совершенно неожиданное свидетельство о деятельности Каггвы в области здравоохранения (!) и его характеристику как абсолютного правителя Буганды в начале XX века (1902 год) находим в популярной книге Поля де Крюи «Охотники за

микробами». Один из героев этой книги, английский паразитолог Дейвид Брюс (1855—1931), в поисках возбудителей сонной болезни в начале XX века был заброшен судьбой в Уганду, где провел блестящие исследования, доказавшие значение мухи цеце в распространении этой болезни. И Кагва помог ему в исследованиях и даже в ограничении распространения этой болезни в Буганде.

Брюс, убедившись в том, что возбудителей сонной болезни переносит именно муха цеце (киву, как ее называли в Буганде), решил подтвердить свое открытие широким экспериментом. «Он задумал втянуть в свою работу целую армию сотрудников для постановки одного из самых замечательных и оригинальных опытов в истории охоты за микробами. Он попросил аудиенции у пышного, разукрашенного перьями высокого сановника, властителя Уганды Аполо Кагвы. Он сказал Аполо, что открыл микроба сонной болезни, убившей несколько сот тысяч его подданных. Он сообщил ему также о том, что новые сотни тысяч уже носят в своей крови этого паразита и являются обреченными.

— Но я знаю способ, как предотвратить окончательную гибель, грозящую твоей стране. У меня есть основания думать, что муха цеце — насекомое, которое у вас зовется киву, — переносит ядовитого микроба с больного человека на здорового.

— Но я никак не могу этому поверить, — величественно прервал его Аполо. — Киву от начала веков живет на берегах озера Нианца (Виктория, его называли также Виктория-Ньянза. — А.Б.), между тем как сонная болезнь стала распространяться среди моих подданных только за последние несколько лет.

Но Брюс не стал с ним спорить, он только резко сказал:

— Если ты мне не веришь, я берусь тебе это доказать. Ступай, Аполо Кагва, на Крокодилову косу, которая кишит мухами киву. Сядь на берегу и опусти ноги в воду на пять минут. Не прогоняй от себя мух, и я ручаюсь, что через два года тебя уже не будет в живых!

Эта маленькая хитрость увенчалась успехом.

— Что я должен сделать, полковник Брюс? — спросил Аполо.

— А вот что. Мне нужно окончательно убедиться в том, что я прав, — сказал Брюс, развертывая перед ним большую карту Уганды. — Если я действительно прав, то в той же местности, где есть сонная болезнь, должны оказаться также и мухи цеце. Там, где нет мух цеце, не должно быть и сонной болезни.

Брюс снабдил Аполо сетками, банками для удушения мух и большими пакетами; он дал указания, как нужно организовать все это дело и как убивать мух, не подвергаясь риску быть ужаленным.

— Потом мы нанесем на карту все полученные данные, и ты увидишь, насколько я был прав.

Аполо был довольно неглупый и энергичный человек. Он обещал сделать все, что от него будет зависеть. Затем последовали поклоны и взаимный обмен любезностями.

В тот же день черный премьер-министр позвал своего старшего секретаря Секибобо (один из важных сановников. — А.Б.), и весь полученный от Брюса инвентарь вместе со строгими инструкциями перешел от Секибобо к младшим чиновникам, а от них по нисходящим инстанциям к целой армии лодочников. Все колеса этой совершенной феодальной системы пришли в действие.

И вот со всех концов страны стали поступать к Брюсу пакеты; они сыпались на него, как из рога изобилия... Донесения поступали быстро и отличались идеальной точностью работы, которая велась неграми, а частично любителями-миссионерами. Это был редкий пример широкого научного сотрудничества, который почти невозможно встретить среди белых людей, даже среди медиков... Начиная с энергичного Секибобо до последнего ловца мух, люди Аполо делали свою работу с точностью автоматов. В конце концов красные и черные точки на карте с ясностью доказали, что там, где водилась муха цеце, там была и сонная болезнь, а где цеце не было, там никогда не бывало ни одного случая

сонной болезни!

...Важен один факт: эти мухи живут только на берегу озера! И если они не смогут больше сосать кровь, зараженную сонной болезнью... А разве Аполо не был абсолютным монархом Уганды? И разве он не верил слепо Брюсу и не преклонялся перед ним?..

Брюс снова созвал на конференцию Аполо, Секибобо и всех младших начальников. Он объяснил им ясно и логично, что теперь нужно предпринять.

Аполо отдал приказ, и все черные жители приозерной области со своими женами, детьми и домашним скарбом, покинув жалкие тростниковые хижины на берегу озера, устремились в глубь страны, на новые поселения. Они покидали — на много лет, а может быть, и навсегда — родные тенистые берега, где все они, так же как и их далекие предки, росли, играли, ловили рыбу, торговали и производили потомство. Лодки, нагруженные циновками, глиняной посудой и детишками, одна за другой отплывали от родных островов, и мелодичные чарующие звуки "там-тама" никогда уже больше не разносились над уснувшими водами.

— Ни один из вас, — командовал Аполо, — не должен жить ближе чем в двадцати километрах от озера и никогда не должен к нему подходить. Тогда сонная болезнь окончательно исчезнет, потому что муха киву живет только у воды, и если вас там не будет, то она не найдет ни одного больного, чтобы высосать из него смертельный яд. А когда все наши больные наконец умрут, тогда вы сможете вернуться назад и снова спокойно поселиться у берегов озера на вечные времена.

Движимые более инстинктом самосохранения, чем страхом перед ожидающими их карами в случае неповиновения, жители приозерной полосы оставили обжитые места.

Вся страна близ озера Виктория Нианца быстро заросла буйной тропической растительностью и превратилась в первобытные джунгли... Переселившиеся в глубь страны приозерные племена перестали испытывать на себе ужасы сонной болезни» [Крюи, с. 184—186).

За эту работу Дэйвид Брюс был удостоен ордена Подвязки. Но и Каггва, внесший в нее немалый вклад, не был обойден британскими властями — не конкретно за это, а «по совокупности» заслуг перед британским правительством он был возведен в рыцарское достоинство и официально стал именоваться «сэр Аполо Каггва».

Выразитель интересов бугандийской знати. Кстати, о заслугах Каггвы перед британским правительством. Да, он был, используя более поздний термин, коллаборационистом — сотрудничал с чужеземными завоевателями и способствовал распространению и укреплению их власти в Уганде. Но все же это сотрудничество было неоднозначно. Он пытался прежде всего — и в ходе переговоров о Соглашении 1900 года, и в последующем — отстоять в максимально возможных пределах самостоятельность «туземного» правительства Буганды в рамках британского протектората Уганда. Конечно, для Каггвы это было связано с расширением его собственной власти, но не только, И, надо отдать ему справедливость, в этом он преуспел. Вся его политическая карьера после 1900 года может служить тому подтверждением.

В своей активной переписке с «белыми» властями протектората (а над Каггвой стояли только два белых чиновника — комиссар провинции Буганда и губернатор протектората Уганда) он выдвигает различные предложения, направленные на усиление позиций своих сторонников. Например, предлагает создать в Буганде Совет батака и включить в него баганда, имеющих не меньше десяти квадратных миль земли. Для чего это было нужно? Каггва, как и два других регента, подписавших письмо, выражали интересы нового социального слоя Буганды — крупных землевладельцев колониально-феодалного типа. Того самого, который они сами создали в ходе раздачи земель «тысяче вождей» по Соглашению 1900 года. Не все получившие тогда частные земли заняли должности колониальных вождей. Каггва хотел придать официальный статус вождей крупным землевладельцам и контролировать их деятельность: вряд ли приходится сомневаться в том, что президентом этого нового органа был бы избран именно он.

Идея создания такого совета преследовала еще одну социальную цель. Не случайно его предлагалось назвать «Совет батака». Батака в Буганде назывались родовые старейшины, которые еще в доколониальные времена были оттеснены от политической власти за счет служилой аристократии — бами. К концу XIX века в результате передачи земель в кормление служилой аристократии батака превратились в хранителей родовых захоронений. Таким образом, они были естественными социальными врагами бами, к которым принадлежал Каггва и его окружение, поэтому и при раздаче земель по Соглашению 1900 года батака почти ничего не получили. Предлагая создание Совета батака из колониальных вождей, Каггва и его окружение хотели присвоить себе еще и статус родовых старейшин.

Недовольство батака вылилось в движение протеста, особенно широко развернувшееся в Буганде в 20-х годах после создания в 1921 году Ассоциации батака, требовавшей перераспределения земель. Батака поддерживали крестьяне (бакопи), страдавшие от двойного гнета — белых колонизаторов и собственных землевладельцев. Колониальные власти отказались выполнить это требование лидеров батака. Немудрено, что союзником «белой» администрации решительно выступил Аполо Каггва. В ответ на создание Ассоциации (позже — Федерации) батака Каггвой была даже создана «организация противовеса». Так Каггва защищал интересы своего социального слоя, складывающегося в Буганде при поддержке британских властей и выступавшего проводником их политики: колониальных вождей-землевладельцев.

Как катикиро и главный регент, Каггва стремился к тому, чтобы все вопросы внутренней жизни Буганды решались через ее «туземное» правительство. Правда, регентство при кабаке Дауди Чва окончилось в 1914 году, когда он достиг совершеннолетия и был коронован. Но у Каггвы оставался еще один рычаг власти — он был членом синода англиканской церкви. Во всех делах, касающихся религии, он использовал свое влияние в синоде. Так, при его участии в 1910 году синод принял решение, запрещающее вождям и их аппарату работать по воскресеньям. Через синод и люкико Каггва проводил и мероприятия по борьбе с пьянством. Несмотря на протесты администрации, он сумел заставить некоторых строптивых вождей выплачивать деньги на содержание Королевского колледжа Будо — одного из первых средних специальных учебных заведений в Буганде, созданного под эгидой протестантской миссии и существовавшего на церковные деньги.

Сам Каггва не был таким уж строгим христианином. Его деятельность в синоде и вообще отношение к христианству с самого начала объяснялись политическими мотивами, что было характерно для первых христиан в Буганде. (Но это не означает, что среди них не было фанатиков. Пример тому — современник, соотечественник и тезка Каггвы Аполо Кивебулайя, выходец из Буганды, более двух десятилетий занимавшийся миссионерской деятельностью среди пигмеев лесов соседнего Бельгийского Конго. На свои средства он построил там церковь и учил пигмеев грамоте, неоднократно рискуя жизнью.)

Для Каггвы, как и для большинства христиан его поколения в Буганде, главным было скорее светское содержание миссионерской деятельности, прежде всего распространение грамотности и европейского образования. В повседневной жизни христианские догматы спокойно уживались в нем с языческими представлениями. Так, например, в ответ на обвинения баганда-христиан в многоженстве Каггва изрек: «Не вижу, почему против христианина, который берет жену по местным обычаям, будучи уже женатым в соответствии с христианской религией, должны быть приняты меры. Если меры хочет предпринять жена, это ее дело, но ничье больше».

Для укрепления положения колониальных вождей в Буганде Каггва сделал еще один важный шаг. Поскольку для рядовых баганда любая власть должна была исходить от кабаки, в том числе власть Каггвы как регента при кабаке, с 1900 года по его инициативе в церквях стал праздноваться день восшествия Дауди Чва на престол. Но для баганда власть

и Дауди Чва, и Каггвы как регента при нем была сомнительной, поскольку был еще жив их законный кабака Мванга. Они не поверили в его смерть на Сейшельских островах в 1903 году. В конце концов в 1910 году было решено перенести тело кабаки в Буганду. Вместе с миссионерами Каггва активно участвовал в перезахоронении Мванги.

Не прочь был Каггва выйти и на международную арену, хотя соглашение 1900 года оставляло решение всех международных вопросов за британской администрацией Уганды. Мы помним, как умело он использовал свой визит в Британию в 1902 году. Он с удовольствием встречался и переписывался с иностранцами, посещавшими Буганду. Так, например, когда в декабре 1919 года туда прибыл соратник Махатмы Ганди преподобный К.Ф. Эндриус, Каггва не ограничился встречей с ним в люкико, а послал ему меморандум следующего содержания: «Касательно нашей встречи с Вами в нашем туземном парламенте мы желаем письменно подтвердить наше мнение по двум вопросам, которые возникли во время беседы, а именно:

Мы хотим, чтобы индийцы оставались в нашей стране, поскольку считаем, что их пребывание здесь будет способствовать процветанию нашей страны, принесет добро и не причинит вреда нашей стране. Конечно, мы хотели бы, что это были наиболее достойные индийцы.

Мы не хотим, чтобы нашу страну объединили с каким-либо другим протекторатом, поскольку считаем, что если это произойдет, то серьезным образом будут затронуты Угандийское соглашение 1900 года и наши обычаи. У нас есть и другие возражения. Мы хотим, чтобы этот Протекторат оставался таким, каков он есть сейчас.

Благодарим Вас за визит к нам и в наш туземный парламент и желаем Вам приятного путешествия.

Сэр Аполо Каггва, катикиро Буганды. 22 декабря 1919 года» [Low, с. 51—52].

Меморандум этот знаменателен не только как образчик «международной» переписки Каггвы. В нем прозорливо затронуты две большие проблемы: попытки объединения трех британских восточноафриканских территорий, с которыми последователям Каггвы придется вести борьбу на протяжении нескольких десятилетий, начиная с конца 20-х годов, и вопрос о роли индийской общины в Уганде, ставший одним из поворотных пунктов в карьере еще одного персонажа этой книги — Иди Амина.

В своих наиболее важных письмах британским властям Каггва пытался отстоять собственные прерогативы и одновременно прерогативы «туземной» администрации Буганды. Так, незадолго до совершеннолетия кабаки Дауди Чва, 26 февраля 1914 года Каггва вместе с другим регентом, Закарией Кизито, пишет письмо комиссару провинции Буганда, в котором жалуется: «В настоящее время, однако, некоторые вожди саза с неуважением относятся к люкико и считают, что они непосредственно подчиняются чиновнику дистрикта... Некоторые из них даже начали посылать отчеты из своих саза к комиссарам дистриктов, не ставя в известность люкико... В заключение мы хотели бы добавить, что вопрос о полномочиях люкико следует тщательно рассмотреть и решить прежде, чем Его Высочество Кабака достигнет совершеннолетия, поскольку очевидно, что в противном случае ему будет трудно управлять страной... По административным вопросам вождь саза должен подчиняться непосредственно Кабаке через люкико, кроме сбора налогов. Комиссары дистриктов должны, насколько возможно, осудить невнимание к люкико со стороны вождей саза и, посылая письма вождям саза, присылать копию в люкико для его информации...» [Low, с. 46—47].

Эти требования были удовлетворены комиссаром провинции Буганды Ф. Кноулсом. Но так случалось далеко не всегда. Каггва в конце концов и пострадал из-за своего властолюбия, которое стало неудобным для британских властей.

Отставка «по состоянию здоровья». Как много все-таки зависит от человека, занимающего ту или иную должность! Не думаю, что властолюбие Каггвы всегда нравилось и комиссару Кноулсу. Но они неплохо ладили между собой. А вот с новым комиссаром, Постлетвейтом, Каггва общего языка найти не сумел. Между ними разго-

релся затяжной конфликт, начавшийся в середине 1925 года из-за того, что один из нижестоящих вождей вошел в контакт с Постлетвейтом, минуя Каггву. 30 ноября того же года Каггва, не сумевший решить этот вопрос с Постлетвейтом, направил жалобу на него губернатору. В ответ 19 января 1926 года губернатор написал письмо Пост-летвейту, в котором признал жалобу Каггвы необоснованной. Тогда Каггва 14 февраля пишет новое письмо губернатору, в котором называет его действия «оскорбительными для себя и своего положения». Губернатор 25 февраля 1926 года пишет письмо кабаке, в котором осуждает тон письма Каггвы, а 1 марта в своей резиденции в Энтеббе в присутствии кабаки, двух других министров Буганды и Постлетвейта повторяет это Каггве в лицо. Каггву обвиняют в неуважении к властям, нелояльности и неподчинении. И все это в присутствии его обидчика Постлетвейта, молодого кабаки, от имени которого он так долго правил «туземными» делами Буганды, и двух других министров. Более того, ему не дают оправдаться и прогоняют вон из зала. А позже предлагают уйти в отставку.

В отчаянии Каггва пишет 30 марта 1926 года петицию на имя лорда Эмери, британского министра колоний, в которой излагает все перипетии своих раздоров с «белой» администрацией Уганды, подчеркивает, что на него оказывают давление, требуя, чтобы он ушел в «почетную» отставку «по состоянию здоровья». Он пишет, что не хочет уходить в отставку под таким предлогом и что он оскорблен еще и тем, что вопрос этот обсуждался в его отсутствие 28 октября 1925 года Постлетвейтом, кабакой и двумя другими министрами, а его продержали за закрытыми дверями. Каггва дает такую оценку своей деятельности: «Я был главным действующим лицом в приглашении англичан и установлении британской администрации в нашей стране. Лучшую часть своей жизни я пожертвовал на благо своего народа, а также на благо и в интересах безопасности европейцев, особенно англичан, находившихся в стране в бурные времена гражданских войн и религиозных распрей при все еще неясном положении страны в то время, более того, являясь главным вождем Его Светлости Кабаки в туземном правительстве Королевства Буганда и его главным советником, занимая пост главного регента на протяжении восемнадцати лет, я естественным образом рассчитывал, что Правительство Его Величества будет иметь ко мне особый подход, учитывая длительность моей службы в Правительстве протектората в качестве катикиро Королевства Буганда, в должности, которую я занимаю с 1889 года, на протяжении тридцати семи лет» [Low, с. 73].

Однако Каггва не сумел ничего добиться этим «демаршем», он все-таки был отправлен в отставку, и именно «по состоянию здоровья», в том же, 1926 году. А на следующий год он умер в возрасте 62 лет, будучи, по местным понятиям, глубоким стариком. Видимо, эта кипучая натура не смогла жить не у дел и очень переживала свою отставку.

Но исторические заслуги Каггвы вовсе не в том, что он так эмоционально перечислил в письме лорду Эмери. Они — в его книгах, в его просветительской деятельности, в его стремлении объяснить своим соотечественникам чуждый им мир. Что же касается сотрудничества с англичанами, то, может быть, не будь его, колониальный режим в Уганде был бы еще более жестким? А может быть, в таком случае не вырос бы в Буганде слой крупных феодалов, да и слой бюрократии, умело владеющей не только английским языком, но и всеми премудростями бюрократической деятельности? Фигура Каггвы была далеко не однозначной, но во многом типичной для целого поколения африканцев, переживших установление в своих странах чужеземного господства.

«КОРОЛЬ ФРЕДДИ»

Мутеса II

Как, в сущности, коротка была эпоха британского колониализма в Уганде! Мутеса II был внуком Мванги, правление которого началось еще до британской колонизации, и в то же время последним кабакой Буганды, смещенным уже в период независимости, в 1966 году. И если, прослеживая жизнь Мванги и его современника Каггвы, мы могли видеть, как Буганда «вращалась» в колониализм, то биографический очерк о Мутесе II поможет составить представление о том, как это «королевство», а вместе с ним и вся Уганда, из колониализма выростала и превращалась в независимое государство, а потом и в республику, которой остается поныне.

Обучение и воспитание принца. Мутеса II родился в Кампале 19 ноября 1924 года. Кампала — тоже порождение колониализма: сначала это был форт, выстроенный еще при Лугарде неподалеку от Менго — столицы Мванги. Постепенно город разросся, поглотив Менго, но четко делился на две части — европейскую, то есть собственно Кампалу, и Кибугу — африканский город, центром которого был холм Менго, где располагался дворец кабаки. На холме Менго еще при отце Мутесы II, кабаке Даудь Чва, вырос новый дворец — это уже была не постройка из дерева и пальмовых листьев, а настоящий богатый дом в колониальном стиле.

Но Мутеса впервые увидел свет не в нем, а в доме миссионера и врача Альберта Кука, где его мать произвела на свет очередного сына Дауди Чва. Царствовавший кабака имел многих детей от бесчисленного количества жен, что не мешало ему, по утверждению Мутесы, знать, сколько у него детей и как кого зовут; правда, запомнить возраст детей было уже свыше его сил.

Маленький принц, нареченный при крещении Эдуард Вильям Дейвид Фредерик, во дворце проводил мало времени. Будучи школьником, на каникулы он чаще отправлялся к кому-нибудь из вождей, появляясь во дворце лишь для того, чтобы преклонить колени перед отцом, в присутствии которого даже «принцам» нельзя было сидеть без особого разрешения.

В возрасте пяти лет принца отправили в самое привилегированное учебное заведение Уганды — Королевский колледж Будо, основанный в 1906 году протестантскими миссионерами на том самом холме Будо, где с давних времен происходила церемония коронации кабаки. Колледж этот давал неполное среднее образование.

Ученики колледжа были детьми высших вождей Буганды. Ко времени поступления принца в колледж их там насчитывалось 362, из них 12 девочек. Они жили в домах, каждому из которых было дано название по имени одной из стран Британского содружества — Британия, Канада, Южная Африка и пр. Но поскольку Эдуард Фредерик был не обычным учеником, а сыном кабаки (хотя еще не было известно, что именно он через десять лет станет новым кабакой), он жил в семье ирландцев-воспитателей и только в старших классах переехал в дом, называющийся Канада и украшенный резным деревянным кленовым листом.

В Будо принц изучал английский, Священное писание, историю (конечно же, в основном историю Англии) и математику. Будущий кабака не был хорошим учеником, особенно трудно ему давалась математика. Зато он, как и все другие мальчики, много и охотно играл в травяной хоккей, теннис, крикет и футбол, с удовольствием плавал. Он входил в сборные команды колледжа по теннису, крикету и футболу. Интересно, что в англоязычном Будо в футбол играли в «зимние», а в крикет — в «летние» месяцы. И это в Кампале-то, близ экватора! Тогда же вместе с другими мальчиками принц вкусил и «запретный плод» — начал покуривать и пробовать спиртное.

Когда Эдуарду Фредерику исполнилось тринадцать лет, для него был выписан из Англии особый учитель. Для учителя в Будо был построен дом из красного кирпича. Туда же переехал и молодой принц. Учитель пытался пристрастить его к чтению Теккерея, но ученик больше запомнил другие уроки — тайные: по секрету от своего наставника учился водить его автомобиль. Четыре года спустя Эдуард Фредерик получил права, полисмен настолько заинтересовался его новеньким двухцветным «шевроле», что практически не

проверял его, предложив лишь немного проехаться по прямой.

Каникулы Эдуард Фредерик часто проводил у Станисла-са Мугваньи — одного из регентов времен малолетства его отца. Здесь принц, получивший протестантское воспитание, знакомился с жизнью баганда-католиков. Он любил бывать у Мугваньи, где обычно в каникулы набиралось детей на две футбольные команды: это было лучше, чем жить во дворце, где надо было вести себя чинно.

Пятнадцатилетний кабака. 22 ноября 1930 года безмятежная жизнь принца закончилась: в этот день катикиро М.Л. Нсибирва объявил о смерти кабаки Дауди Чва. Три министра «туземного» правительства Буганды должны были выбрать нового кабаку и остановили свой выбор на юном Фредерике. Но кабакой он мог стать лишь после одобрения губернатора, которое и последовало. За три дня до этого новому кабаке исполнилось 15 лет, и поэтому, как когда-то при его малолетнем отце, были назначены три регента. Их функции, как и прежде, выполняли министры.

Церемония вступления на престол нового кабаки была упрощена. Знаки власти ему вручали, поставив, а не посадив его на трон. Его одели в два куска луба, леопардовую шкуру, дали щит и стрелы. Он ударил в королевский барабан. Щелкали фотокамеры, представители бугандийской знати подносили подарки, поднес свой подарок и глава британской администрации провинции Буганда — это была американская винтовка «ремингтон».

После изнурительной двухдневной церемонии юноша вернулся в Будо. Теперь уже он назывался кабака Эдуард Фредерик Мутеса II. После отъезда его учителя в 1940 году на войну кабаку поселили в доме директора колледжа лорда Хеммингфорда. Директор заметил, что английский язык кабаки засорен сленгом, и посоветовал Мутесе им усердно заняться. Вряд ли кабака последовал этому совету, но экзамен по английскому за тот семестр с трудом все-таки сдал. Надо сказать, что по-английски он говорил все-таки лучше, чем на языке своих предков — луганда. Удивляться здесь нечему, поскольку с раннего детства он получил английское воспитание.

Политикой он в то время практически не интересовался, отдав все дела в руки регентов. Тем не менее бывали церемонии, на которых его присутствие было обязательным. Кабака же предпочитал приемы, которые продолжались до утра.

Но в 1941 году возникла проблема, потребовавшая личного вмешательства Мутесы. Намасоле, не желавшая соблюдать традиции, решила совершить неслыханную вещь — вторично выйти замуж, да еще за человека из неаристократического рода. Это намерение расценивалось стариками как позорное. Тем не менее катикиро Нсибирва дал свое согласие на этот брак, хотя весь люкико воспротивился ему. Окончательное слово оставалось за Му-тесой, и кабака разрешил матери вторичное замужество — вполне в духе английских традиций. Катикиро Нсибирве тем не менее это решение стоило отставки, в которую он был отправлен в том же, 1941 году.

Прошел еще год, и Мутеса достиг совершеннолетия. Теперь он мог пройти церемонию коронации, для чего ему пришлось снова вернуться в Будо, которое он незадолго перед тем покинул, окончив колледж.

От пышной церемонии коронации, которая была устроена деду Мутесы II, чье славное имя он получил, осталось не так уж много. Было восхождение на холм, ритуальное сражение с хранителем фетишей, процедура «поедания Буганды», но все это было переплетено с христианскими обрядами — до поездки в Будо состоялось богослужение в протестантском соборе в Кампале, после «поедания Буганды» — новое богослужение в церкви при колледже Будо, после одевания (одежды по воле самого кабаки были обильно расшиты золотом и тяжелы) — возложение на голову короны, проведенное епископом Стюартом, в той же церкви при колледже Будо. Ночевал кабака не на холме Будо, как это было принято, а вернулся в Менго. В ходе процедуры была избрана лубуга — самая старшая из сестер кабаки, сводная, поскольку родных братьев и сестер у него не было. Ее звали Алиса, она

была старше Мутесы на десять лет и оказывала влияние на своего царственного брата. По поводу переплетения традиционной и христианской процедур в коронации удачно съязвил наш старый знакомый Хам Мукаса, один из столпов протестантской церкви в Буганде. Он сказал, что у кабаки не должно быть сводных братьев — в настоящей языческой семье по традиции братьев к моменту коронации убили бы, а в подлинно христианской — они не родились бы вообще из-за запрета на многоженство.

Кабака-студент. Став кабакой, Мутеса сразу же становится студентом колледжа Макерере (в будущем — университета) и три дня в неделю проводит во дворце в Менго, а другие три — в колледже на окраине Кам-палы. Он живет в доме директора колледжа и счастлив тем, что ему не надо больше изучать математику — его всегдашний камень преткновения в Будо. Предполагалось, что кабака будет изучать медицину, ветеринарию и сельское хозяйство, но он отдавал предпочтение истории. В основном же он по-прежнему играл в футбол, крикет и теннис и даже был выбран в сборную Уганды, но министры решили, что это ему не по рангу. И даже то небольшое время, которое он проводил в аудиториях, иногда заканчивалось быстрее, чем звенел звонок. Однажды, например, принесли известие, что лев, живший во дворце, съел человека и пристрелить его должен был именно кабака. Лев был практически ручной, свободно гулял по двору в сопровождении своего дрессировщика, но кто-то, испугавшись, побежал от него, и тут-то львиное сердце не выдержало и скомандовало погоню.

В общем, кабака продолжал жить в свое удовольствие. А где-то шла вторая мировая война, которая незначительно коснулась Уганды: солдаты-угандийцы воевали за морями, произошло нормирование продуктов, не коснувшееся, надо думать, дворца. А когда требовалось решение кабаки, например о том, куда дальше вести железную дорогу из Кампалы (она пришла туда в 1931 году), — вопрос, по которому в люкико не пришли к согласию, — кабаку привезли в люкико прямо с футбольного поля, и, потный и разгоряченный, он должен был высказывать свое мнение.

А обстановка в Буганде постепенно накалялась. В январе 1945 года в провинции вспыхнули волнения: демократические круги требовали выборности части членов люкико, впервые бастовали рабочие — требовали улучшения условий труда, волновалось крестьянство, выступавшее за повышение закупочных цен на хлопок и другие продукты сельского хозяйства. Общим требованием стала отставка министра финансов Кулубьи. От «туземного» правительства Буганды потребовались твердые решения. Но от имени кабаки с забастовщиками говорила лубуга Алиса, которую он послал вместо себя. Тем не менее самому кабаке все же пришлось и лично участвовать в событиях — прервать охоту, вернуться в Менго и провести переговоры с недовольными. Более того, произнести тронную речь в люкико, призывающую их к порядку, а словам, произнесенным с трона, в Буганде привыкли подчиняться. В конце концов колониальные власти удовлетворили часть требований недовольных — была введена выборность 31 из 89 членов люкико, С. Кулубья подал в отставку. При этом, правда, было решено взамен снова сделать катикиро ненавистного народу Нсибирву, который боялся и не хотел возвращаться на свой пост. Вскоре Нсибирва был убит у собора Намирем-бе, куда отправлялся к заутрене регулярно в семь утра, И катикиро стал Майкл Кагва, сын Аполо Кагвы, — он только что вышел в отставку из армии и готовился занять место Кулубьи, однако судьба распорядилась иначе.

В тот год окончилась вторая мировая война, и кабака отправился продолжать свое образование в Кембридж. 24 сентября 1945 года «летающая лодка» увезла молодого кабаку в Хартум. Назавтра — новый полет в Каир, первый большой город, увиденный Мутесой, и затем — Лондон. После короткой экскурсии и посещения театра — Кембридж, где кабака прожил три года. В колледже его окружала самая разная публика, но из Уганды он был, естественно, единственным, более того, единственным африканцем в колледже Святой Магдалины.

Из всех занятий предпочтение, как и прежде, кабака отдавал спортивным играм. Он играл в футбол, занимался стрельбой и боксом. Тогда же почувствовал вкус к антиквариату — его первыми покупками были бронзовые бюсты королевы Елизаветы и Марии Стюарт. Он становится завсегдатаем привилегированных клубов, и его однокашники впервые начинают звать его Фредди — впоследствии он и войдет в историю как «король Фредди». Его комнату убирала пожилая англичанка, но, кроме того, из Буганды к нему был прислан один из вождей, Кьязе, которого кабака научил носить европейский костюм и завязывать галстук.

«Король Фредди» и в Кембридже не отличался большим энтузиазмом к учебе, несмотря на то что одним из его учителей был известный историк-африканист Р. Оливер. Тогда же появились его первые интервью в английских газетах под различными сенсационными заголовками, например: «Кабака получает ученую степень и трон», «Африканский властитель считает полигамию слишком дорогостоящей». Его часто называли «бархатноголосым», имея в виду то, что он говорит по-английски мягко и, по правде говоря, не совсем внятно.

В годы учебы в Кембридже кабака стал носить военную форму, сразу же по прибытии туда начал проходить курс офицерской подготовки. Форму он любил и часто в ней фотографировался.

На каникулах он вел светскую жизнь — ездил в Испанию, которая ему очень понравилась, или гостил в британских аристократических семьях. Например, у герцогов Гамильтонских, чей малолетний сын, получив запрет упоминать о цвете кожи гостя, сказал как-то своей матери: «Мамочка, Фредди скорее черный, но его зубы ужасно белые!» Гостил он и в Ирландии у миссионеров Шофилдов, живших когда-то в Уганде. Там он увидел замок Стормонт, по образцу которого хотел построить новое здание для люкико Буганды. Так и случилось позднее.

Свои последние каникулы кабака провел дома, в Уганде. Тут его взяли в оборот британские чиновники, решившие, что ему пора жениться. Это считалось столь важным государственным вопросом, что глава британской администрации в Буганде у себя в кабинете на доске написал слово «жена», правда по-гречески. Фредди в то время был увлечен Сарой Кисосонколе, которую знал еще в Макерере, но вскоре они поссорились, и он был официально обручен с ее сестрой Дамали. Дамали он знал еще девочкой, когда они оба учились в Будо, и как-то на ее глазах сверзился с велосипеда — так бесславно закончилась его попытка побравировать своим умением кататься. Интересно, что Дамали принадлежала к клану Нкима, тому самому, на женщинах которого, согласно древнему предрассудку баганда, кабакам жениться не рекомендовалось, поскольку грозило быстрой смертью. Мутеса, однако, посмеялся, когда ему напомнили об этом. Тем не менее он умер в возрасте 45 лет. Но теперь его официальная невеста была также отправлена в Англию, в Шерборн, чтобы «набраться хороших манер», а Фредди уехал заканчивать свое образование в Кембридже. Они виделись в тот год всего два раза.

В июне 1948 года он окончил курс в Кембридже, пройдя за третий год обучения курс основ колониальной администрации. После этого он получил звание капитана британской гвардии — по личному указанию короля Георга VI, принявшего его в Букингемском дворце и вспомнившего о своем визите в Уганду, когда он еще был герцогом Йоркским.

Получив чин досрочно, Фредди продолжал армейскую службу. Участвовал в парадах, разъезжал на своем автомобиле по округе, привилегированным клубам.

Снова в Уганде. 8 октября 1948, года он вернулся в Уганду. Путь из аэропорта в Энтеббе до Менго был украшен банановыми листьями и приветственными надписями. Прибы в Менго, кабака сразу посещает собор Намирембе, а затем идет в люкико, где принимает отставку трех своих регентов. Отныне он в двадцать четыре года формально становится полноправным кабакой «туземного правительства Королевства Буганда». Затем предстояла, пышная свадьба, туалет невесты стоил 110 фунтов стерлингов. За свадебным столом присутствовал губернатор протектората, произнесший

соответствующую речь. Собралось много народу, машина с молодыми с трудом пробиралась сквозь толпу. Венчание, конечно, церковное, по протестантскому обряду, поскольку и жених и невеста — протестанты. Бывшая возлюбленная Фредди, сестра невесты Сара, была на свадьбе подружкой и пыталась сохранять веселый вид.

После короткого медового месяца Фредди — нет, кабака Мутеса II — вернулся в Менго и поселился в малом дворце. Здесь он жил и принимал посетителей, хотя официальный приемный зал находился в большом дворце. Напитки подавались в неограниченном количестве. Распорядок дня во дворце был диаметрально противоположным тому, что соблюдался при его прадеде Мутесе I: кабака вставал в десять утра и ложился в два-три часа ночи. Обслуга дворца составляла около 300 человек, тем не менее соблюдались определенные традиции ее набора — часть должностей при дворе сохранялась, как в старину, за определенными кланами. У каждой двери дворца стояли телохранители, одетые в коричневые куртки и шорты, на головах — красные фески, сменявшиеся в парадных случаях на белые тюрбаны с красным плюмажем. Сам кабака носил европейское платье, которое ему присылалось из Лондона, где у портного сохранились его мерки.

Мутеса много ездил по стране на автомобиле — посещал школы, больницы. Там он «инспектировал» по шпаргалкам, полученным от соответствующего министра. «Инспектируя» тюрьмы, он мог освободить кого-нибудь из заключенных, поскольку, как кабака, обладал правом верховного судьи в Буганде. Но любимым его занятием, которому он посвящал много времени, были сафари — это суахилийское слово, обозначающее первоначально любое путешествие, вошло теперь в международный словарь в значении «поездка на охоту» (обычно применительно к Восточной Африке). Кабака любил охотиться, сафари его продолжались до нескольких недель. Особенно он любил охоту на слонов и собирал бивни, которых у него в конце концов (не только в результате охоты) скопилось более сотни — целое состояние.

В государственных делах его роль часто сводилась к тому, чтобы убедить люкико принять рекомендации губернатора Дж. Холла — губернатор с ним сблизился, они часто играли в теннис.

Но иногда он был вынужден занять определенную позицию по какому-либо вопросу и всерьез участвовать в политических делах. Так случилось весной 1949 года, когда в Уганде вновь вспыхнули волнения, и вновь центром их стала Буганда — ядро формирования политических партий. Первая из них, Партия батака, была организована в 1946 году. Весной 1949 года она возглавила выступления народных масс, требовавших, в частности, выборности 60 членов люкико и права самим обрабатывать хлопок, сбыт и обработка которого были монополизированы колониальными властями. На улицах возникали стычки, Камлала пришла в волнение. Поскольку люкико отказывался удовлетворить требования протестующих, их последним шансом стал кабака. Толпа в несколько тысяч человек двинулась ко дворцу. Кабака понял, что избежать разговора не удастся, но заявил, что примет не всех, а только восемь человек. Началась торговля — послали двенадцать, кабака сказал, что будет разговаривать с восьмерыми. Послали десять, кабака принял восьмерых. Он защищал интересы крупных землевладельцев — бугандийских аристократов — и потому не удовлетворил, да и не хотел удовлетворить требований батака, тем более что речь шла о демократизации жизни Буганды, к чему он никак не был склонен. Сохранилась стенограмма его беседы с представителями Партии батака. Вот выдержки из нее:

«Его Высочество: Я внимательно выслушал ваши аргументы.

Скажите мне, кто из вас одобряет Соглашение 1900 года?

Ответ: Мы все одобряем.

Его Высочество: Ваши первые три вопроса касаются Соглашения 1900 года. В своей последней речи в люкико я разъяснил вопрос о количестве неофициальных (выборных, которые не входят в люкико по должности, занимаемой в "туземной" администрации.

— А.Б.) представителей. Ответ: Неофициальные представители нам этого не передали, иначе мы не пришли бы сюда сегодня.

Его Высочество: Представителей выбираете Вы. Вы и должны спрашивать их о подобных вещах...

Ответ: Люди пришли сюда и хотят знать, какой ответ Вы нам дадите. Мы сможем передать им его прямо сейчас. Его Высочество: Вы что, хотите, чтобы я дал Вам ответ прямо сейчас? Нет, по вопросам сельского хозяйства я сначала спрошу мнение у моих советников... Идите и скажите вашим людям, чтобы они разошлись по домам» [Low, с. 139—141].

Таким образом, кабака избежал прямых ответов, сославшись на Соглашение 1900 года. Требования восставших не были удовлетворены, если не считать того, что вскоре были назначены новые министры, в частности вместо М. Кавальи Каггвы — Пауло Кавума — человек, который в своих мемуарах сам писал, что люди звали его «Музунгу» (англичанином) за его лояльность колониальным властям.

События 1949 года уменьшили симпатии баганда к своему кабаке и их веру в него как в опору и защитника народа. К этому прибавилась скандальная история. В своих мемуарах сам Мутеса пишет о том, что считает свой брак «ошибкой», и о том, что «епископ Стюарт всячески пытался напомнить ему о христианском понимании брака». В действительности один из «прогрессистов», Э. Мулира, выдвинул против кабаки обвинение в прелюбодеянии с его женой Кате и послал дело в Верховный суд Буганды. и результате любовная интрижка, которой покровительствовала лубуга Алиса, получила широкую огласку. Кати-киро пришлось немало потрудиться, чтобы заставить Мулиру забрать жалобу. С помощью родителей Кате, которые тоже хотели замять скандал, они пришли к соглашению, что Мулира заберет дело из суда, а Кате переедет в дом своих родителей, где получит полугодовое содержание на себя и ребенка от кабаки, а потом и средства на поездку в Англию, куда она сразу же уедет. Кабака не выполнил это соглашение, поскольку Мулира под давлением забрал жалобу. Но многие баганда были «расстроены поведением Его Высочества и брюзжали, что он недостоин быть кабаком».

Бугандийский кризис. 17 января 1952 года в Уганду прибыл новый губернатор — сэр Э. Когэн. Официально кабака встретился с ним 23 апреля и в своей речи подтвердил приверженность Буганды британскому трону. Со своей стороны, Когэн подтвердил, что не будет проводить линию на федерацию трех британских восточноафриканских территорий — Кении, Уганды и Танганьики, чего в «королевствах» Уганды особенно боялись, опасаясь за судьбу соглашений и привилегий аристократии. Но у нового губернатора был другой план, который не понравился кабаке и его окружению, — он хотел создать унитарный протекторат с единым законодательным советом (такой совет существовал в Уганде с 1921 года, но на правах совещательного органа, а в Буганде и других «королевствах» все внутренние вопросы решались «туземными» правительствами). Отношения с новым губернатором у кабаки испортились быстро.

Этому способствовала работа специальной британской комиссии, которая рекомендовала увеличить число выборных членов люкико до 60 человек и расширить функции законодательного совета Уганды. Все это было и осуществлено в марте 1953 года, что не могло не задеть аристократию Буганды, и в частности самого кабаку. А тут еще министр колоний О. Литтлтон заявил о необходимости федерации трех восточноафриканских территорий. Это заявление, появившееся также в восточноафриканской газете «Ист Африкен стандарт», явилось началом бугандийского кризиса 1953—1955 годов.

Главным действующим лицом кризиса стал кабака Мутеса II. Почему же он, до сих пор старавшийся все важные решения переложить на своих министров, начал действовать сам, да еще так активно, что в конце концов был сослан в Англию? Да потому, что в случае осуществления этого плана возникала угроза самому существованию «туземных

правительств королевств» Уганды, и в том числе положению кабаки.

Поэтому Мутеса II сразу же включился в борьбу. Вслед за письмом-протестом люкико губернатору кабака сам посетил его и заявил, что обратится к министру колоний, к чему губернатор отнесся весьма скептически. «Пожалуйста, если считаете, что вы чего-то добьетесь», — ответил он кабаке. Тогда Мутеса составил письмо Литтлону, копия которого была переслана губернатору Когэну, в котором, в частности, подчеркивалось, что Буганда никогда не была колонией. «Как хорошо известно... Королевство Буганда является государством, находящимся под протекторатом Правительства Ее Величества, вышеназванные соглашения были ратифицированы Форин офис, в юрисдикции которого дела Уганды находились с тех пор, поскольку с самого начала было ясно, что Уганда не может рассматриваться как колония. Но в 1902 году по причинам, непонятным народам Уганды, ее дела были переданы Министерству колоний», — говорилось в этом письме. Здесь же выдвигалось требование вновь передать угандийские дела в юрисдикцию Форин офис, поскольку Буганда является «договорным государством» (имеется в виду Соглашение 1900 года. — А. Б.). Более того, в письме содержалась просьба «подготовить и осуществить план, направленный на достижение нами независимости, по возможности установить для этого короткий срок» [Low, с. 164—166].

Чтобы урегулировать этот вопрос, Литтлон предложил приехать в Уганду, однако Когэн был с этим не согласен. Последовала целая серия переговоров между губернатором и кабакой, вылившаяся затем в открытую борьбу. Кабака распорядился не назначать представителей от Буганды в законодательный совет. Позиция аристократии баганда стала еще более воинствующей. Кабака выступил в союзе с тремя другими «королями» за пересмотр отношений «королевств» с центральным правительством Уганды. В конце концов Когэн сам вылетел в Лондон и 27 октября привез ответ британского правительства, в котором отмечается необходимость создания унитарной Уганды и отвергаются все требования кабаки и люкико. Губернатор настаивал, чтобы кабака зачитал в люкико их совместное заявление, в котором Мутеса снял бы все свои требования. Кабака отказывался. В результате дело дошло до того, что губернатор сказал кабаке: «Если не согласитесь, Вам придется уехать». На что Мутеса ответил: «Если кому и придется уехать, так это наверняка Вам».

27 ноября последовал официальный ультиматум губернатора. Кабака заявил, что не может на него ответить, не посоветовавшись с люкико. 30 ноября губернатор вызвал его к себе. Кабака явился в сопровождении трех министров и охранника с ружьем и приказом в случае чего стрелять. У самого кабаки также был с собой пистолет. Но кабака и министры взяли с собой не только оружие, а еще и проект письма и телеграммы на имя министра колоний. Телеграмма — резюме содержания письма — гласила: «Ответил губернатору невозможность поставить подпись без консультации с великим люкико тчк сообщил губерна-ору подписание сводит нулю мое положение среди народа противоречит демократическим принципам тчк прошу скорого ответа поскольку сессия люкико скоро = кабака Мутеса» [Low, с. 174].

Кабака вручил губернатору проект письма и телеграммы попросил отправить их в Лондон. Губернатор отказался то сделать. Тогда кабака предложил, чтобы делегаты Подождали в соседней комнате, пока губернатор лучше Изучит предложенные документы. Погуляв в саду, кабака И его спутники вернулись в кабинет губернатора, где атмосфера сгустилась еще больше. «Ну что вы решили?» — спросил губернатор. «Мы не изменили своего мнения и просим вас послать в Лондон нашу телеграмму», — последовал ответ. В воздухе повисла тяжелая пауза. Затем губернатор сказал: «Теперь уже нет времени для таких действий». Он зачитал документ, в котором пункт за пунктом содержались условия о том, что кабака отказывается от всех выдвигавшихся им и люкико требований. После прочтения каждого пункта повторялся один и тот же вопрос губернатора: «Вы согласны с этим пунктом?» — и ответ кабаки: «Нет». Когда условия были прочитаны до конца и

на все был получен отрицательный ответ, губернатор сказал: «Ну что же, мне очень жаль. С сегодняшнего дня вы больше не кабака Буганды». Эффектным жестом он вытащил из кипы документов на столе и подписал бумагу, в которой Мутеса II лишился полномочий «туземного правителя Королевства Буганда». Кабака передал эту бумагу своему катикиро Кавуме и сказал губернатору: «Пусть это будет на вашей совести». Но сцена на этом не закончилась. Губернатор вышел из комнаты, и тут же через другую дверь в нее вошли два полисмена. Один из них протянул Мутесе новую бумагу: «Ваше Высочество, вот приказ о вашей высылке, и мне приказано осуществить его». Кабака спросил, значит ли это, что он арестован, и получил утвердительный ответ. Полицейская машина, припаркованная рядом с его собственным лимузином, увезла его в аэропорт, где уже ждал наготове военный самолет. На борту кабака сам вручил полисмену свой пистолет, чему тот был немало удивлен.

Назавтра самолет приземлился в Британии. Командир эскадрильи вручил ему шинель уоррент-офицера⁶ и сообщил, что в Кампале от удара скончалась лубуга Алиса, узнавшая о высылке своего брата. «Это, видимо, мой самый близкий друг на свете», — так написал сам кабака.

Новость о высылке кабаки потрясла Буганду. Люди перестали общаться со своими друзьями-европейцами. Кто-то поклялся, что до возвращения кабаки не будет больше бриться. Снова в моду вошла одежда из лубяной материи, первой ее надела жена кабаки. Похороны лубуги Алисы вылились в многотысячную демонстрацию протеста. Так кабака из малоуважаемого человека (которого все считали недостойным высокого поста кабаки), проводившего политику англичан, вдруг превратился в главного борца за идеалы баганда. А этими идеалами стали независимая Буганда и сохранение в ней власти кабаки. Развернулась борьба за его возвращение, в которую включилась и самая сильная из тогдашних политических партий — образованный в 1952 году Угандийский национальный конгресс.

Изгнанника неплохо устроили в лондонском отеле «Савой», где его навещали и англичане — его старые знакомые, и угандийские студенты, обучавшиеся в Англии, в частности Бенедикто Киванука, будущий лидер Демократической партии.

Из Буганды для него присылали деньги — там его сторонники организовали сбор добровольных пожертвований. Ему советовали вернуться как частному лицу, и Когэн уже подобрал ему преемника на посту кабаки — Джорджа Маванду, его старшего брата, который, правда, отказался от предложенной «чести».

В середине декабря по поводу высылки кабаки развернулись горячие дебаты в британском парламенте. Этот вопрос внесли социалисты, хотя считали кабаку феодальным монархом — да он и был таковым, только в колониальной модификации. Консерваторы поддерживали Когэна. Литтл-тон произнес 22 декабря блестящую речь, в которой заявил, что решение о высылке кабаки принято окончательно.

А в Буганде решили на время отсутствия кабаки назначить регентов: губернатор полагал — пока не будет посажен на трон новый кабака, а люкико — пока не вернется Мутеса II. На телеграфный запрос люкико кабаке о регентстве было получено его согласие. 8 января 1954 года регентов привели к присяге, а из тронного зала дворца после этого убрали леопардовые шкуры — знаки власти кабаки.

Самому же кабаке пришлось уехать из отеля «Савой», что было отмечено шампанским за счет британских властей. Затем для него были сняты комнаты на Итон Плейс, 21, и назначено годовое содержание в 8 тысяч фунтов стерлингов. Его спутник, тот самый, который ходил к губернатору с ружьем, Роберт Нтамби, получил прозвище «Мистер Джин», поскольку всем посетителям изгнанника предлагал этот напиток —

⁶ Уоррен т-о ф и ц е р категория командного состава между унтер- офицером и офицером.

«немного освежающей жидкости». А делегация, посланная люкико в Лондон для борьбы за возвращение кабаки, активно обрабатывала общественное мнение. В многочисленных интервью баганда предсказывали близкое кровопролитие на их родине. К делу кабаки были привлечены самые разные силы. Кабаку навесил даже сам глава англиканской церкви архиепископ Кентерберийский. В то же время противники кабаки распространяли слухи о его невероятной порочности, пытаясь по-своему настроить общественность.

8 и 9 февраля были объявлены днями траура по кабаке. Накануне происходили службы в католических и протестантских церквях, но наибольшее число сочувствующих собрали служители местных культов. Христианство выходило из моды — ведь это была религия европейцев, сославших кабаку! Лубяные одежды как символ традиционной Буганды мелькали по всей стране — где-то они превращались в лубяную повязку на европейском пиджаке, или лубяной галстук, или лубяной вымпел на велосипеде. В дни траура закрылись лавки, пустовало здание люкико. Был объявлен трехмесячный бойкот иностранных товаров. В ответ администрация протектората закрыла три местные газеты. Нужно было что-то предпринимать. В феврале 1954 года Когэн вылетел в Лондон, Ей вскоре Литтлтон в речи в Палате общин в первый раз заявил, что Уганда должна получить самоуправление и что туда будет послана специальная комиссия для переговоров с люкико о будущем месте Буганды в Уганде. Главой комиссии был назначен профессор Лондонского университета Кейт Хэнкок. Но делегация люкико прилетела в Лондон сама, требуя прежде всего возвращения кабаки. Уезжая из Лондона, делегаты наняли английских адвокатов, чтобы они подготовили жалобу в Верховный суд Уганды о неправомерности высылки кабаки.

Одновременно готовился визит в Уганду молодой королевы Елизаветы II. Против ее визита в Буганде возражали, так как считали, что Буганда не может принимать такую высокую гостью, когда в стране отсутствует кабака. Наступило временное затишье в переговорах. Жена кабаки жила во дворце почти в полном одиночестве, одетая в свои лубяные одежды. К ней обращались теперь «миссис Мутеса». Сам же кабака на вопрос о том, где будет жить дальше, какому-то журналисту называл Танжер, и то только потому, что хотел сказать «Тимбукту», но не был уверен, что Тимбукту на самом деле существует. А пока он путешествовал — Кембридж, где прошли дни его юности; Милан, где в театре Ла Скала он слушал «Аиду» вместе со своей давнишней возлюбленной Сарой — сестрой жены, жившей во Флоренции; Мадрид, куда он ездил вместе с Бенедикто Киванукой, все еще студентом.

Тем временем британские власти беспокоились по поводу визита английской королевы в Уганду — в соседней Кении бушевало восстание Мау-Мау, да и Буганда бурлила. Там даже существовали планы сжечь резиденцию, построенную для королевы напротив дворца кабаки, и Кам-палу наводнили детективы. Но визит прошел тихо. Бывший губернатор Уганды Ф. Митчел советовал, чтобы во время визита королева милостиво разрешила кабаке вернуться, Литтлтон одобрил это, но воспротивился Когэн.

В июне 1954 года в Буганду прибыл Кейт Хэнкок. Баганда, в языке которых нет звука «х», прозвали его «ванкоко» — «цыпленок». Миссия его была ускорена беспорядками в Буганде, в частности организованным Угандийским национальным конгрессом бойкотом иностранных товаров... Хэнкок хотел быть независимым от губернатора и отказался жить в его доме, предпочтя дом епископа. Он начал переговоры с люкико, который встретил его демонстрацией — обычной процедурой воздания почестей кабаке.

Во время работы Хэнкока Буганда всячески демонстрировала свою приверженность кабаке. Кульминацией стало дело Киганиры. Этот человек, объявивший себя «пророком Кибукой Омумбале», поселился на дереве неподалеку от Кампалы и там предвещал скорое возвращение Мутесы II. К «пророку» стекались толпы людей. Они восторгались его предсказаниями и щедро одаривали. Дерево «пророка» британские власти стали рассматривать как источник беспорядков. Туда была послана полиция с приказом

арестовать Киганиру. Возникла стычка полиции с народом, в которой был убит один из полицейских. С помощью слезоточивого газа толпу удалось разогнать, а «пророка» — арестовать. За убийство полицейского он был приговорен к смертной казни, замененной затем двадцатью годами тюрьмы.

Одновременно слушалось дело о высылке кабаки в Лондон. Кабака давал показания в Лондоне. В результате гсуд признал, что кабаку следовало выслать не за нарушение статьи 6 Соглашения 1900 года о «лояльном сотрудничестве» кабаки, вождей и народа Буганды с британскими властями в управлении Бугандой, а за нарушение статьи 20, в которой говорилось о подчинении кабаки, вождей или народа Буганды британским властям. 5 ноября 1954 года было объявлено решение суда, и вся Буганда ликовала: «Когэн ошибся!» «Когэн ошибся!» — слышалось повсюду. И никто не хотел понимать, что высылка могла произойти, но по другой статье Соглашения 1900 года. Важен был сам факт ошибки губернатора. «Когэн ошибся!» — говорили люди другу другу теперь вместо приветствия, и вся Буганда еще тверже стала верить в то, что кабака вернется.

16 ноября 1954 года в Палате общин были зачитаны рекомендации комиссии Хэнкока, в которых впервые говорилось о возможности возвращения кабаки, правда, и о возможностях для баганда выбрать (?) нового кабаку. В люкико разбор предложений Хэнкока длился долго. Одна за другой заседали две комиссии. Наконец 6 мая 1955 года люкико принял свой документ по урегулированию вопроса о Буганде. Затем люкико послал в Лондон специальную делегацию для ведения переговоров о заключении нового англо-бугандийского соглашения (Соглашение 1955 года мало изменило положение Буганды в Уганде). Вслед люкико направил в Лондон еще одну делегацию, которая должна была вести переговоры о возвращении кабаки. Во вторую делегацию, работавшую в Лондоне одновременно с первой, была включена сестра кабаки Ирен Ндагира с единственной миссией — при плохом обороте дел плакать как можно громче, что она от души и делала.

Переговоры по обоим вопросам получились трудные, столкнулись твердая позиция Когэна и уступчивая — нового министра колоний А. Ленон-Бокса. В результате договорились, что кабака возвратится, но Буганда станет посылать своих представителей в законодательный совет Уганды. Кабаке предстояло стать «конституционным монархом», его как бы выключили из отношений между губернатором и люкико. Позже была назначена и дата возвращения — 17 октября 1955 года.

Кабака возвращался домой с таким большим багажом, что ему пришлось перезаказать билеты, так как предложенный британским правительством самолет был переполнен и не смог взять все пожитки Мутесы. В Каире и Хартуме у трапов его ожидали красные ковровые дорожки. Но с наибольшим ликованием его встретили в Буганде. Самолет приземлился в Энтеббе с пятиминутным опозданием, но какое это имело значение для более чем двухтысячной толпы, собравшейся вокруг аэропорта лагерем накануне, и для еще большего количества народа, пришедшего утром?

Кабака сходит по трапу, раздается салют из девяти винтовок. Первый поцелуй — жены. Затем — рукопожатие губернатора Когэна с вежливым английским «Рад вас видеть здесь снова» (совсем не так, как они встретились во время пребывания кабаки в Англии). К аэровокзалу разрешено было подъехать только одному частному автомобилю. Это была машина Хама Мукасы, пажа Мутесы I, спутника Каггвы в его поездке на коронацию Эдуарда VII. Такая почесть Мукасе была оказана из уважения к его преклонному возрасту — ему было за восемьдесят — и к состоянию здоровья — он был парализован. Вот вам связь времен — Мутеса II в своих мемуарах, упоминая об этом факте, пишет: «Прежде чем умереть в марте следующего года, он в конце концов признал, что англичане, возможно, все-таки иногда делают ошибки» [Mutesa, с. 144].

Поздоровавшись со своей семьей и министрами, кабака обходит почетный караул. А затем носильщики кабаки из определенного клана, как это положено по традиции, несут

его до открытого «ролс-ройса», который направляется в Кампалу. 22 мили, отделяющие Энтеббе от Кампалы, кортеж преодолел более чем за два часа, настолько была загружена дорога. А последние несколько сот метров кабаке даже пришлось идти пешком. Дорога была разукрашена банановыми листьями, триумфальными арками. Толпы пели, плясали, смеялись и улюлюкали, таким образом выражая свой восторг. Во дворце Мутесу встретила его сестра Виктория, занявшая пост лубуги после смерти Алисы, и его сын Ронни Мутеби — позже, после смерти Мутесы II, о нем говорили в Буганде как о возможном претенденте на престол. В день приезда кабака побывал на футбольном матче, а вечером посетил место захоронения своих предков.

Назавтра, 18 октября 1955 года, кабака и Э. Когэн подписали новое соглашение между Британией и Бугандой.

Оно знаменовало собой подтверждение автономных прав Буганды в Уганде, сохранившихся и после независимости и так дорого стоивших стране.

Для кабаки началась полоса сплошных приемов и праздников. Ему надарили кучу подарков — от волос с бород тех баганда, которые не брились во время всей его ссылки, до суммы в шиллингах, равной его весу, три десятка сервизов, двадцать настенных часов и многое другое. Он объехал все двадцать саза Буганды, и везде ему устраивались пышные приемы. Хотя абсолютное большинство баганда выступали за возвращение кабаки (что объединяло людей самых разных взглядов), нашлись и такие, кто в это не верил. Например, один человек после его высылки заявил: «Если кабака вернется, пусть мне отрежут ногу». После возвращения кабаки к нему пришли и спросили: «Ну, какую тебе ногу отрезать — правую или левую?» Правда, дело дальше угроз не пошло. В то же время по всей Буганде развернулась кампания против «предателей» — либо не веривших, что кабака вернется, либо «недостаточно боровшихся за его возвращение». К последним отнесли и катикиро Пауло Кавуму, которому пришлось уйти в отставку.

Вместе с тем активно поощрялись наиболее стойкие борцы за возвращение кабаки. Мутеса вручил многим орден Щита и Копья. К тому же выяснилось, что после распределения земель в частную собственность по Соглашению 1900 года остались нераспределенными 154 квадратные мили угодий. Срочно был составлен список кандидатов на получение земель, но возникло множество разногласий — трудно было определить в квадратных милях и акрах долю участия людей в возвращении Мутесы. Кабака лично участвовал в многократном перекраивании списка, но в конце концов последовал запрет губернатора на распределение этих земель.

Накануне независимости. Приближалась независимость Уганды. Возникали новые политические партии. Но кабака не принимал в этом участия, оставаясь символом борьбы для одних и объектом нападок для других.

Весной 1956 года он едет на охоту в Мозамбик, встречаясь по дороге с будущим президентом Танзании Дж. Ньере-ре, с которым когда-то судьба свела его в колледже Макерере. Ездит с короткими визитами в Лондон, Париж, на охоту в Судан. И опять же связь времен: в Судане он присутствует при ликвидации памятника Ч. Гордону, врагу Кабареги, и ужинает с сыном Махди — руководителя восстания в Судане и союзника Кабареги.

Но в 1959 году под давлением британских властей, в частности нового губернатора протектората Ф. Кроуфорда, кабаке пришлось осудить бойкот на иностранные товары, объявленный Национальным движением Уганды.

В 1958 году Буганда отказалась послать своих депутатов в законодательный совет Уганды. Аристократия «королевств» вновь выдвигала план независимой Буганды во главе с кабакой и потому бойкотировала выборы — места Буганды в законодательном совете остались пустыми. Затем бойкотировалась конституционная комиссия, которая должна была разработать (и разработала) проект конституции будущей независимой Уганды, составной частью которой, естественно, виделась Буганда. Люкико назначил свой конституционный комитет. Самое большое, на что мог пойти люкико, — это на

федеральную Уганду с особым статусом Буганды внутри ее. К тому же было объявлено о плане всеобщих выборов в законодательный совет в 1961 году, и верхушка Буганды выступала за то, чтобы выборы были отложены, пока не будет гарантий федерального статуса для Буганды. В конце лета 1960 года Мутеса II возглавил делегацию люкико в Лондон. Не допустить создания унитарного государства — именно в таком ключе выступала на всех переговорах 1960—1962 годов аристократия Буганды и других «королевств».

Интересно, что Мутеса считал себя в эти годы революционером. В своих мемуарах он приводит такой факт: он остановился в Лондоне в отеле «Гайд парк», где в то время жил и султан Занзибара. Однажды султан вбежал к нему в апартаменты с криком: «Вы действительно хотите не согласиться с британским правительством?» Получив утвердительный ответ, он ушел с возгласом: «Аллах!» Давая в тот вечер ужин, он не пригласил кабаку, который объясняет это тем, что султан «не хотел, чтобы его видели на публике с революционером, который сам в этом признался» [Mutesa, с. 157].

Но кабаке и возглавляемой им делегации добиться тогда ничего не удалось. В результате решили бойкотировать выборы в законодательный совет. Но этим дело не ограничилось. Люкико вновь выступил за предоставление независимости одной Буганде. В Лондон послали несколько меморандумов, в одном из которых, в частности, говорилось: «Буганда не может променять свои традиции на независимость Уганды. Они нам гораздо дороже. Мы не пойдем на то, чтобы бросить такую жертву на алтарь независимости Уганды» [Karugire, с. 177]. В конце концов было объявлено, что с 31 декабря 1960 года Буганда станет считать себя независимой страной.

Однако, если сепаратное провозглашение независимости Буганды осталось бумажным актом, реальным шагом к расколу стал бойкот ею выборов 1961 года. 96—97 процентов баганда не участвовали в выборах, а те, кто участвовал, голосовали за депутатов от Демократической партии. В результате большинство в Национальной ассамблее — так стал называться законодательный совет — получила Демократическая партия (объединяющая католиков), а ее лидер Бенедикто Киванука стал премьером переходного правительства. Так этот человек, некогда друживший с кабакой, навещавший его в Лондоне в годы ссылки, превратился в его врага.

В это же время на политической арене появился человек, которому также была уготована судьба быть сначала союзником кабаки поневоле, а затем его врагом. Это был лидер сформированной в 1960 году новой партии — Народного конгресса Уганды — Аполо Милтон Оботе.

Киванука осуждал Мутесу как организатора бойкота выборов в Национальную ассамблею в Буганде. Мутеса не захотел с ним встретиться, зато встретился с Оботе. Он понравился Мутесе, и Мутеса пошел на его предложения о союзе. Так был предreshен вопрос о союзе бугандийской аристократии с Конгрессом. Интересно, что единственным человеком в окружении Мутесы, кто возражал против этого союза, был катикиро Майкл Кинту, сменивший Кавуму в 1955 году.

В 1961 году Мутеса снова едет в Лондон. Там проходит первая конституционная конференция по Уганде, на которой для Буганды был предложен федеральный статус в рамках Уганды. Следует подчеркнуть, что именно в формировании союза с Конгрессом Мутеса сыграл активную политическую роль, выступив против большинства в люкико. По его инициативе состоялась поездка делегации люкико в Лондон, и он несколько раз обращался к люкико с требованиями разрешить делегации участвовать в заседаниях. «Учитывая заверения, данные мне и комитету министром колоний, участие Буганды в конференции, видимо, совсем не повредит ее положению. Поэтому нам кажется желательным, чтобы люкико разрешил своим представителям занять места на конференции; это позволит Буганде разъяснить свою позицию по вопросу о будущих взаимоотношениях с остальной Угандой», — писал он в Кампалу 16 сентября 1961 года, за два дня до открытия конференции.

В значительной степени творцом компромисса между люкико и британским правительством — федеральный статус, а не полное отделение Буганды — был именно Мутеса II. Возможно, он занял такую позицию, поскольку (если верить ему самому) Оботе предложил ему за это пост премьер-министра Уганды. Тем не менее кабака не выступал как официальное лицо на переговорах — его роль сводилась к тому, чтобы «сидеть у телефона и быть готовым дать совет, обсуждать вечером события дня и в случае необходимости выступать в роли миротворца». На конференции он появился лишь однажды, когда переговоры зашли в тупик, и помог их успешно завершить. В результате Буганда получила право сохранить кабаку и люкико, федеральный статус, свой Верховный суд, полицейские силы и право выбирать или назначать по собственному усмотрению депутатов в Национальную ассамблею.

В результате этих переговоров было подписано новое англо-бугандийское Соглашение 1961 года, закрепившее эти положения. А кабака был пожалован британской королевой в дворянское достоинство. Так были оценены его усилия на переговорах. Ведь именно Мутеса уговорил люкико на участие Буганды в конституционной конференции 1961 года.

Приближались новые выборы в Национальную ассамблею. На них аристократию Буганды представляла вновь созданная организация — Кабака екка (Только кабака). Это не была политическая партия в полном смысле слова, поскольку костяк ее составляла иерархия вождей. Вожди были и организаторами выборов 1962 года. Для того чтобы избиратели не голосовали два раза, они ставили свой знак пальцем, предварительно смоченным в несмывающихся красных чернилах. Затем листок опускался в кабине в урну с символом партии и кандидата. Кабака екка выбрала своим символом стул, который должен был ассоциироваться с тронем, Конгресс — открытую ладонь, а Демократическая партия — мотыгу.

Вся Буганда голосовала за Кабака екка, что дало этой организации в результате 22 места в Национальной ассамблее Уганды. Демократическая партия получила тоже 22 места, а Конгресс — 43. Образовался альянс между Кабака екка и Конгрессом, которые затем сформировали коалиционное правительство. Премьер-министром стал Оботе.

Кабака не принимал участия в выборах, но в ночь объявления результатов наблюдал, как ликует народ вокруг Менго.

С чувством уверенности он поехал в Лондон на вторую конституционную конференцию. Но тут переговоры вновь чуть не зашли в тупик. Майкл Кинту никак не хотел согласиться на возвращение Буньоро так называемых потерянных графств — части территорий, которые были отданы Буганде еще в 1897 году, когда борьба омукамы Буньоро Кабарегги получила новый импульс за счет присоединения к нему Мванги и суданцев. Кинту было трудно сдвинуть с места, и тут Мутеса вновь сыграл свою роль — он прошел в комнату, соседнюю с той, где за час до начала очередного заседания конференции заперлась бугандийская делегация, и по очереди уговаривал делегатов. В конце концов сошлись на том, что в «потерянных графствах» в течение трех лет будет проведен референдум. Это был компромисс, которым были недовольны все стороны — и баганда, и баньоро, и Оботе.

Кроме того, на этой конференции было решено, что полицейские силы по всей стране будут контролироваться центральным правительством — для федералистов-баганда это был шаг назад. Но Оботе пообещал, что потом они решат этот вопрос с соответствующими министрами.

Кабака становится президентом. Конфликт с Оботе. Провозглашение независимости Уганды было назначено на 9 октября 1962 года.

Повсюду развевался национальный флаг Уганды — красно-желто-черный с изображением журавля в центре. На всех церемониях кабака появлялся вторым — вслед за губернатором. В то время настроение у него было отличным: «Мы получили федеральный статус, за который боролись. В стране была спокойная обстановка,

экономика находилась в удовлетворительном состоянии, и от нее ждали многого. Для того чтобы конституция была действенной, нам достаточно было находиться в хороших отношениях с премьер-министром; Оботе относился к нам дружелюбно, уважал наши позиции...» [Mutesa, с. 168].

В то время вопросом, занимавшим кабаку более всего, были «потерянные графства». Он ни в коем случае не хотел, чтобы эти земли были возвращены Буньоро. Для этого он приехал туда, на север-запад Буганды, за двести миль от Кампалы, где для него была построена резиденция. Кабака пытался убедить баганда, что эти районы нужно обживать, строить там дороги и школы; была даже заложена чайная плантация.

Но больше всего кабаку по-прежнему занимали собственные развлечения. Он посетил с официальным визитом Эфиопию и был поражен великолепием двора и окружения Хайле Селассие (которому оставалось царствовать чуть более десяти лет); особенно его личным поездом, белоснежным и сверкающим, предоставленным Мутесе для поездки на охоту. В Аддис-Абебе кабака не забыл пона-вешать орденов самому императору и его сыну, но потребовались ордена и для других лиц. Тогда шепотом был решен этот щепетильный вопрос: лубуга Виктория отказалась отдать свой орден по примеру кабаки, и жертвователем стал один из сопровождающих его представителей катикиро. В октябре 1963 года кабака Мутеса II был избран первым президентом независимой Уганды, сменив на посту главы государства временное лицо — британского генерал-губернатора. Выбирала его Национальная ассамблея, исходя из того, что президентом должен стать один из «монархов королевств», которые стали называться теперь «федеральными землями». Реальным претендентом кроме кабаки был представитель пятой «федеральной территории» Бусоги — ее кьябазинга (верховный правитель) У. Уилберфорс. Для самого кабаки было ясно, что пройти должен он. Так и произошло. Единственно, что его смущало — не помешает ли пост президента Уганды выполнению его функций как кабаки Буганды.

Но вскоре он понял, что пост президента был в значительной мере формальным — в основном его функции сводились к официальному представительству, тем более что в случае трехкратного отказа президента подписать какой-либо закон достаточной становилась подпись премьер-министра. Так однажды и произошло, когда обсуждался закон о референдуме в «потерянных графствах». В качестве президента Мутеса занимал теперь комфортабельную резиденцию в Энтеббе, из которой открывался прекрасный вид на озеро Виктория и английский сад, и писал письма за тем самым столом, за которым когда-то Когэн объявил ему о смещении с поста кабаки и высылке.

Тем не менее отношения Мутесы с Оботе обострились. Оботе говорил о введении однопартийной системы, что не нравилось аристократическим кругам Буганды. Они поговаривали даже о возможности коалиции с Демократической партией и даже придумали ей название — «Демократическая екка», но коалиция не состоялась, так как в Буганде многие рассматривали эту партию как враждебную, не могли простить ей участия в выборах 1961 года.

В январе 1964 года восстал военный гарнизон в Джиндже — втором по величине городе Уганды. Кабаку, хотя он занимал еще и пост верховного главнокомандующего угандийской армией, информировали об этом с большим опозданием. Меры же были приняты быстро: из соседней Кении переброшены британские солдаты. Зачинщиков бунта, требовавших увеличить жалованье, арестовали.

В сентябре 1964 года коалиция между Конгрессом и Кабака екка фактически распалась. К тому времени Конгресс уже располагал большинством в Национальной ассамблее. Министры — члены Кабака екка вышли из состава кабинета. Одновременно был решен вопрос о «потерянных графствах» — они временно перешли под управление центрального правительства, а в ноябре 1964 года там был проведен референдум, в результате которого два «графства» отошли к Буньоро. Уловка кабаки с насаждением там баганда (вложившего, кстати, и свои личные деньги на строительство

резиденции) не удалась. Всем, кто переехал на эти территории после 1962 года, участвовать в референдуме было запрещено.

В следующем году кабака продолжал свою светскую жизнь скорее как кабака, а не как президент, каковым он, в сущности, был действительно формально. Он принимал британскую принцессу Маргарет с супругом, посетил омукаму Буньоро по случаю дня его рождения. Вряд ли после возвращения Буньоро «потерянных графств» отношения между обоими монархами были дружественными, но превосходство кабаки должна была подчеркивать его форма генерал-майора. Однако к омукаме были приглашен и Оботе как премьер-министр, и сразу же возникли сложности протокольного характера. В конце концов кабаке было отдано предпочтение при церемонии прощания, а Оботе — при церемонии встречи.

В октябре между Оботе и Мутесой вновь возник конфликт: Оботе захотел во время парада по случаю третьей годовщины независимости произнести речь, чему кабака воспротивился. Тем не менее речь была произнесена.

Баганда и сам кабака не могли простить Оботе наступление на их «права». В неприязни к Оботе присутствовал и еще один важный фактор, о котором пора сказать, — этнический. Оботе и его окружение представляли народы севера Уганды — ачоли, ланги и другие. Из этих народов в основном рекрутировалась и армия Уганды. Поэтому кабака с удовольствием поддержал обвинения (выдвинутые членом Национальной ассамблеи от Кабака екка Дауди Оченгом) Оботе и некоторых других лиц в присвоении «конголезского золота» — средств, переданных повстанцами Восточного Конго (ныне Заир) на закупку оружия. Формально оставаясь в стороне, он принимал косвенное участие в разборе этого дела в феврале 1966 года в Национальной ассамблее. В своем доме под Кампалой, бывшей «малой» резиденции генерал-губернатора, он принимал Оченга, слушал магнитофонные записи и смотрел стенограммы дебатов. Когда ситуация в Кампале накалилась, кабака в качестве президента страны запросил британского комиссара и послов некоторых африканских стран о возможности присылки их солдат в Уганду. Он даже попытался арестовать Оботе. В своих мемуарах, все время подчеркивая, что оставался в стороне, Мутеса II не скрывал, что был бы рад падению премьера: «По правде говоря, у меня на этом этапе не случился бы разрыв сердца, если бы человека, который не представлял теперь никого, кроме себя самого, преисполненного решимости разрушить мое королевство, сняли бы с поста премьер-министра, доказав его причастность к преступлениям» [Mutesa, с. 187—188].

Речь шла о том, что кабинет настаивал на дальнейшем расследовании дела о «конголезском золоте», хотя в Национальной ассамблее были удовлетворены разъяснениями обвиняемых.

Тем не менее ситуация продолжала оставаться сложной. 23 февраля были арестованы несколько министров, а 24 февраля приостановлено действие конституции. Приостановление действия конституции лишало Буганду и другие «королевства» их привилегий. В ответ лкжико отказался сотрудничать с Оботе и потребовал вывода центрального правительства Уганды из столицы Буганды Кампалы. Оботе было направлено восемь ультиматумов люкико, последний из них устанавливал даже дату вывода — 30 мая.

Бегство из страны. Жизнь в эмиграции. 23 мая 1966 года были арестованы несколько наиболее влиятельных министров кабаки, а 24 мая две роты пошли на штурм его дворца.

Штурм начался, когда еще не рассвело. Кабака, ночевавший в своем дворце, был разбужен выстрелами уже внутри ограды дворца. Надев на белье свитер, он быстро собрал охрану, насчитывавшую около 120 человек, и стал искать путь к бегству. Хорошо зная расположение дворцовых построек, охранники ввязались в перестрелку с правительственными войсками и даже сумели удержать свои позиции в течение нескольких часов. Когда рассвело и выяснилось, что дворцовый комплекс окружен,

кабака и его защитники укрепились на некоторое время в краале — загоне для скота. Затем, когда положение стало безвыходным, выстрелами они расчистили себе путь к юго-западной части кирпичной стены дворца. Через стену пришлось перелезть — охранники имели такой опыт, но кабака! Он неудачно приземлился, почувствовав резкую боль в позвоночнике. К счастью, вовремя подвернулись два свободных такси, которые и доставили беглецов в резиденцию Белых отцов рядом с католическим собором в Кампале. История вновь повторилась — кабака Мутеса II, как некогда его дед Мванга, был вынужден спасаться у миссионеров-католиков после свержения с престола. У миссионеров смогли остаться только трое — сам Мутеса и два его охранника.

Остаток ночи тройка беглецов провела в буше под Кампалой. Стало известно, что есть приказ взять Мутесу живым или мертвым и что его яхта на озере Виктория сожжена. Поразмыслив, кабака выбрал путь к западной границе, до которой было около трехсот миль. Бежал он из собственной страны пешком, передвигаясь скрытно, переодетый в чужой белый макинтош. Часть пути их подвез на машине преданный кабаке человек. Во время побега, длившегося несколько недель, о нем ходили самые невероятные слухи: то его будто бы видели в Найроби, то в Аддис-Абебе, а то он якобы возвращается с большими силами на штурм Кампалы. Некоторые газеты объявили даже о его смерти. На самом же деле он по-прежнему двигался к границе кружным путем, обходя многочисленные засады. Однажды он скрылся от преследовавшего его грузовика с солдатами лишь благодаря стаду слонов. Кабака со спутниками врезались в стадо, прошли сквозь него, а следы их были затоптаны.

Наконец измученные беглецы добрались до границы с Конго (теперь — Заир), где их задержал конголезский патруль. Наутро патруль должен был передислоцироваться, и задержанных было решено отпустить, чтобы не создавать для себя трудностей.

Так беглецы добрались до границы Бурунди. При переходе границы они не скрыли, что являются баганда, но, конечно, назвали чужими именами и сказали, что идут навестить родственников. Открылись только по прибытии в столицу Бурунди Бужумбуру, где кабаку с распростертыми объятиями встретил тамошний король. Тут же был установлен контакт с британским посольством, которое запросило Лондон о согласии предоставить кабаке политическое убежище. Ужинал он в тот день с британским послом.

Из Бужумбуры кабаку транспортным самолетом вывезли в Брюссель — ему пришлось спать на тюках с полотенцами. А из бельгийской столицы, где к нему присоединился его брат Генри, кабака Мутеса II вылетел в Лондон.

Уже там он узнал о разгроме во дворце и о том, что были сожжены королевские барабаны — символ, власти кабаки Буганды. Мутеса остался в Лондоне, где в школу ходили трое его детей. В 1967 году, вскоре после прибытия в Лондон, там вышла его книга мемуаров, озаглавленная «Осквернение моего королевства» и принесящая кабаке немалые доходы.

В этой книге помимо описания собственной жизни (становящегося тем более тенденциозным, чем ближе к событиям 1966 года) кабака пишет о своих предках, начиная с Мутесы I. Отдельные главы он посвящает своему прадеду, которого хвалит за приглашение в страну европейцев, и деду — Мванге. Одна из глав книги называется «XX столетие»

В мемуарах Мутеса, видимо, вспомнил свои кембриджские годы — его исторические главы хоть и написаны под углом зрения связей Буганды с Европой, главным образом с Англией, но небезынтересны как для широкой читающей публики, так и для историка. Он цитирует не только широко известные мемуары первых миссионеров — Маккея, Роскоу, а также Ф. Лугарда, но и малоизвестные мемуары Хама Мукасы. Цитаты обширны и выбраны не без вкуса. Интересны его оценки собственных предков. О Мванге, своем деде, он пишет так: «За все время правления Мванга боролся за освобождение своей страны от

незванных гостей. Он не любил их и не хотел их присутствия. На него произвела впечатление сила, но не заинтересовали идеи белых. Он не смог ни восстановить старый порядок вещей, ни воспринять новый. Мне кажется, он заслуживает симпатии за это». Прежде чем перейти к изложению собственной биографии, он делает такой вывод о контактах Британии с Бугандой и английском колониализме в его стране: «Ассимиляция западных ценностей без отказа от собственных более древних увеличила наш потенциал. Нас когда-то называли "жемчужиной Африки", и мы не хотели терять эту славу, став культурными» [Mutesa, с. 58, 75].

В Лондоне во время своего второго изгнания Мутеса вел иную жизнь, нежели в первом изгнании. Сразу же по прибытии он провел неделю в офицерском госпитале для восстановления сил. Затем начались его скитания. Он жил в разных местах, в квартирах, нанятых для него друзьями. Мутеса существовал на небольшие гонорары за статьи в «Сандей телеграф», а затем на деньги за его книгу, которые быстро разошлись. Попытки экс-кабаки пристроиться в свой бывший полк натолкнулись на нежелание британского правительства иметь с ним дело. В общем, он жил и пил — а пил он по-прежнему много — на деньги, которые ему посылали друзья из Буганды. Давали деньги и баганда, живущие в Лондоне, и несколько друзей-англичан.

Лишь во второй половине 1968 года для «короля Фредди» нашлось место в благотворительном обществе Р. Кар-Гомма, заботившемся о жителях лондонских трущоб. Бывший кабака занимался теперь сбором пожертвований, украшательством общественных туалетов и составлением песенника для нищих. Его восемь «ролс-ройсов» остались во дворце в Менго, и Мутесе теперь нередко приходилось передвигаться пешком. Однако его бедствия, а также непризнание официальным Лондоном делали его в глазах почитателей в Буганде мучеником. Доброжелатели предупреждали его, что его жизни грозит опасность.

Смерть Мутесы 21 ноября 1969 года также окружена ореолом таинственности. Его адъютант Дж. Катенде около половины девятого вечера подал ему ужин. Затем зазвонил телефон. Катенде подошел к аппарату. Звонили Мутесе. Катенде вошел к нему, чтобы позвать его, и нашел его на полу мертвым.

А звонила некая молодая дама, приехавшая из Уганды. Та самая, о которой по секрету писали из Буганды, что она якобы намеревается убить Мутесу. Она виделась с ним за пять дней до его смерти. Вообще, за последние две недели экс-кабака жил под страхом смерти. То вдруг среди ночи ему чудилось, что через окно на него смотрит кто-то, то появлялась таинственная фигура в белом... Вскрытие показало необычно высокий процент алкоголя в крови, моче и желудке. Но печень, почки и сердце оказались здоровыми, на теле не было обнаружено каких-либо следов насилия. Скотланд-Ярд быстро закрыл дело. Но среди баганда еще долго жили слухи о колдовстве, которое погубило кабаку.

Мутеса успел отпраздновать свой сорок пятый день рождения 19 ноября, но не успел дать прием по этому случаю. Прибывшая в Лондон Дамали, теперь вдова бывшего кабаки, настояла на том, чтобы тело ее мужа не отправляли в Уганду. Да и сам Мутеса когда-то говорил брату, что, если ему суждено будет умереть в изгнании, он хочет, чтобы его тело оставалось в Британии до тех пор, пока в Буганде не будет восстановлена монархия. Поэтому после скромного отпевания тело Мутесы, предварительно забальзамированное, было секретно увезено в неизвестном направлении.

Но ему было суждено вернуться на родину не после восстановления монархии, а при диктатуре Иди Амина. Одной из первых акций пришедшего к власти в 1971 году Амина было перезахоронение тела Мутесы в усыпальнице кабака. 31 марта 1971 года специальный самолет с телом кабаки приземлился в Энтеббе, где его встретил салют из 73 винтовок. На вертолете гроб был доставлен на холм Кололо, где впервые был поднят флаг независимой Уганды. Амин сказал прочувствованную речь. Затем четыре дня гроб со стеклянной крышкой находился в соборе Намирем-бе, куда стекались толпы баганда,

чтобы проститься со своим последним кабаком. 4 апреля состоялась заупокойная служба. Епископ Стюарт, когда-то венчавший и коронавший его, закончил службу словами на луганда: «Вераба, Мутеса вафе» — «Прощай, наш Мутеса!» Перед тем как поместить гроб в усыпальницу, лицо Мутесы, по обычаю, закрыл лубяной материей его сын Рональд Мутеби. Он все еще надеялся стать новым кабаком Буганды...

«ПРОСТОЙ ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК»

Аполо Милтон Оботе

К северо-востоку от Буганды, по другую сторону озера Кьога, на восточном берегу реки Виктория-Нил живет народ ланго, или ланги, как они сами себя называют. Ныне их насчитывается в Уганде около миллиона человек. По характеру ланги, как считают сами угандийцы, похожи на итальянцев — такие же темпераментные. Еще говорят, что ланги — люди, которые привыкли не размышлять, а действовать. В доколониальные времена основным занятием ланги было скотоводство в сочетании с земледелием, а также охота. В отличие от своих южных соседей — баганда и западных — баньоро, ланги, как и другие нилотоязычные народы Уганды, в доколониальные времена государственных образований не создали. Основной ячейкой общества ланги был клан, главный старейшина которого назывался руот. Реальная власть руота была невелика, она сводилась в основном к роли третейского судьи в спорах между сородичами. Но и такие вопросы он решал не единолично, а советовался с одонге — другими старейшинами. В конце прошлого века возникли военные объединения нескольких кланов, которые возглавили военачальники. Ими становились воины, проявившие полководческие способности. Военные объединения ланги с успехом отражали набеги суданцев, участвовали в междоусобных войнах в Буньоро.

В период британских завоеваний в Междозерье ланги оказали героическое сопротивление колонизаторам. История сохранила имена предводителей ланги в их борьбе против владычества англичан. Старейшина Лакьойя, например, вместе со своими воинами спрятался в буше и вел оттуда партизанскую войну. Карательная экспедиция колонизаторов сумела покорить воинов Лакьойи, лишь дождавшись сухого сезона и предав огню селения ланги.

Знает история и примеры сотрудничества ланги с колонизаторами. Считается, например, что кто-то из ланги выдал англичанам Кабарегу и Мвангу в 1899 году. А британское управление на территории ланги было установлено лишь в 1908 году. Именно тогда в протекторате Уганда был создан дистрикт Ланго. Но уже в начале века стало ясно, что британцы — реальная сила в Уганде и сопротивление им бесполезно. Некоторые ланги попытались использовать сложившуюся ситуацию в своих интересах — для получения власти пусть даже под верховным владычеством англичан. Например, молодой Одора Аримо, сын мелкого старейшины, хотел стать главой своего клана. Но у него был сильный соперник по имени Арум, которого Одора никак не мог одолеть. Тогда Одора отправился в соседнее Буньоро, где заявил английским чиновникам, что желает им подчиняться. За это он получил ' пять ружей, а также отряд из семидесяти стрелков для завоевания непокорных. С таким подкреплением Одора разбил своего соперника и присвоил себе желанный титул В 1908 году, когда создавались дистрикт Ланго и его «туземная» администрация, Одора был признан «вождем» большой территории. Он всячески демонстрировал свою лояльность англичанам, в частности посылал зерно в Буньоро, когда там вспыхнул голод.

Но самой дерзкой его акцией была встреча с Уинстоном Черчиллем, будущим британским премьер-министром. Когда Одора узнал, что важный англичанин (тогда — помощник министра колоний) в своем турне по Уганде остановился неподалеку от его земель, он явился к Черчиллю с четырьмя сотнями воинов и заверениями в вечной

лояльности англичанам. Черчилль обещал ему британский протекторат в будущем и шесть первоклассных ружей немедленно. Это произошло в ноябре 1907 года.

В колониальный период на земли ланги проникло «белое золото» — хлопок, а вместе с ним и колониальные налоги и колониальные товары. Кроме того, из ланги и их соседей с востока — итесот (тесо) и с севера — ачولي формировались в значительной степени колониальная армия и полиция Уганды. Делалось это не случайно: таким образом британцы хотели создать своеобразный противовес наиболее сильным южным частям протектората — «королевствам» Буганда, Буньоро, Торо и Анколе.

Студент-недоучка. На землях ланги в деревне Намаса-ра в семье вождя в 1925 году и родился герой этого очерка, будущий президент Уганды Аполо Милтон Оботе. Однако, как считают мои друзья-угандийцы, Оботе нельзя назвать типичным представителем своего народа и нельзя сказать, что он особенно опирался на ланги в своей политике. Даже с собственным отцом он практически не поддерживал контактов, воспитываясь в доме дяди. Как и большинство детей колониальных вождей, он получил миссионерское образование. Начальное — в протестантской школе в Лире, центре дистрикта Ланго. Среднее — в Нсора в дистрикте Тесо, а затем в колледже Мвири в Джиндже — втором по величине городе протектората. Это были далеко не самые привилегированные учебные заведения в Уганде, но и не самые рядовые. За годы учебы там большое впечатление на Оботе произвели труды Платона и английского поэта XVII века Джона Мильтона, пронизанные республиканскими идеями. Потом его путь лежал в уже известный читателю колледж Макерере.

В Макерере он едва не застал своего будущего антагониста кабаку Мутесу II, судьба сведет их позднее. Оботе обучался в колледже в 1948 году на факультете гуманитарных наук. В Макерере Оботе проявил себя в первый раз как руководитель — был режиссером студенческого спектакля по пьесе Шекспира «Юлий Цезарь». Сам Оботе играл в этом спектакле главную роль. Однако затем он был исключен из колледжа за неуспеваемость.

Какое будущее могло ждать студента Макерере с незаконченным гуманитарным образованием в Уганде? Оботе перепробовал множество профессий. Работал надсмотрщиком на плантации в Бусоге, затем клерком в инженерной фирме «Моулем констракшн» в Джиндже. Позднее по делам фирмы ему пришлось переехать в соседнюю британскую колонию Кению. Там он перешел на службу в другую компанию — «Стандард вакуум ойл К°».

Первая половина 50-х годов в Кении прошла под знаком восстания Мау-Мау — явления сложного и многослойного. Все же главным в нем была антиколониальная направленность. Не случайно одна из расшифровок названия движения звучит на суахили так: Мзунгу Аэнде Улайя, Мвафрика Апате Ухуру — Пусть европеец убирается в Европу, а африканец получит свободу. Мощное партизанское движение заставило британские власти ввести чрезвычайное положение в стране и переселить тысячи людей в охраняемые деревни. В Кении, поселенческой колонии, имевшей свою специфику, среди африканцев нашлось немало «лоялистов», поддерживавших британские власти.

В этой ситуации Оботе — клерк, торговец и даже некоторое время моряк — принимает сторону тех африканцев, которые боролись за свободу. Считается, что он был близок с руководством Союза африканцев Кении — своеобразным штабом движения Мау-Мау, а затем, после запрета Союза, включился в профсоюзную деятельность.

Когда восстание было уже на излете и африканцам в Кении вновь разрешалось создавать различные организации, Оботе участвовал в создании некоторых из них, например Ассоциации рентоплательщиков. Один из биографов Оботе утверждает, что он участвовал и в создании Африканского конгресса округа Найроби, а также в деятельности этой организации, выдвигавшей радикальные требования [Gupta, с. 12].

Политический опыт, приобретенный в Кении, помог дальнейшей карьере Оботе. Но главное — даже не сам политический опыт, а понимание того факта, что ему, человеку с незаконченным гуманитарным образованием, лучше всего заняться политикой. Он

вернулся в Уганду в апреле 1957 года, и сразу начался его головокружительный взлет.

Блестящий взлет. Всплеску политической карьеры Оботе на родине способствовала сложившаяся там ситуация. Главной силой, руководившей борьбой за независимость страны, был в то время Угандийский национальный конгресс, созданный еще в 1952 году радикалами из колониальной элиты баганда. Руководству Конгресса нужны были люди, способные распространить влияние партии за пределами Буганды. Такие люди были и среди ланги, где тоже кипели антиколониальные настроения, но, к счастью для Оботе, ко времени его возвращения на родину они были в тюрьме. Оботе быстро становится представителем от ланги в Конгрессе и одним из его вице-председателей. А в следующем, 1958 году его избирают в законодательный совет как представителя дистрикта Ланго.

Прекрасный оратор, Оботе быстро снискал себе славу одного из самых воинствующих членов законодательного совета. Как рассказывали мне мои друзья-угандийцы, непосредственно участвовавшие в политической борьбе тех лет, для ядра Конгресса из баганда Оботе «стал человеком, который сможет сагитировать остальную Уганду». Правда, уже тогда баганда поговаривали, что, «если Оботе придет к власти, он разобьет Менго», то есть верхушку баганда, так или иначе связанную с двором кабаки. Это пророчество впоследствии сбылось.

Так Оботе стал одним из руководителей Конгресса, вернее, его левого крыла, ибо Угандийский национальный конгресс был организацией довольно пестрой по социальному составу — иначе и быть не могло. Более того, в 1959 году в Уганду вернулась группа студентов, обучающихся в Делийском университете и стоявших на позициях марксизма. Возглавлял эту группу Джон Каконге. Каконге и его сторонников обуревала идея создания новой организации, которая привела бы страну к независимости. Их взоры обратились на левое крыло Угандийского национального конгресса, которое, как они считали, могло стать основой такой организации. В результате ряда реорганизаций из части Угандийского национального конгресса и созданного членами законодательного совета Союза народов Уганды в 1960 году возникла новая партия — Народный конгресс Уганды. Оботе стал президентом нового Конгресса, а Каконге — его генеральным секретарем.

Создание Народного конгресса планировалось как формирование общенациональной партии, способной отстаивать интересы Уганды и ее единство. Однако, хотя у руководства партии стояли вполне образованные люди, они не являлись лидерами общенационального масштаба — каждый из них был известен в основном в пределах своего дистрикта.

После создания партии Оботе много ездит по стране, пытается укрепить авторитет Конгресса. Но... быстро убеждается в том, что на юге, особенно в Буганде, авторитет его партии низок. Лишний раз это продемонстрировали выборы в законодательный совет 1961 года, которые большинство населения Буганды бойкотировало; те немногие, кто принял участие в голосовании, проголосовали за Демократическую партию во главе с Бенедикто Киванукой. В этой ситуации южные «королевства» требовали отложить предоставление Уганде независимости. Оботе же считал, что предоставление независимости надо «пробивать», одновременно идя навстречу Буганде и другим «королевствам». Именно ему принадлежала идея привлечения Буганды на свою сторону путем союза с аристократической верхушкой и ее партией — Кабака екка. Немалую роль в заключении этого союза сыграло личное обаяние Оботе. Вот как воспринял тогда Оботе кабака Мутеса II «О нем ходило множество историй. Говорили, что он был подпаском, ранен стрелой. Решив, что такая жизнь тяжела, он пошел в школу, затем последовал одногодичный период обучения в Макерере. Я не знал, где он закончил свое образование. Короткий период пребывания в Кении в качестве своего рода клерка при Кениате во время восстания Мау-Мау подошел к концу. По возвращении в Уганду фортуна поворачивается к нему лицом. До того времени (1960—1961) его карьера не была блестящей. Избранный в законодательный совет, он стал во главе сильной партии, но даже

тогда, я думаю, его несомненные способности еще не были признаны» [Mutesa, с. 159].

Следуя за событиями, он, однако, проявил определенную дальновидность, пойдя на союз с Кабака екка. Это был компромисс, причем компромисс вынужденный. В егч, политической карьере ему не раз приходилось идти на подобный компромисс. Левое крыло Конгресса было недовольно союзом с Кабака екка, но считало его допустимым, коль скоро он облегчает получение Угандой независимости.

Первое время союзнические обязательства в отношении Кабака екка Оботе выполнял довольно последовательно. Он был своего рода «ходатаем» Буганды на конституционных конференциях в Лондоне, немало сделал для того, чтобы президентом Уганды стал Мутеса II. Таким образом он хотел умиротворить Буганду. Но только этот союз помог Оботе в 1962 году стать премьер-министром Уганды, возглавив коалиционное правительство.

Таким образом, приход Оботе к власти в 1962 году в качестве премьер-министра независимой Уганды был результатом его целеустремленности и умелого использования сложившейся ситуации. Ни армия, ни северяне вообще и ланги в частности никакой роли здесь не играли. Более того, уже в тот период он предпринял конкретные шаги для укрепления своего будущего положения. Так, постарался отодвинуть Каконге как лидера левых — сначала пообещал, что ему будет предоставлено одно из девяти дополнительных мест в Национальной ассамблее, а затем ввел туда вместо него сахарного магната Метху. Каконге в знак протеста уехал из страны. Все это вызвало волнения, и Каконге вернулся, но места в Национальной ассамблее для него уже не было. Тогда же сложился и союз Оботе с Израилем — по иронии судьбы срочно написанный национальный гимн будущей независимой Уганды был впервые исполнен в Тель-Авиве. Гимном Встречали Оботе, сделавшего там посадку по пути в Лондон на вторую конституционную конференцию. Решение о президентстве Мутесы II также было принято Оботе единолично в 'своих собственных интересах, и лишь по настоянию левого крыла Конгресса оно обсуждалось на заседании руководства партии, причем дебаты заняли всю ночь.

Для завоевания авторитета в стране Оботе много выступал, не жалея красивых фраз. «Независимость — сама по себе не цель, а средство дальнейшей борьбы... Для Конгресса независимость не означает простой замены белых физиономий черными в государственном аппарате или приобретения дворцов и автомобилей новейших марок несколькими высшими руководителями в то время, как в деревне все остается так, как было при империализме».

Как же все это выглядело в действительности после достижения независимости? В своих мемуарах Мутеса II, описывая свадьбу Оботе в 1963 году, не без сарказма говорит о его отношении к роскоши: «Это было гигантское мероприятие. Я не хочу даже пытаться подсчитать, сколько же это все стоило, так как результаты такого подсчета стали бы отрицать. Некоторые говорили — 25 тысяч фунтов стерлингов, некоторые 35 тысяч фунтов, была названа официальная цифра — 8,5 тысяч фунтов стерлингов. Такая маленькая сумма не покрыла бы стоимости одних только напитков, которых, по подсчетам журналистов, было 60 тысяч бутылок пива и полторы тысячи — шампанского. Однако последовало заявление о том, что большинство напитков подарено фабрикантами из личной симпатии, а не в целях рекламы. Во всяком случае, за обручальное кольцо он заплатил сам. Когда же британская общественность потребовала лишить Уганду материальной помощи, наш премьер-министр поспешил, как-всегда, указать на происки неокOLONиализма. "Это означает, — бушевал он, — что кое-кто в Британии хочет диктовать Уганде, как ей расходовать свой бюджет". Более того, как считал Оботе, для Уганды естественно чествовать "некоторых своих лидеров как героев борьбы". Я думаю, что Оботе — скорее самозванный герой, по-настоящему не страдавший за дело. В Африке националистов обычно бросали в тюрьмы или высылали из страны. Оботе не провел и десяти минут в тюрьме в ходе своей "борьбы"» [Mutesa, с.175—176].

К язвительному высказыванию Мутесы следовало бы добавить, что Оботе всегда

был присущ некоторый комплекс неполноценности, как утверждают мои угандийские друзья, знавшие его близко. Поэтому он всегда хотел принадлежать к «истеблишменту Менго», то есть высшим, аристократическим кругам Уганды. Отсюда — подчеркнутая пышность его свадьбы, отсюда и выбор невесты — уж Мириа-то, безусловно, принадлежала к этому истеблишменту как представительница протестантского аристократического семейства Буганды. Заметим, что ранее, на церемонии предоставления Уганде независимости, как «миссис Оботе» была представлена женщина из народа ланги. Мирна остается его официальной женой и до сих пор, хотя живет в Найроби, а сам Оботе — в Замбии. Заметим также, что к моменту прихода к власти у Оботе не было ни шиллинга в банке, а в 1963 году для него был куплен дом за 25 тысяч шиллингов.

Главной задачей Оботе стало укрепление собственной власти в стране. Женитьба на Мирна и провозглашение кабаки Мутесы II президентом страны способствовали сближению с монархическими кругами Менго. Кроме того, конституционные полномочия президента и сама личность Мутесы II способствовали сосредоточению реальных рычагов управления в руках премьер-министра.

Но 1964 год принес власти Оботе серьезные испытания. В январе восстали солдаты в казармах Джинджи. Надо сказать, что независимая Уганда унаследовала старую колониальную армию, большинство в которой составляли северяне, да к тому же католики, естественно поддерживавшие не Народный конгресс, а Демократическую партию как партию католиков. Но Оботе сумел уверить военных в том, что его Конгресс даст им власть. И вот — волнения. Оботе настолько испугался, что единолично принял решение о введении в страну британских войск. Национальный исполком Конгресса, его высший орган, потребовал от Оботе объяснений, и тому пришлось пообещать вывести английские войска, как только в них отпадет необходимость.

В ходе штурма казарм Джинджи особенно отличился Иди Амин. Он и стал заместителем главнокомандующего новой армией, а главнокомандующим, как более грамотный человек, — другой северянин Ш. Ополот. После мятежа состав армии претерпел значительные изменения. Ополот и Амин набирали своих людей. Оботе считал, что теперь-то армия у него в руках. Так оно и было до поры до времени.

Следующей задачей Оботе было укрепление собственного положения внутри Народного конгресса. К тому времени в руководстве партии наметился раскол. Левое крыло партии во главе с Дж. Каконге не одобряло многие шаги Оботе. Для Оботе насущной задачей стала проблема — как убрать Каконге. Для этого было решено использовать партийную конференцию в городе Гулу, состоявшуюся в апреле—мае 1964 года.

К конференции готовились загодя: были составлены соответствующие партийные документы, в том числе и доклад генерального секретаря Каконге. Более того, по настоянию Оботе был изменен утвержденный ранее порядок выдвижения делегатов на конференцию, с тем чтобы от Бусоги, где позиции Конгресса были особенно сильны, на конференцию их попало возможно больше. Предполагалось, что конференция выразит вотум недоверия Каконге, а Оботе скажется больным.

Но конференция пошла не совсем по сценарию, подготовленному премьером. Вот что рассказывал мне один из ее участников, сторонников Каконге:

«Второй день работы конференции. Заканчивается доклад Каконге. Бурные аплодисменты. Оботе тут же появляется на конференции. Один из его родственников сразу же выступает с резкой критикой Каконге, обвиняя его в коммунизме. Объявляется, что на следующий день будут заседать комиссии. Но в ночь между вторым и третьим днем работы конференции Оботе собирает своих сторонников. Они вырабатывают новые документы, в которых выдвигаются серьезные обвинения против Каконге.

На третий день заседания специальных комиссий прерываются. Всех делегатов заставляют собраться вместе и проголосовать за новые резолюции. Однако ряд делегатов

голосует «против». Тогда впервые Оботе применяет силу — здание, где проходит конференция, окружают военные. Под таким давлением новые резолюции принимаются. Генеральным секретарем Конгресса избирается Грейс Ибингира. Каконге с политической арены убран».

Так Оботе расправился с левым крылом Конгресса. Интересно, что самому ему удалось остаться в тени — во многих книгах этот эпизод рассматривается как «переворот Ибингиры». Грейса Ибингиру, министра юстиции, получившего образование в Англии, считали прозападником. Визиты же Оботе в СССР и Югославию в том же, 1964 году снискали ему славу «левого». Поэтому события в Гулу внешне и выглядели так благопристойно для Оботе.

Однако Ибингира и Оботе оказались временными попутчиками. Очень скоро в результате разветвления сети партийных организаций, в частности в Буганде, в партии выросло число сторонников Ибингиры. Немалую роль играло и то, что он — выходец из Анколе, да еще из местной элиты — из семьи вождя.

В результате росла оппозиция Оботе в партии. Более того, к 1965 году кабинет министров также оказался в руках сторонников Ибингиры и кабаки.

Земля вновь горела под ногами Оботе. Тут еще — неудавшееся покушение на него во время празднования годовщины независимости Уганды в октябре 1965 года. И — новая попытка устранить Оботе: вышедший из подчинения кабинет министров возбуждает дело о «конголезском золоте», по которому Оботе проходит как один из обвиняемых. Но и эту ситуацию Оботе сумел использовать в своих интересах. Сначала назначил расследование, покрывал главных обвиняемых, в частности отправил Амина в критический момент в недельный отпуск. Вроде бы все против него — и партия и кабинет. Но у него в руках — армия. Оботе вновь демонстрирует силу, арестовывая пять министров весной 1966 года. Один из арестованных — «правый» Ибингира. Вместе с ним и несколько «левых» министров. Так Оботе сумел использовать Ибингиру.

Оппозиция Оботе в Буганде росла. Коалиция с Кабака екка распалась фактически еще 1964 году. Оботе все меньше хотел делиться властью с аристократией Менго. Властолюбие Оботе вызывало недовольство не только среди аристократии Буганды. Другие бывшие «королевства» и Бусога старались не уступать Буганде в автономных правах, всячески затрудняя деятельность премьер-министра.

В феврале 1966 года, одновременно со слушанием дела о «конголезском золоте», Оботе выступил с таким заявлением: «В интересах национальной стабильности и общественной безопасности сегодня, 22 февраля 1966 года, я возложил на себя всю полноту государственной власти в Уганде». Таким образом, Оботе взял на себя функции президента страны и сделал это самолично, без какой-либо процедуры избрания.

Президент по собственному почину. Две конституции Оботе. 24 февраля, через два дня после этого заявления, Оботе приостановил действие конституции страны, сохранив, правда, временно институты «правителей федеральных государств».

Практически это означало устранение Мутесы II с политической арены Уганды. Но Оботе на этом не останавливается. Он выносит на обсуждение проект новой конституции страны, в котором существенно изменялась роль президента: теперь он не просто номинальная конституционная фигура, а обладатель реальной власти — одновременно глава правительства и глава государства. Кроме того, мыслилась большая централизация Уганды и превращение ее в унитарное государство — отмена «королевств» и «королей», царствующим монархам предлагалось уйти на пенсию, отменялся федеральный статус «королевств».

Впрочем, «обсуждение проекта конституции» звучит слишком громко. Временная конституция страны была принята без чтения полного ее текста в парламенте. Оботе лишь выступил там, остановившись на основных положениях документа. Во время выступления премьер-министра над зданием парламента кружил военный самолет как свидетельство его силы.

К Мутесе II — кабаке и президенту — также был применен «силовой прием». Для того чтобы заставить его уйти из Стейт Хауз — бывшей резиденции губернатора, принявшей под свой кров главу государства Уганда, там попеременно отключали то газ, то электричество, то горячую воду.

Естественно, Буганда не могла примириться с таким давлением и предприняла ответные шаги. Она потребовала, чтобы центральное правительство Уганды было переведено из Кампалы — столицы Буганды и одновременно столицы страны. Был установлен срок — 30 мая. Одновременно в Буганде накалялась обстановка, чем и воспользовался Оботе, начав на рассвете 24 мая штурм дворца кабаки.

Активное сопротивление Буганды (обращение кабаки в ООН, и бесконечные петиции люкико, и беспорядки в Буганде) развязало руки Оботе. Изгнание кабаки из страны, казалось, завершило его борьбу с Бугандой. Но так только казалось — этническое самосознание баганда было оскорблено. Простить этого они не могли, да и не только баганда. Жители всех «королевств», или «федерирующихся государств», из поколения в поколения жили в уверенности о непреходящих ценностях своих веками складывавшихся политических институтов, а их «короли» даже в период независимости олицетворяли для них благополучие и процветание всего народа. Отмена «королевств» декретами не могла заставить людей отказаться от своих убеждений. Оботе, видимо, все же поспешил.

Он говорил: «Мы серьезно задумывались над тем, чтобы такое предпринять... чтобы знатное происхождение само по себе не давало права решать государственные дела и вопросы жизни и смерти граждан». Такие мысли надо внушать годами, как бы справедливы они ни были.

Временная конституция 1966 года была довольно мягкой в отношении «королевств». Она лишь уравнивала Буганду с другими «королевствами». Отмена «королевств» и «королей» произошла по статье 118 новой конституции, вступившей в силу 8 сентября 1967 года. Отныне Уганда провозглашалась республикой.

Важной новацией, которую ввел Оботе, явилось упрощение порядка ареста граждан. По статье 10 для этого не требовалось какого-либо ордера судебных органов. Укрепив свою власть как президента, опирающегося на армию, Оботе постарался добиться наибольшей свободы действий для своих карательных органов, чтобы расправляться с недовольными, число которых в стране росло.

Оботе продолжил укреплять свою власть в партии и внутри страны. Для этого он, во-первых, расправился с противниками в партии, обвиняя их в лояльности Грейсу Ибингире или Кабака екка. Далее он повел дело к тому, чтобы превратить Конгресс в единственную партию в стране. Это было трудно, так как баганда видели основной противовес Конгрессу в других партиях — Кабака екка и Демократической, которые, оставаясь в оппозиции, все же действовали в парламенте. Для их запрета потребовался случай.

И случай представился. Оботе вел агитацию за однопартийную систему, ссылаясь, в частности, на опыт Объединенной партии национальной независимости (ЮНИП) в Замбии, и конференция Конгресса в декабре 1969 года, состоявшаяся в Кампале, приняла резолюцию, в которой от республиканского правительства требовалось ввести поправку к конституции, устанавливающую в Республике Уганда однопартийную систему. Но одно дело — потребовать, другое — провести эти требования в жизнь. А случай, ускоривший это практически мгновенно проведенное изменение, — неудавшееся покушение на Оботе 21 декабря 1969 года, сразу же после закрытия конференции Конгресса. В ответ на следующий день специальная сессия парламента одобрила объявленное вице-президентом чрезвычайное положение в Уганде и другой резолюцией запретила деятельность всех политических партий, кроме Конгресса, объявив ее «опасной для мира и порядка в стране».

«Сдвиг влево». Но конференция Конгресса 1969 года известна не только этим. Она вошла в историю как оформившая так называемый сдвиг влево в политике Оботе, приняв два документа — «Хартию простого человека» и «Предложения по национальной

службе».

«Сдвиг влево» был для Оботе также в значительной степени вынужденной мерой. Попав в «левые» еще в начале 60-х годов, он должен держать эту марку, учитывая, в частности, левые тенденции в соседних странах (например, Арушскую декларацию 1967 года в Танзании). Сыграло здесь свою роль и создание Молодежной лиги Конгресса, где радикально настроенная молодежь требовала социальных преобразований.

Именно в беседе со студентами колледжа в Мвири (Бусога) в ноябре 1968 года Оботе заявил, что Уганда, по его мнению, идет «средним путем», но в ближайшее время заметно полевееет. «Сдвиг влево» — термин, воспринятый Оботе от молодежи.

Существовала и чисто экономическая необходимость преобразований. В первые годы правления Оботе значительное развитие получила обрабатывающая промышленность, в частности производство тканей и сахара, а в середине 60-х годов экспорт этих товаров в соседние восточноафриканские страны уменьшился. Ухудшилось экономическое положение рабочих, значительная часть которых работала на частных или смешанных предприятиях. В то же время положение в сельском хозяйстве было трудным — страна не могла себя прокормить. В ходе мероприятий правительства Оботе по подъему сельскохозяйственного производства основные прибыли получали так называемые прогрессивные фермеры, то есть владельцы крупных капиталистических ферм. Таким образом, план индустриализации страны не был подкреплён соответствующими изменениями в сельском хозяйстве, и жизнь абсолютного большинства угандийцев за 60-е годы не улучшилась, а ухудшилась.

В октябре 1969 года Оботе публикует 18-страничную брошюру, озаглавленную «Хартия простого человека». В этом документе утверждалось, что во главу угла будущей политики Конгресса и страны будут поставлены нужды «простого человека». Кто под этим расплывчатым понятием подразумевался? «Человек, живущий своим трудом». Такие люди, согласно Оботе, составляли большинство населения страны и противопоставлялись «феодалам, нефеодалам, капиталистам» и прочим, живущим эксплуатацией чужого труда. Идея развития страны сводилась к преобразованию этих двух групп в одну, живущую своим трудом и получающую соответствующую долю общественного богатства. Объявлялось, что первые шаги в этом направлении уже сделаны — имелась в виду отмена «королевств» и феодальных привилегий. Говорилось, что намеченные цели невозможно достигнуть в условиях экономики свободного предпринимательства, и в § 38 подводился итог: «Ведущим экономическим принципом в нашей стратегии сдвига влево станет то, что средства производства и распределения окажутся в руках народа».

Оботе намеренно избегал в своей брошюре таких терминов, как «научный», или «марксистский», или «африканский» социализм. Намеренно потому, что в Африке в результате прямого воздействия западной пропаганды марксистский социализм связывается нередко с запретом религии или с авторитаризмом.

Тем не менее само слово «социализм» в Хартии употреблялось достаточно широко. Какими же мерами предполагалось обеспечить этот «сдвиг влево» в интересах «простого человека»?

Речь шла о широком развитии коллективных форм собственности, в частности кооперации: о создании условий для большего участия государства в экономической деятельности (контроля над инвестициями, создания государственного банка для кредитов «простым людям», в случае необходимости национализации частной собственности).

Одновременно с «Хартией» на конференции Конгресса был обнародован «Документ N2» — «Предложения по национальной службе». Основу этого документа составляла статья 9, в которой речь шла о создании так называемых лагерей — укрупненных сельскохозяйственных поселений. «Предполагается, что такие лагеря коллективно и, насколько возможно, индивидуально станут „Угандой в миниатюре“, в них будет протекать земледельческая, животноводческая и другая хозяйственная, а также культурная деятельность, которая существует в любой части Уганды. Это будут центры по обучению

методам рационального хозяйствования, воспитанию национального самосознания и развитию африканской культуры. Предполагается, что призываться на национальную службу в такие лагеря будут люди из всех частей Уганды. Особые условия требуется создать для занятых в земледельческом и смешанном сельскохозяйственном производстве, чтобы за время службы в этих лагерях их познания в этих областях расширились. Каждый человек, независимо от образовательного уровня, может быть призван на национальную службу в любой из этих лагерей» [Common Man's Charter, с. 15].

Предполагалось создание четырех крупных лагерей в каждой из провинций и малых лагерей в дистриктах. Молодежь должна была призываться туда на срок от двух до четырех лет. Этими вопросами должно было ведать специально созданное Министерство национальной службы. Такова была попытка поднять сельское хозяйство на коллективной основе — идея, перекликающаяся с проводившейся в то время в Танзании кампанией по созданию «деревень уджамаа».

«Хартия» была опубликована вовремя: в 1970 году в Уганде наблюдался взлет политической активности, связанной с предвыборной агитацией, хотя никто точно не знал, когда же состоятся обещанные конституцией 1967 года выборы в парламент. Поэтому «Хартию» обсуждали по всей стране. Хороший прием она встретила и внутри Конгресса (в значительной степени освобожденного от противников Оботе), и в среде интеллигенции.

Был объявлен ряд конкретных шагов по выполнению «Хартии»: соотношение доли частного и государственного сектора должно было стать 40 процентов к 60-ти. Это касалось ряда крупных компаний, правда, не затронуло трех китов экономики Уганды — кофе, хлопок и медь.

Исследователям остается только гадать, выполнил ли бы Оботе эту программу или нет, поскольку каких-либо конкретных сроков выполнения указано не было, но все же некоторые конкретные шаги для ее осуществления предприняты были. Гадать потому, что 1970 год был последним годом его первого президентства.

Впрочем, у моих друзей-угандийцев есть на этот счет вполне определенное мнение. Они считают, что вся катавасия со «сдвигом влево» и «простым человеком» — игра словами. Факты таковы. Конференция партии, на которой обсуждались эти идеи, проходила с большой помпой, на нее были приглашены видные африканские политические деятели — президент Танзании Дж. Ньерере, президент Заира Мобуту и другие. Но среди делегатов, принимавших идеи «сдвига влево», около половины составляли представители армии, полиции и тюремной администрации. «Левые», изгнанные из партии после конференции 1964 года, попытались апеллировать к конференции 1969 года с просьбой о возвращении в партию, но им было отказано. Итак, произошел «сдвиг влево» без левых.

Далее. Под «простым человеком» Оботе любил подразумевать прежде всего себя самого в противовес аристократии Менго. И «власть простого человека» для него — лишь его собственная власть. То же самое можно сказать и о другом его любимом термине — о «власти черного человека»; не случайно и на флаге Конгресса, и на государственном флаге Уганды сверху есть черная полоса, символизирующая власть черного человека. Цвет кожи самого Оботе значительно темнее, чем у других ланги.

Олицетворением сущности происходящего стал такой курьез. Один из министров Оботе, выступая на митинге, провозгласил: «Мы все теперь должны сдвинуться влево!», подтвердив свой призыв энергичным жестом... правой руки вправо! В таком виде и с такой подписью фотография министра была опубликована в газетах.

И самое главное. На фоне всех разговоров о правах «простого человека» покушение на Оботе в последний день конференции Конгресса положило начало небывалой волне массовых арестов в стране. Начиная с этого времени Оботе стали усиленно охранять. Если, например, ему надо было проехать двадцать две мили из Кампалы в Энтеббе, то дорогу перекрывали на целый день. Так главный «простой человек» боялся других

«простых людей».

Отношения с армией. Конец первого президентства. Конец своему президентству Оботе подготовил сам, создав силу, сумевшую его свергнуть, — армию. Преобразованная из Королевских африканских стрелков, она стала потом называться Угандийскими стрелками. Впервые проявила себя как самостоятельная сила в 1964 году, когда вспыхнул и был подавлен мятеж в казармах Джинджи. Затем конголезские события потребовали укрепления армии, что и было сделано в 1964—1965 годах за счет военных закупок в Англии, Китае и СССР. Немалую роль сыграло участие армейских подразделений в подавлении мятежа в Буганде и штурме дворца кабаки в 1966 году.

Армия поддерживала режим Оботе. Немалую роль сыграло и то, что он, как большинство угандийских солдат, был выходцем с севера. Кроме того, укрепив свою власть, Оботе провел ряд перестановок и репрессий в армии, убрав своих противников. Все это позволило ему утверждать, что он «единственный лидер в Африке, который не боится военного переворота». Но эти расчеты Оботе не оправдались. Даже несмотря на постоянное укрепление армии, увеличение жалованья военнослужащим, создание авиации. Скорее благодаря всему этому.

Одна из причин отчуждения между армией и Оботе — создание Особых сил — репрессивного аппарата, полувоенных формирований, дополнивших государственную полицию. В этом армия увидела угрозу своему положению как опоре режима. Другой такой угрозой в армии посчитали военное обучение гражданских лиц. Кроме того, постепенно рос удельный вес соплеменников Оботе — ланги — в армии вообще и на командных постах в частности. Свою роль сыграли и трения между Оботе и Амином, которого Оботе сам же и возвысил. Прошел даже слух, что Амин находится под домашним арестом.

Разногласия между Оботе и Амином начались с убийства бригадного генерала Окойи в январе 1970 года. В убийстве Окойи подозревали Амина, поскольку Окойя принадлежал к народу ачоли и был явным соперником Амина по руководству армии. Однако в Уганде не исключают, что за убийством Окойи стоял сам Оботе, стремившийся убрать влиятельных военных, в том числе и Амина, и на их место поставить своих людей. Как было в действительности — никто не знает. Но в результате обострились противоречия между военными из дистрикта Западный Нил (люди Амина), с одной стороны, и ачоли и ланги — с другой.

Итак, Оботе вызвал недовольство в армии. Кроме того, он «наступил на мозоль» англичанам, провозгласив свой «сдвиг влево», и Израилю, к которому вдруг охладел. Вот эти внутренние и внешние силы стояли за переворотом Амина.

Воспользовавшись отсутствием Оботе в стране в конце января 1971 года — президент находился в Сингапуре на конференции стран Британского содружества наций, — военные совершили государственный переворот.

О причинах этого переворота могут дать представление выдержки из так называемых 18 пунктов, в которых угандийцам объяснялось, почему Оботе был свергнут:

«1. Незаконный арест без суда и на длительный срок большого числа людей, многие были невиновны.

2. Сохранение чрезвычайного положения в стране на неопределенный срок.

3. Отсутствие свободы в обсуждении различных политических и социальных вопросов.

4. Лишение граждан жизни и собственности в результате почти ежедневных случаев насильственного грабежа, отсутствие должных мер для их пресечения. Люди чувствуют себя в большой опасности...

5. Предложение о Национальной службе, что означает мобилизацию каждого трудоспособного человека в лагеря на два года, может привести лишь к увеличению грабежей и общей преступности в пустующих домах.

6. Широко распространенная коррупция в верхах, особенно среди министров и высших гражданских служащих, которая подорвала у людей доверие к правительству.

Большинство министров имеют по несколько автомашин или автобусов, множество больших домов, иногда даже самолеты.

7. Неспособность властей провести за последние восемь лет какие-либо выборы, которые стали бы свободным волеизъявлением народа...

8. Экономическая политика привела к массовой безработице и нестабильности в стране, к отсутствию предметов первой необходимости — продовольствия, одежды, лекарств и жилья.

9. Высокие налоги сделали простых людей нашей страны еще беднее, чем когда-либо...

10. Цены, которые труженик получает за свою продукцию, например хлопок и кофе, не повышались, а иногда и понижались, в то время как стоимость продуктов питания, образования и многого другого постоянно росла...

12. Создание коррумпированной касты лидеров, которые постоянно говорят о социализме, в то время как сами становятся богаче, а простой человек — все беднее...

16. Оботе попытался противопоставить армию народу Уганды, назначая своих соплеменников на ключевые посты в армии и в государстве...» [Kiwanuka, с. 40—42].

Воистину этот документ искусно вскрывает противоречия между целями «Хартии простого человека» и ситуацией в Уганде к 1971 году.

Между двумя президентствами. Как уже говорилось, переворот Иди Амина застал Оботе в Сингапуре. Оботе тут же решил лететь домой. В самолете Бомбей — Найроби удалось поймать сообщение Би-би-си о перевороте в Уганде. В Найроби с Оботе обошлись как со свергнутым президентом — его и сопровождавших его лиц встретили как самых обычных гостей и препроводили в отель. Назавтра самолетом их отправили в столицу Танзании Дар-эс-Салам. Встреча там была совсем другой. К тому времени президент Ньерере еще не успел вернуться из Сингапура, и Оботе встречал в аэропорту тогдашний вице-президент Рашид Кавава. Кортёж, украшенный государственными флагами Уганды, отвез гостей в резиденцию Ньерере.

В Танзании Оботе оказывалась всяческая поддержка. Она росла тем больше, чем яснее становилось, что же представляет собой режим Амина, а это стало ясно далеко не всем и не сразу.

Оботе прожил в Танзании около девяти лет. И уже в 1972 году была предпринята первая попытка сбросить Амина. Сам Оботе говорил об этом впоследствии: «С 1971 года, когда я был в изгнании, многие угандийцы отправились в изгнание, чтобы присоединиться к нам. Их обучали как партизан, и они попытались вернуться в Уганду в 1972 году, но их попытка не удалась». Оботе не сказал, что эти «партизаны» — остатки верных ему солдат, проходили подготовку в военных лагерях в Судане. Они, в основном ачолы, в 1972 году были посланы на верную смерть. Те из них, кому удалось спастись, бежали в Танзанию.

Почему же он решил бороться с Амином? Позже, уже вернувшись в Уганду, он объяснил это так: «Это было не потому, что я хотел быть президентом, не потому, что я стремился к власти, а потому, что переворот Амина был направлен на истребление угандийского народа... Я понял: чтобы сохранить жизнь угандийцев, нужно устранить Амина».

Было бы, конечно, неверно связывать освобождение Уганды от режима Амина исключительно с именем Оботе. Еще меньше оснований верить тому, что он не хотел вернуть себе президентское кресло. Но Амин восстановил против себя такое множество людей самых разных социальных групп и убеждений, что число его противников росло день ото дня. Кроме того, личная симпатия президента Ньерере к Оботе и местонахождение последнего в Танзании превратили эту соседнюю страну в оплот антиаминовских сил. В свою очередь, это дало повод Амину в 1978 году напасть на Танзанию. Его успехи на первом этапе агрессии восстановили против него эту страну. В результате режим Амина в значительной степени был свергнут танзанийским оружием.

Но представители самых различных кругов угандийцев были обеспокоены тем, чтобы Уганду из рук Танзании на блюдечке не получил Оботе. Сформированным на территории Танзании угандийским *кикоси маалум* — подразделениям особого назначения — говорили: «Вы боретесь за то, чтобы вернуться домой, а не за Оботе».

В тот период Оботе требовалось как можно больше сторонников. Объединить их могла только общая йена висть к Амину. Это и произошло — в марте 1979 года в танзанийском городе Моши, у подножия знаменитой горы Килиманджаро, был организационно оформлен Фронт национального освобождения Уганды. В него вошли представители почти двадцати различных организаций, в том числе молодой, энергичный Йовери Мусевени, нынешний президент Уганды, за которым стояла реальная военная сила, а также Поль Муванга, один из старейших лидеров Угандийского национального конгресса, пользовавшийся большим влиянием в Буганде.

11 апреля 1979 года силы Фронта и танзанийские войска взяли Кампалу. Амин бежал. Фронту предстояло «поделить пирог» — Уганду.

Этот «дележ» дался не просто. Он проходил в несколько этапов. Сначала президентом страны был объявлен Ю. Луле, затем Г. Бинаиса. В стране продолжают царить хаос и нестабильность. Бинаиса пытается расправиться со своими политическими противниками. Сторонники Оботе организуют беспорядки, чтобы показать, что Фронт не контролирует ситуацию в стране. В результате в мае 1980 года Бинаису смещают, объявляется, что роль коллективного президента будет выполнять военная комиссия Фронта во главе с П. Мувангой.

Оботе все это время остается в тени. Он даже заявляет, что не намерен вновь стать президентом Уганды. Но он уже заручился новым союзником — Мувангой, который может обеспечить его партии победу в Буганде, где Оботе не любят. Именно поэтому, когда было объявлено о предстоящих в конце 1980 года президентских выборах, Муванга настоял, чтобы выборы проводились по партиям. Предложение Мусевени — проводить выборы на общей платформе Фронта — не прошло. Поэтому Мусевени организовал новую партию — Патриотическое движение Уганды.

Для Оботе наступила пора действовать. Он планирует вернуться в Уганду как лидер Народного конгресса. В Буганде, наиболее неприязненно к нему настроенной, голоса для Конгресса должен собрать Муванга, которому обещан пост вице-президента. Вновь — компромисс, вновь — сделка. Но Оботе уверен в победе. Позже он заявил: «В любом случае я приду к власти».

И все же, возвращаясь на родину, Оботе не рискнул прибыть прямо в столицу. Самолет танзанийских ВВС доставил его в Мбарару — административный центр Анколе в 250 километрах от Кампалы. Там был создан специальный подготовительный комитет по его встрече. Туда же другим самолетом были доставлены его жена и четверо сыновей.

Подготовительный комитет встречи Оботе позаботился о том, чтобы хор женщин-ланги пел песню «Мы приветствуем тебя, Оботе». Сами члены комитета были одеты в цвета Народного конгресса Уганды — черный, красный и голубой. Оботе в торжественном темном костюме произнес речь. В случае победы его партии на выборах он обещал стране умиротворение, восстановление разрушенной экономики, ликвидацию коррупции и нарушений законности.

Оботе начинает предвыборную кампанию своей партии — Народного конгресса Уганды. В эту кампанию включаются и вновь разрешенные другие партии, в частности его бывшие соперники — Демократическая партия и Консервативная — наследник Кабака екка, а также Патриотическое движение Уганды.

Оботе не жалеет красивых слов, выступая на митингах по всей стране. Он ярко живописует все преступления режима Амина и превозносит свою партию как единственную, не основанную на религиозных принципах (ведь Демократическая партия формировалась как партия католиков), как партию, представляющую интересы большинства населения — рабочих, среднеоплачиваемых служащих, молодежи. Он старается не

повторять своих прежних ошибок и не говорит уже о «простом человеке» и социализме, а облекает все свои высказывания в еще более обтекаемые формы.

«Со времени моего возвращения, — говорил он на митинге в Кампале, — я пытаюсь всех примирить. Мне хочется верить, что вы со мной согласны. Я надеюсь, что вы... дадите мне мандат на продолжение политики примирения между народами Уганды. Если оно будет достигнуто, будет обеспечено и единство угандийского народа».

В таком же духе был составлен предвыборный манифест Народного конгресса Уганды. В предисловии к этому документу Оботе писал: «Освобождение Уганды еще не закончено, жизнь по-прежнему небезопасна и трудна. Свержение режима убийств и террора в прошлом году было лишь первым этапом борьбы за полное освобождение нашей страны. По мнению Народного конгресса Уганды (НКУ), это освобождение означает единую, демократическую, стабильную и процветающую Уганду, в которой весь народ будет жить и трудиться в обстановке мира и безопасности». Там же он наметил другие этапы борьбы за освобождение Уганды: «Второй этап — это восстановление экономики, а третий — ее стабильный рост. В ходе нынешнего второго этапа усилия НКУ будут направлены на спасение имущества, которое следует завершить как можно быстрее, чтобы создать основу для проведения третьего этапа... После завершения второго этапа наши усилия будут направлены на развитие и расширение производственного сектора и социальных программ» [Uganda Peoples Congress, с. 1].

В декабре 1980 года в стране проходят всеобщие выборы. Народу предложено голосовать по символам: Демократическая партия во главе с бывшим президентом Ю. Луле и П. Сомогерере — мотыга; Патриотическое движение во главе с Йовери Мусевени — фонарь. Символом Народного конгресса Уганды остается ладонь с вытянутыми пальцами.

Некоторые соседние страны выразили опасение, что приближающиеся выборы могут быть сфальсифицированы, поскольку в Уганде присутствуют танзанийские войска, и потребовали их вывода. Но этого не произошло. От стран Содружества была создана группа наблюдателей, прибывшая в Кампалу 25 ноября 1980 года. Выборы состоялись 10 декабря и проходили в беспокойной обстановке. Ходили слухи, что кандидатов от Демократической партии задерживали военные и грозили расправой. По требованию военной комиссии в день выборов были сняты дорожные патрули. Для того чтобы люди не голосовали дважды, у голосовавших палец опускался в несмываемые чернила и ставился штамп в удостоверение личности.

В результате, по официальным сообщениям, Конгресс получил 72 места, Демократическая партия — 51. Оботе как лидер победившей партии во второй раз стал президентом Уганды.

Однако многие посчитали результаты выборов сфальсифицированными. Тогда же были сформированы оппозиционные движения — Национальное движение сопротивления во главе с И. Мусевени, заявившим: «Если победит Оботе — мы уйдем в буш», а также Движение за освобождение Уганды (считавшееся более правым, чем режим Оботе), Народное движение Уганды — сторонники Амина, и другие.

Снова во главе государства. Оботе снова стал президентом Уганды. На это раз ему досталась страна в худшем состоянии, чем во время первого президентства, — с разоренной экономикой, раздираемая противоречиями различного характера, с хорошо вооруженной внутренней оппозицией.

Прежде всего нужно было срочно что-то делать с развалившейся экономикой — внешний долг составлял к середине 1981 года 808 миллионов долларов, а ежегодная инфляция — 100 процентов. Для того чтобы не выглядеть в глазах западных стран слишком левым, Оботе объявил: «Правительство намерено проводить политику смешанной экономики, в которой и государство, и частный сектор, и кооперативное движение займут соответствующее место». Однако, заявив, что Уганда «нуждается в огромной помощи извне — от всех дружественных стран», Оботе тут же добавляет: «Но в

то же время угандийцы должны понять, что им самим следует что-то сделать». Он стремился привлечь в сельское хозяйство — основу экономики страны — частный капитал. «Правительство намерено привлекать капиталовложения в сельское хозяйство путем снижения налогов». Одновременно он предоставляет полную свободу частной инициативе в промышленности и торговле. Кроме того, для оживления экономики в Уганду вновь приглашаются «азиаты» — лица азиатского происхождения, в основном мелкая и средняя буржуазия, изгнанная Амином в 1972 году. Правда, вернулись лишь немногие — около 10 процентов.

Оботе принимает «Акт об иностранных инвестициях», то есть, по существу, обращается за помощью к западным странам.

Оботе удастся получить займы от Запада в больших размерах — сотни миллионов долларов. Например, только помощь США за два года выросла со 113 до 250 миллионов долларов. Займы представляют Международный банк реконструкции и развития и Международный валютный фонд.

Постепенно положение в экономике начинает выправляться, главным образом за счет роста цен на основные экспортные продукты — кофе, хлопок, табак. В 1983 году стоимость экспорта Уганды составила 363 миллионов долларов. Однако некоторый прогресс, наметившийся в экономике Уганды, привел опять-таки к росту благосостояния местных капиталистов. Жизнь простых угандийцев не слишком-то улучшается.

Оботе старается упрочить и международное положение Уганды. Ему удастся сохранять мир с соседями — Кенией и Танзанией. А вот отношения с Западом, жизненно необходимые для самого существования страны в период второго президентства Оботе, вследствие его «политики займов» в 1985 году вновь начинают ухудшаться. Там все чаще говорят о нарушении прав человека в Уганде.

Действительно, политическая ситуация в стране далеко не стабильна. Оппозиция Оботе растет. Набирают силу различные оппозиционные движения, главным из которых становится Национальное движение сопротивления.

Ширится народная поддержка Национальному движению сопротивления. И чем больше поддержка масс Движению, тем жестче становится режим Оботе. За малейшее подозрение в помощи людям Мусевени убивали целыми семьями и целыми деревнями, не щадя ни стариков, ни детей. Именно поэтому, считают мои угандийские друзья, режим «Оботе-2» был более жестоким, чем даже режим Иди Амина. По стране выросла сеть концентрационных лагерей, в которых, по подсчетам Красного Креста, содержалось около 150 тысяч заключенных. Для страны с населением примерно в 15 миллионов человек это высокая цифра. Немудрено поэтому, что невиданно выросла эмиграция из Уганды: по некоторым подсчетам, в годы второго президентства Оботе из страны уехало до 500 тысяч человек. Около 250 тысяч из них осело в Судане, около 30 тысяч — в Кении, а остальные по всему миру — от Исландии и Канады до Папуа-Новой Гвинеи.

Репрессии в стране проводили не только специальные силы, но и армия, которая была в руках вице-президента П. Муванги. Но, как и в первый раз, именно армия положила конец второму президентству Оботе.

27 июля 1985 года военные установили свое правление. Кампала была вновь взята штурмом, войсками командовал бригадный генерал Б. Окелло. Но во главе страны встал его однофамилец Т. Окелло. За переворотом, как говорят, стоял П. Муванга, не удовлетворенный отведенной ему Оботе ролью вице-президента и мечтавший о президентском кресле. Но он просчитался: его вскоре прогнали.

Очевидцы говорят, что кульминацией этого переворота была «психологическая атака» голых карамджонгов — скотоводческого народа на северо-востоке Уганды — с ружьями наперевес. После этого переворота Оботе на вертолете вылетел в Кению. Но лишь полгода спустя власть в стране захватило Национальное движение сопротивления во главе с И. Мусевени.

Итоги. Вот как оценивается в одном из документов Национального движения

сопротивления режим Оботе во время его второго президентства:

«В этот период вооруженной борьбы наш народ погибал от репрессивного, кровавого и компрадорского режима Оботе. По некоторым оценкам, в результате насилия Уганда в 1981 — 1985 годах потеряла от 300 до 500 тысяч человек. Огромное число людей было изгнано из своих домов и стало беглецами, жившими в очень сложных в стране и за ее пределами условиях. Дома разорялись, сады опустошались. Сегодняшняя Уганда характеризуется полным крахом инфраструктуры, много людей не имеют крыши над головой и средств к существованию, множество сирот и вдов. Наши больницы либо полностью обветшали, либо там нет лекарств. У школ нет средств. Те немногие промышленные предприятия, которые у нас есть, в основном парализованы».

А что же сам Оботе? В Найроби, куда он бежал после военного переворота Окелло, его соседями оказались представители Национального движения сопротивления, издавна избравшие кенийскую столицу местом переговоров. В годы второго президентства Оботе они с невероятными трудностями пересекали угандийскую границу, многократно рискуя жизнью, и вот — такое соседство. Ирония судьбы!

Ныне Оботе живет в Замбии. Думает ли он вернуться? Кто знает... Правда, мои угандийские друзья уверяют, что, если Оботе захочет возвратиться на родину, его придется охранять от собственного народа.

Окончательную оценку Оботе как личности и политического деятеля делать еще, конечно, рано. Истории требуется время для того, чтобы расставить все точки над «и». Существующие же оценки диаметрально противоположны — от апологетики до активного неприятия. Несомненно одно: Оботе представляет собой один из типов африканских лидеров, пришедших к власти сразу после достижения независимости. Лидеры этого типа — люди образованные, но не имеющие четкой политической программы и меняющие свои установки и ориентиры в зависимости от складывающейся ситуации. Они, как правило, хорошие ораторы, обладающие к тому же и личным обаянием. У Оботе в ходе политической карьеры обнаружился еще один несомненный дар: умение использовать самые различные ситуации и самых разных людей в собственных целях. Тот факт, что Оботе иногда все же просчитывался так трагически для себя самого, не указывает ли он на сложность и неоднозначность ситуации в самой Уганде, столь характерные для многих освободившихся стран Африки?

«АФРИКАНСКИЙ ГИТЛЕР»

Иди Амин Дада

Иди Амин — человек, с именем которого связаны представления о жесточайшем терроре, холодящих кровь убийствах, крикливом самолюбовании собственной всеильностью. Что же, и такая горькая глава в истории Уганды была. И не только в истории Уганды. Видимо, Амин олицетворяет другой тип африканских лидеров, приходивших к власти, когда эйфория первых лет после получения независимости уступала место отчаянию и стенаниям по «твердой руке». «Твердые руки» находились — достаточно вспомнить хотя бы императора Бокассу из «Центральноафриканской империи», приговоренного к смерти собственным народом. Но Амин останется среди них самым скандальным, даже экстравагантным в своей бесчеловечности. Любимым героем многих журналистов, живописавших ужасы его правления, — и героем, вернее, конечно, антигероем множества книг. В этих книгах, даже в серьезных академических исследованиях, авторам трудно удержаться от эмоций. Об этом говорят названия: «Жажда убийств», «Кровавое государство», «Привидения в Кампале», «Африканский Гитлер»...

Сын колдуньи. Начало истории жизни этого человека приводит нас на крайний северо-запад Уганды — туда, где сходятся границы Судана и Заира. Здесь живут

несколько суданских народов, разводящих скот на засушливых местных пастбищах. В маленькой хижине с травянистой крышей шлемовидной формы между 1925 и 1928 годами (большинство исследователей сходятся все же на дате 1925 год) и родился будущий третий президент Уганды Иди Амин. Его отец принадлежал к народу каква, живущему в приграничных районах Судана, Заира и частично Уганды, мать — к другому центральносуданскому народу, лугбара. Ее считали колдуньей, и солдаты из казарм часто обращались к ней за «львиной водой» — чудодейственным напитком, якобы дающим мужчине силу в бою и любви.

Ребенок рождался тяжело, поскольку был необычайно большим — при рождении весил около 12 фунтов (почти пять килограммов). И потом, уже взрослым, он всегда отличался внушительными размерами — весил около 230 фунтов (под 110 килограммов) и имел рост шесть футов три дюйма (больше 1 метра 90 сантиметров).

В детстве Амину не суждено было жить спокойной жизнью пастушонка. Очень рано его мать оставила отца и отправилась странствовать по свету, прихватив с собой сына. Сначала она работала на плантациях сахарного тростника, принадлежащих одной из богатых семей азиатского происхождения — Мехта. Затем связь его матери с неким капралом Королевских африканских стрелков привела мальчика в казармы Джинджи.

Уже тогда, по свидетельствам очевидцев, он отличался стремлением властвовать, применяя для этого физическую силу, поскольку был крупнее своих сверстников. К шестнадцати годам принял ислам. Так Амин стал ассоциироваться с «нубийцами» — потомками тех самых «суданских стрелков», которые составили костяк угандийской колониальной армии. Королевские африканские стрелки — так назывались колониальные войска в Британской Восточной Африке — на марше нередко распевали о «суди» — «суданцах», или «нубийцах» такую песенку:

У суди, парень, у суди
Лицо некрасиво и жестоко.
Но он выглядит мужчиной и дерется как мужчина,
Ведь он — из расы воинов.

Амин, живший при казармах и не получивший образования, наверняка быстро выучил эту и другие солдатские песенки — такие, как например, «Туфунге сафари» («Закончим поход»). Его военная будущность была predetermined, и вскоре ему было суждено распевать о «жестоких суди», в том числе и о себе самом, уже в строю.

Пока же 17-летний великан продавал мандази — сладкое печенье — в районе казарм Джинджи. В то время он выучился недурно играть в регби, но едва владеет несколькими английскими фразами, в основном ругательствами, но умеет четко произносить: «Иес, сэр». А вообще он немного говорит на языках каква и лугбара — языках своих родителей, немного на суахили и относительно прилично на «нубийском» — испорченном арабском, на котором до сих пор говорят выходцы из дистрикта Западный Нил в Уганде.

В колониальной армии. От капрала до генерала. Итак, с 1946 года он в армии в качестве помощника повара. Это, впрочем, не мешало потом Амину утверждать, что он участвовал в боях второй мировой войны — сражался в Бирме и даже якобы был награжден. Благодаря своей недюжинной физической силе в 1948 году он становится капралом 4-го батальона Королевских африканских стрелков.

По свидетельствам очевидцев, он лез из кожи вон, чтобы проявить себя настоящим воякой: ботинки всегда начищены, форма сидит безупречно. Амин — первый в спортивных состязаниях и первый в карательных экспедициях. Его военной карьере правда, помешало то, что в 1950 году у него впервые было зарегистрировано венерическое заболевание. Это считалось у «высокоморальных» британских офицеров серьезным минусом, но тем не менее лишь задержало, а не воспрепятствовало продвижению Амина по службе. Он служил в Кении во время восстания Мау-Мау, сохранилось много свидетельств его жестокости по отношению к повстанцам. К тому же в 1951—1952 годах

он выиграл титул чемпиона по боксу среди Королевских африканских стрелков в тяжелом весе. Вот как характеризует капрала Амина один из его командиров — британский офицер И. Грехэм: «Он поступил на армейскую службу, практически не имея никакого образования; справедливо будет сказать, что до 1958 года (когда ему было около тридцати) его можно было считать абсолютно неграмотным. Во время начального периода восстания Мау-Мау в Кении он был одним из нескольких капралов, которые проявили выдающиеся качества — умение командовать, храбрость и находчивость. Поэтому немудрено, что капрала Иди повысили в звании» [Grahame, с. 34]. В 1954 году, после прохождения курса в военной школе в Накуру, где Амину преподавали и основы английского языка, он получил чин сержанта.

Чин эффенди (уоррент-офицер) он получил лишь в 1959 году, пройдя специальные курсы в Кении. Да и то после нескольких попыток — камнем преткновения для него был английский язык, определенное знание которого требовалось для того, чтобы стать «эффенди».

Тогда же британские офицеры и их жены в Уганде считали своим долгом учить будущих угандийских офицеров хорошим манерам. Тот же Грехэм, который накануне независимости был командиром роты, где служил эффенди Амин, вспоминает, в частности, такой эпизод. Будущим угандийским офицерам было рекомендовано помещать свое жалованье в банк. И вот Грехэм лично везет Амина в банк в Джиндже, которым пользуется сам. В банке Амину с большим трудом втолковывают премудрости, связанные с чековой книжкой и банковским счетом. Но самым трудным оказывается получить образец его подписи. Амин-то привык в армии «расписываться» отпечатком пальца. Ему приходится попотеть и испортить немало бумаги, прежде чем у него получается что-то похожее на подпись. Наконец чековая книжка у Амина на руках, и он заявляет Грехэму, что теперь хочет сделать «небольшие покупки». Эти «небольшие покупки» состояли из заказа двух новых костюмов у портного, транзистора, шести упаковок пива и нового автомобиля — голубого «форда-консула», а также нескольких пижам. Общая стоимость значительно превысила сумму, имевшуюся на счету Амина, и с тех пор до самого отбытия Грехэма из Уганды ни один чек Амина не принимался в уплату без второй подписи — самого Грехэма [Grahame, с. 44]. «Образованного» таким образом Амина действительно вскоре произвели в офицеры — в 1961 году он получает чин лейтенанта.

Накануне независимости Уганды, в 1962 году, он становится майором. В этом году он прославился жестокостями по отношению к карамоджонгам Уганды и Кении, участвуя в «ликвидации конфликта» между ними и соседним народом покот (сук) из-за скота. Затем «урегулировал конфликт» с другим скотоводческим народом Кении — туркана. В 50-х годах выработались его излюбленные методы обращения с пленными, главный из которых состоял в том, чтобы угрожать воинам лишением знаков мужского достоинства — эта угроза иногда приводилась Амином в исполнение самолично.

Что касается инцидента с туркана, то они жаловались на жестокость Амина еще колониальным властям. Амину грозил суд, и спасло его только личное вмешательство Оботе. Так до самой независимости Уганды Амин прослужил в колониальных войсках, и было уже известно, что после получения независимости он займет место командира своей роты Грехэма.

Так и случилось. 9 октября 1962 года была провозглашена независимость Уганды. Амин оказался одним из немногих тогда офицеров-угандийцев. Его карьере в независимой Уганде немало способствовал и тот факт, что его дядя Феликс Онама стал министром внутренних дел в правительстве Оботе.

В продвижении Амина сыграли роль и другие не зависящие от него обстоятельства. Наиболее вероятным руководителем вооруженных сил независимой Уганды мог стать майор Каругаба — единственный угандиец, обучавшийся в знаменитом военном училище Сандхерст в Англии. Но он принадлежал к народу баганда и к тому же был католиком. Поэтому, когда в 1964 году произошли армейские волнения в казармах Джинджи, Оботе с

радостью избавился от Каругабы. Главнокомандующим был назначен Ш. Ополот как более образованный, а Амин, принимавший непосредственное участие в подавлении бунта в казармах Джинджи, — его заместителем. В том же году Амин получил чин полковника. К 1966 году бригадир Амин имел дом в Кампале на холме Кололо с охраной, «кадиллак», двух жен и собирался жениться на третьей.

Официально, вернее, номинально армию Уганды возглавлял ее президент Мутеса II. Вот каким ему виделся Амин в те годы: «Амин был сравнительно простым, жестким человеком. Он бывал во дворце, и я видел, как он довольно успешно боксирует. Позднее Оботе велел ему не приближаться ко мне без особого разрешения премьер-министра, что могло показаться естественным, поскольку я был верховным главнокомандующим. Его взгляд на финансы был прямолинеен — простая солдатская мечта. Если у тебя есть деньги — трать их. Банковские счета на подставных лиц были выше его возможностей, и не удивительно, что среди всех обвиняемых только его банковский счет с трудом поддавался объяснениям» [Mutesa, с. 185].

Кабака тут имеет в виду дело о «конголезском золоте», где Амин наряду с Оботе выступал в качестве одного из обвиняемых. Это дело еще более сблизило Оботе и Амина, и Амин помог Оботе избавиться от неугодных ему министров.

В мае 1966 года именно Амин, сидя в открытом «джипе», возглавлял правительственные войска, штурмовавшие дворец кабаки Мутесы II. Ему же принадлежала идея использовать в этой борьбе артиллерию, но разрешение на ее использование дал Оботе. Важно, что ненависть баганда за эту акцию была направлена на Оботе, а не на Амина как исполнителя, что помогло Амину впоследствии, когда он захватил власть. Со времени штурма дворца Амин стал любимцем Оботе и вскоре был назначен командующим армией.

К 1968 году Амин сумел таким образом организовать набор в армию, что создал себе опору в лице своих соплеменников по отцу-каква. За эти годы отца своего он видел мельком — в том же году. Отец неделю гостил у него в Кампале. Считается, что именно отец добавил к его имени Иди Амин суахилийское слово «дада», что значит «сестра». По другой, Амин получил это прозвище раньше: когда у него заставляли нескольких девиц сразу, он объяснял, что они -- его сестренки.

Некоторые ассоциируют слово «дада» со словом «женщина», считая, что это прозвище закрепилось за Амином к 1969 году. Тогда, в декабре, Оботе был ранен в результате покушения и просил немедленно сообщить об этом только двум людям — своей жене и Иди Амину, тогда уже генерал-майору. Когда пришли за Амином, он решил, что произошел переворот и его сейчас арестуют. Он сбежал через окно своего дома, схватил первую попавшуюся машину и несколько часов скрывался в одной из казарм за городом, где находились верные ему солдаты. Лишь только узнав, что Оботе жив, он вернулся в Кампалу и навестил в госпитале раненого Оботе. Заодно ему оказали медицинскую помощь: при своем позорном бегстве, перелезая через колючую проволоку, которой был обнесен забор его особняка в Кампале, Амин сильно поранился. С тех пор и стали трактовать «дада» как «женщина» недоброжелатели Амина, намекая, что в этой ситуации он поступил как трус — «по-бабьи».

Опираясь в армии на северян, прежде всего «нубийцев», Амин старается не ссориться с баганда и увеличивает число своих сторонников в армии. Одновременно ухудшаются его отношения с Оботе. Бегство Амина после покушения на Оботе в декабре 1969 года навело президента на мысль о причастности Амина к заговору. Дальше — больше. Амин расправляется со своими противниками и соперниками в армии, что для него одно и то же. Так, убийство 15 января 1970 года, ровно за год до переворота Амина, в Гулу, на севере Уганды, в собственном доме бригадного генерала Окойи и его жены считалось делом рук Амина. Но, как уже говорилось, не исключено, что это убийство было совершено по приказу Оботе.

Оботе понимал, что Амин захватил слишком большую власть в армии и стал для

него опасен. Поэтому в сентябре 1970 года Оботе попытался арестовать Амина, но у Амина была своя разведка, и он сумел избежать ареста. Тогда в октябре Оботе вывел людей Амина со всех командных должностей в армии и назначил вместо них своих ставленников из ланги.

И все же Амин был в значительной степени творением рук самого Оботе. Опираясь на армию, Оботе нуждался в нем долгое время и возвысил его на свою беду.

Амину же помогла дружба с израильскими военными советниками, приглашенными Оботе в Уганду. (Позже он круто повернет свою политику, провозгласив себя сторонником арабского дела, и поссорится с Израилем.) Не исключено, что он совершил свой переворот не без помощи израильтян.

Повод к военному перевороту Амина подал сам Оботе своим отъездом в Сингапур. Он все-таки недооценил Амина — его предупреждали, что ехать ему не надо бы, да напрасно. Пишут и еще об одном непосредственном поводе к перевороту: перед самым отбытием Оботе потребовал от Амина отчета в израсходовании 40 миллионов угандийских шиллингов (в то время — около 2,5 миллионов фунтов стерлингов). Амин должен был представить отчет к его возвращению из Сингапура.

Как бы то ни было, переворот произошел очень быстро и почти бескровно. Для его оправдания были подготовлены «18 пунктов», уже цитировавшиеся в очерке об Оботе. Новый глава государства, однако, был слаб в чтении, и по национальному радио этот первый документ аминовско-го режима читать было поручено другому человеку.

Во главе страны. Амин и Буганда. Переворот произошел 25 января 1971 года. После вторичного чтения по радио «18 пунктов» было объявлено: «Власть теперь передана такому же солдату, как и мы, генерал-майору Иди Амину Дада». Действительно, он захватил всю полноту власти. По декрету N 1, опубликованному 2 февраля, Амин становился военным главой государства, верховным главнокомандующим вооруженными силами страны, а также начальником штаба обороны. Он возглавил совет обороны, созданный еще при Оботе, и формирование этого важного органа перешло в его руки.

Свой кабинет министров Амин также переделал на военный лад. Генри Кьемба, занимавший пять лет министерский пост при Амине, вспоминает, что на первом же заседании кабинета Амин присвоил всем министрам офицерские звания. Отныне каждый из них должен был носить военную форму и подчиняться военной дисциплине. Каждому министру был предоставлен черный «мерседес» с надписями на дверях: «военное правительство». На заседании Амин произвел впечатление демократа, давая возможность каждому высказаться [Kuemba, с. 41].

Вообще, в стране в целом в первые дни после переворота царил эйфория — все были довольны свержением непопулярного правительства Оботе.

Амину нужно было привлечь на свою сторону как можно более широкие слои населения, в первую очередь баганда. Ведь изгнание кабаки в Буганде связывали не только с Оботе, но и с Амином, командовавшим штурмом дворца. Для своей реабилитации в глазах баганда Амин, едва проведя переворот, распорядился перезахоронить прах Мутесы II в Буганде. Похороны были обставлены самым торжественным образом. Над гробом Амин трогательно напомнил слова «короля Фредди» о том, что он в конце концов вернется на землю предков и к своему народу. Более того, некий чиновник из Макерере, по имени Ф. Калемера, разразился поэмой по поводу этого события, названной «Отдадим почести уходящему королю». Брошюра, содержащая помимо самого поэтического опуса список кабаки Буганды, была издана моментально — и не случайно. В ней в один ряд с героями африканского прошлого, такими, как знаменитый зулусский правитель Чака и ому-кама Буньоро Кабарега, среди героев настоящего называется, естественно, «редкий человек» Мутеса II, а также... Иди Амин.

Более того, «поэма» содержит такие строки [Kalemera, с. 9]:

Потеряв сэра Эдварда Мутесу,

Наша страна не потеряет другого генерала.
 Если кто-нибудь нанесет генералу Амину
 Вред, пусть хоть пустяшный, как царапина,
 Придет ли эта царапина из Дар-эс-Салама,
 Могадишу или Юго-Западного Анколе,
 В нашей стране есть одно племя,
 Которому предназначено исчезнуть.

Вас предупредили!
 Вас предупредили!
 Вас предупредили!

Этот бред был, возможно, одним из самых первых образчиков лести тирану. Потом их стало много. Известно ведь: чем больше крови тиран льет в своей стране, тем громче ему словословят. Но тут еще и предупреждения, вернее, запугивания соседних Сомали и Танзании, а также «некоего племени». Скорее всего тут имеется в виду народ ланги, который впоследствии в значительной степени был истреблен Амином. И этот прием не нов для диктаторов — направление всеобщего гнева против какого-либо из народов, дающее выход самым разнузданным проявлениям человеческой нечисти.

Вообще, угандийская пресса времен Амина пестрела самыми разнообразными фотографиями Амина и его высказываниями — хлесткими, грубыми часто до непристойности. А ежедневная программа теленовостей, длившаяся два часа на семи языках, показывала также почти исключительно Амина во всех видах.

На процедуру перезахоронения тела последнего кабаки Буганды прибыл из Лондона его сын Ронни Мутеби, обучавшийся там в частной школе. Во время продвижения похоронной процессии из Энтеббе в Кампалу «мерседес», в котором ехал молодой «принц», был поднят на руки торжествующими баганда. Кругом царила эйфория. Ведь эти церемонии происходили вскоре после того, как аристократическая верхушка «королевств» была принята Амином и он объявил, что Уганда останется республикой и «королевства» восстановлены не будут.

Тем не менее в августе 1971 года Буганда сделала еще одну попытку восстановить правление кабаки: к Амину была направлена соответствующая петиция, опубликованная в газетах. Одновременно газеты опубликовали петиции аристократии других «королевств» и частей Уганды, резко критиковавшие идею восстановления «королевств».

Первая половина 1971 года проходила под знаком все той же эйфории по всей стране. Амин выпустил из тюрем всех знатных пленников Оботе, в том числе Бенедикто Кивануку (которого сначала назначил верховным судьей, а потом убил). Он много ездил по стране и выступал перед народом. Вот он едет на земли ланги, и один ветеран жалуется ему на погром, учиненный солдатами в доме, — Амин тут же выписывает старику чек на сумму, на которую был причинен ущерб. Восемьдесят молодых ланги при попытке перехода границы арестовываются, и юноши признаются, что они хотели уйти в Танзанию и присоединиться к силам Оботе. «Вас остановили, не дали вам предать родину. Никто не причинит вам никакого вреда», — говорит им Амин.

Террор по-аминовски. Но террор уже разворачивается. Его первыми жертвами становятся офицеры, оказавшие сопротивление Амину во время переворота. В частности, начальника штаба армии бригадира Сулеймана Хусейна жестоко избивают в тюрьме. Затем его голову доставляют на дом к Амину — резиденцию нового главы государства теперь величают «командный пункт». От сбежавшего охранника «командного пункта» попадает в печать леденящая душу история о том, что днем Амин любит доставать голову Хусейна из холодильника, где она хранится, и вести с нею беседы. В течение трех недель после переворота было убито до семидесяти армейских офицеров и около двух тысяч штатских.

В течение трех месяцев число жертв превысило десять тысяч. Неподалеку от

водопада Каруме на реке Виктория-Нил расположен крокодилий садок. Крокодилам скармливают жертв террора. На таком меню эти мерзкие твари становятся все жирнее.

Амин проводил жестокий террор на основе своих собственных декретов N 5 и 8. Первый из них был издан в марте 1971 года. Он предоставлял военным право задерживать любого человека, обвиненного в «нарушении порядка». Когда же жертвы или их родственники попытались обжаловать действия распоясавшейся солдатни, был издан декрет N 8. Он запрещал привлекать к суду «любое лицо, действующее именем правительства (читайте — именем Амина) в интересах сохранения общественного порядка или общественной безопасности», «укрепления дисциплины, законности и порядка».

Террор осуществлялся армейскими подразделениями, где Амин опирался на унтер-офицеров — людей, примерно равного с ним образования и кругозора, видевших в нем «своего парня», Биг Дэдди — Большого Папочку. Сам Амин любил повторять: «Я не политик, а профессиональный солдат. Поэтому я — человек немногословный, и в своей профессиональной карьере я всегда был очень краток».

Он быстро продвигал своих любимцев — унтеров — на офицерские должности, стремительно освобождаясь за счет уничтожения неугодных. Он никогда не фиксировал таких назначений письменно, а просто говорил:

«Ты капитан» или: «Ты теперь майор». В результате бывшие сержанты стали командовать батальонами. Так же быстро продвигались по службе и шоферы танков и машин, которых Амин особенно любил. Этот порядок давал пищу для злоупотреблений: ни один интендант не рискнул бы проверить у Амина правильность заявления того или иного новоиспеченного командира о присвоении ему устно нового воинского звания.

Так же быстро продвигались любимцы Амина и в специальных карательных органах.

Это были: тайная полиция (официально называвшаяся Государственным исследовательским бюро), Часть общественной безопасности (такое название получил другой карательный орган, застенки которого располагались неподалеку от центра Кампалы), а также военная полиция. Постепенно обозначились и места скопления трупов, которых становилось все больше — их не захоранивали. Одним из таких мест был лес Мабира неподалеку от Кампалы, в направлении Джинджи. Другим из многих — знаменитый крокодилий садок; мост у водопада Каруме стал называться вскоре Кровавым мостом.

Первыми жертвами террора стали ачоли и ланги — военные и гражданские. По спискам вылавливали людей, имена которых начинались на «О» — это означало принадлежность к народу Оботе и к соседнему народу, составлявшим основу оботовской армии.

Целая серия убийств солдат и офицеров, ланги и ачоли происходит в казармах в разных частях страны. А вслед — первое убийство тех, кто попытался предать эти события гласности. Речь идет о двух американцах — Н. Струе и Р. Сидле. Один из них был «свободным журналистом» в Африке, другой — преподавателем социологии в Макерере. Прослышав в начале июля 1971 года об уничтожении ланги и ачоли в казармах Мбарары и Джинджи, они тут же отправились в Мбарару. Их встретил заместитель командира части майор Джума Айга, бывший таксист. Произошел жесткий разговор, обоих американцев убили, а Джуму позже видели разъезжающим на голубом «фольксвагене» Струе. Трупы закопали в близлежащей воронке от снаряда. Когда же американское посольство поинтересовалось их судьбой, трупы срочно выкопали и сожгли. Сожгли и голубой «фольксваген». Позже, почти через год, по настоянию американцев было назначено судебное расследование. Судья, нашедший следы убийства и признавший виновными аминовских офицеров, был уволен, а результаты расследования объявлены Амином недействительными.

Тем временем убийства продолжались. Людей арестовывали днем и ночью, срывая

двери с петель. Жестоко избивали. Или зверски убивали на месте. У солдат, охранявших лес Мабира, затем была разработана такса, взимаемая с родственников, желавших разыскать и захоронить трупы своих близких: от 5 тысяч шиллингов (600 долларов) за мелкого чиновника до 25 тысяч шиллингов (3 тысячи долларов) за важное лицо. Ко времени переворота Амина в угандийской армии насчитывалось примерно пять тысяч ачолы и ланги. Через год около четырех тысяч из них было убито. Об убийствах Амин всегда распоряжался устно и иносказательно. Например, он говорил каласи, что означает «смерть» на «нубийском». Или: «Поступите с ним, как с Ви-Ай-Пи» (очень важной персоной. — англ.). Это означало смерть после длительных мучений.

Новые друзья. «Прощайте, азиаты». Вторым годом правления Амина был отмечен двумя событиями, получившими международный резонанс. Во-первых, разрыв отношений с Израилем и переориентация на союз с арабскими странами. Еще недавно, в 1971 году, Амин совершил в Израиль один из своих первых зарубежных визитов в качестве правителя Уганды. Его встречали министр иностранных дел и почетный караул из 72 человек, у трапа самолета была разостлана красная ковровая дорожка, его принимало все высшее руководство Израиля. А в начале 1972 года последовали яростные нападки Амина на израильскую политику в арабском мире, и к концу марта израильтян в стране не осталось. Правда, они успели вывезти часть дорогостоящего оборудования через кенийскую границу. Акция эта, покончившая с участием израильских военспецов в обучении угандийской армии и превратившая Амина в глазах мировой общественности в «борца против сионизма», ввела в заблуждение правительства многих стран. Тогда ведь в мире еще не знали, что за жестокий режим террора и убийств представляет собой его правление в Уганде. Вместо Израиля ближайшим другом стал ливийский лидер Муаммар Каддафи, которого диктатор посетил в феврале (на израильском самолете с израильским пилотом). Каддафи, заинтересованный в уменьшении влияния Израиля в Африке, пообещал Амину солидную помощь — материальную и военную.

Тогда же началась и насильственная исламизация Уганды. Эту страну, где мусульмане составляли не более 10 процентов населения, Амин объявил частью исламского мира. Мусульманам отдавалось предпочтение при назначении на государственные должности. Например, в кабинете министров в 1971 году было два мусульманина (включая самого Амина), а в 1977 году уже 14 из 21. То же самое было и в армии и полиции — из 17 частей 15 командовали мусульмане. «Нефтяные деньги», которые Ливия, а затем и другие арабские страны отпускали «борцу с сионизмом» Амину, шли в значительной степени на его личные нужды. Новый дворец, бесчисленные автомобили, оборудованные мощными радиостанциями... И при этом Амин говорил: «Самый бедный человек в Уганде — Иди Амин. У меня ничего нет — и я ничего не хочу. Потому что иначе я не смог бы справляться со своими обязанностями президента».

Второй крупной акцией Амина было изгнание из Уганды «азиатов». 4 августа 1972 года при посещении одной из казарм на западе Уганды Амин заявил солдатам, что накануне ночью во сне бог внушил ему мысль изгнать из страны всех лиц азиатского происхождения, которые «доят экономику Уганды».

Азиатская община Уганды ведет свою историю от первых кули, которых британские власти ввозили туда еще в начале века. Затем «азиаты» получили определенные льготы в скупке и переработке угандийского хлопка. Постепенно община разрасталась, «азиатам» принадлежало большое количество мелких лавочек и крупных магазинов, промышленных предприятий. К 1972 году в Уганде насчитывалось около 50 тысяч «азиатов», причем только 20 тысяч из них имели угандийские паспорта, остальные имели двойное гражданство или считались подданными других стран, в основном Великобритании. Однако, как выяснилось, Амин не собирался делать различий между «азиатами» с разным гражданством. Было объявлено, что в течение 90 дней все они должны покинуть страну. Был установлен окончательный срок

— 8 ноября. Банковские счета лиц азиатского происхождения арестовывались, а с собой им было разрешено взять только по сто долларов на человека. «Азиатов» охватила паника. Солдаты врываются к ним в дома и под предлогом «помощи в сборе вещей» учиняли грабежи. Разграблялся и багаж отъезжающих в аэропорту. Были случаи, когда «азиаты» для маскировки мазали лица черной ваксой, но это им не помогало — Амин объявил, что за такие дела будет строго спрошено. Как именно «строго спрашивали» люди Амина, в Уганде уже хорошо знали.

По радио передавали песню: «Прощайте, прощайте, азиаты, вы доили нашу экономику слишком долго. Вы доили корову, но не кормили ее». «Азиатов» запугивали, их девушек насиловали. Амин заявил, что те из «азиатов», что не уберутся к 8 ноября из Уганды, должны будут отправиться жить из городов в деревни, чтобы «смешаться с угандийцами и жить их жизнью». Неудивительно, что к 8 ноября 1972 года лишь очень немногие из них остались в Уганде. Беглецов принимали у себя несколько стран, и все же судьба многих из них, лишенных всяких средств к существованию, была трагичной. Любая другая страна оставалась для них чужбиной.

Зачем же Амину нужна была вся эта кутерьма? Откровенно расистская кампания, развернутая им, имела целью добыть средства, чтобы как-то расплатиться с армией за поддержку, главным образом с теми самыми унтер-офицерами, на которых он опирался. Ведь экономика страны была в плачевном состоянии, а расходы на армию росли.

Что же из всего этого получилось? Великобритания тут же приостановила выплату Уганде двухмиллионного займа, а США — десятиmillionного (соответственно в фунтах стерлингов и долларах). Это сразу же повлекло за собой новый этап «экономической войны» Амина — ведь так было представлено изгнание «азиатов». Были «национализированы» и предприятия, принадлежавшие англичанам.

Как же распорядились изъятой у иностранцев собственностью? Сначала для этого были созданы министерские комитеты, затем Амин заявил, чтобы люди, работавшие в них, отправлялись по своим министерствам, а распределением захваченной собственности будут заниматься военные.

В результате львиная доля добычи досталась аминовским любимцам — унтерам и офицерам. Говорили, что одному, например, досталось около двадцати домов, другому — две дюжины тяжелых грузовиков или автомобилей. Не было никаких списков, никакого учета. Собственность «азиатов» распределялась явочным порядком.

Самого Амина можно было видеть за рулем роскошного лимузина мультимиллионера Мадхвани. Он также взял себе шикарный дворец Мадхвани в Джиндже. Глава государства стал главой грабителей.

Доходило до анекдотических случаев: новые хозяева магазинов не знали, сколько стоят товары, и спрашивали покупателей: «А сколько вы платили за это раньше?» Или, например, за цену мужской сорочки принимался проставленный на ней размер воротничка... Они старались как можно больше утащить домой, не думая о расширении производства. Неудивительно, что все отнятое у «азиатов» практически пришло в запустение — фабрики, аптеки, школы, магазины и др. Исчезли товары первой необходимости. Одно время в Кампале не было соли, спичек, сахара. Это было серьезным ударом по экономике Уганды.

И тем не менее, как это ни удивительным может показаться, изгнание «азиатов» широко приветствовалось в Уганде. Их засилье в экономике страны еще с колониальных времен вызывало недовольство. Теперь же, в независимой Уганде, всякие разговоры о «паразитах с Востока» и об африканизации находили самую широкую поддержку в массах. Когда Амин бросил такой клич, он знал, что его поддержат. Экономические последствия такой «африканизации» стали видны далеко не сразу. Мои угандийские друзья неоднократно подчеркивали, что если бы Амин в своей деятельности как президент Уганды ограничился изгнанием «азиатов», то он навсегда бы остался для масс национальным героем.

Международный резонанс изгнания «азиатов» был достаточно велик. Например, осложнились взаимоотношения с Великобританией. Этот эпизод — один из примеров блефования Амина на международной арене. Англия поначалу приветствовала его переворот — именно туда летом 1971 года он нанес один из первых своих зарубежных визитов. Тогда его принимали и премьер-министр, и министр иностранных дел, и сама королева. На этот раз Амину было официально заявлено об ущербе британским предприятиям в Уганде в результате «экономической войны». Ущерб оценивался в сумму около 20 миллионов фунтов стерлингов. Тогда Амин сказал, что готов обсудить этот вопрос, если британская королева и британский премьер-министр Хит лично прибудут к нему в Кам-палу. К тому же он заявил, что готов принять от королевы ее полномочия главы Британского содружества наций.

Авантюрист, садист и фигляр. Через год, когда заговорили и о компенсации ущерба британских подданных — азиатов, который оценивался в 150 миллионов фунтов стерлингов, Амин основал «фонд помощи Великобритании». В новый фонд Амин внес из своего собственного кармана первоначальный взнос — 10 тысяч угандийских шиллингов, как он заявил, «чтобы помочь Британии пережить охвативший ее экономический кризис». «Я взываю ко всему народу Уганды, который всегда был традиционным другом британского народа, прийти на помощь своим бывшим колониальным хозяевам», — сказал он. Вслед Амин послал телеграмму британскому премьер-министру, в которой говорилось, что экономические сложности Британии досадны для всего Содружества и он предлагает свою помощь в их решении. Это Уганда-то, сама находившаяся далеко не в лучшем экономическом положении, должна была спасти Англию!

Его наглость на международной арене не имела предела: он не явился на очередную конференцию стран Содружества, поскольку не были выполнены поставленные им условия: королева не прислала за ним самолет, экипированный караулом из шотландской гвардии, а генеральный секретарь стран Содружества не предоставил ему пару обуви его 46-го размера! А в ноябре 1974 года Амин предложил перевести штаб-квартиру ООН в Уганду, потому что это — «географическое сердце Африки и всего мира».

А в ответ на протест президента Танзании Джулиуса Ньерере в связи с изгнанием «азиатов» Амин послал ему телеграмму, в которой говорилось, в частности: «Я очень люблю Вас, и если бы Вы были женщиной, то я бы женился на Вас, хотя Ваша голова уже седа».

В сентябре того же года остатки верных Оботе солдат, концентрировавшиеся в Танзании, попытались свергнуть Амина. Это был скорее фарс, так как нападавших было всего тысяча. Амин легко отразил нападение. Это был своего рода подарок для Амина — повод для новой волны террора. По приказу Амина через пять месяцев после этого в разных частях Уганды одновременно совершились публичные казни двенадцати человек. Осужденных раздевали догола, кому-то выкололи глаза перед расстрелом; смотреть на это зрелище сгонялись толпы народа. Всех их обвиняли в том, что они — «партизаны Оботе». До этого в последний раз публичные казни в Уганде совершались полвека назад — в 20-х годах, когда британский колониальный режим чувствовал себя там совсем уверенно.

Изощренный садизм был характерен для режима Амина. Трупы убитых, которые предъявлялись изредка к опознанию или которые, скажем, лодочник у плотины на водопаде Оуэн неподалеку от Джинджи вылавливал по двадцати в день, носили следы самого невероятного насилия. Опубликовано множество фотографий жертв аминов-ского режима, нормальный человек не выдерживает этого зрелища. Но садизм шел к подчиненным от их Большого Папочки, который намеренно его насаждал. Некоторые считают, что садизм Амина — результат его психической неполноценности, другие же утверждают, что психически он вполне нормален. Как бы то ни было, есть достоверные свидетельства, что Амин не только пил человеческую кровь, но даже ел человеческое мясо. Так, например, Г. Кьемба сам слышал от Амина такие слова: «На войне, когда нечего есть и кто-то из твоих товарищей-солдат ранен, ты

можешь его убить и съесть, чтобы выжить». Это говорилось спокойно, как о самом обыденном деле. Или даже так: «Я ел человеческое мясо. Оно очень соленое, даже более соленое, чем мясо леопарда» [Куемба, с. 110]. Садизм Амина обошелся его стране по меньшей мере в четверть миллиона человеческих жизней — такова минимальная цифра убитых во время его правления.

Государственный муж и супруг. В 1973 году последовала целая серия отставок министров Амина, понявших губительную сущность его режима. Еще раньше наиболее строптивые из них, как например, верховный судья Бе-недикто Киванука, лидер Демократической партии, запрещенной, как впрочем, и все другие при Амине, были попросту убиты. (Убийство Кивануки, начавшее террор против политических лидеров, произошло в сентябре 1972 года.) Поэтому новые отставки министров происходили в основном во время их поездок за рубеж, что давало им возможность сохранить себе жизнь и эмигрировать одновременно.

Так было, например, с министром иностранных дел Вануме Кибеди и с министром просвещения Эдвардом Ругумайо, сообщившими о своей отставке из соседней Кении. Ругумайо вслед за своей отставкой обратился к главам африканских государств и правительств. Он писал об Амине так: «Он неполноценен с медицинской точки зрения — у него гормональный дефект. Он расист и фашист, убийца и богохульник, трибалист и диктатор. У генерала Амина нет принципов, для него не существует моральных норм, и он не щепетилен в выборе средств. Если это отвечает его интересам — укреплению его власти или достижению желаемого, будь то женщина или деньги, — он без колебаний убивает или приказывает убить. Он неисправимый лжец как во внутренних, так и в международных делах, и на его слово в делах международных никогда не следует полагаться. Для него не существует норм ни в морали, ни в политике. Он устанавливает свои собственные „нормы“, пишет свои собственные „правила“ и меняет их по ходу дела. Поэтому предсказать его действия очень трудно. Единственное, что можно предсказать, — это то, что он крайне непредсказуем.

Амин не может просидеть в офисе целый день. Он не может сосредоточиться на каком-либо серьезном деле даже на пол-утра. Он не читает. Он не умеет писать. Все эти неумения, вместе взятые, не позволяют ему участвовать в регулярных заседаниях кабинета, или следить за дебатами в кабинете, или понимать письма, которые пишут ему министры. Короче, он живет вне связи с каждодневной жизнью страны не потому, что ему так нравится, а из-за своей неграмотности. Он редко присутствует на заседаниях кабинета — только тогда, когда он дает указания о делах, касающихся обороны или безопасности страны, или когда он увольняет кого-либо из чиновников. Таким образом, единственным каналом информации о стране, которой он правит, остаются для него его собственные уши. Другими словами, он полагается только на слух и еще, возможно, на зрение» [Kamau, Kamtron, с. 121 —122].

Надеюсь, читатель не слишком утомился от столь пространной цитаты — уж больно ярко она передает стиль правления этого человека! Естественно, что Амин, как все люди такого типа, патологически ненавидел интеллигенцию. Даже врачей, лечивших его, — он удалил из страны трех врачей-европейцев, обвинив их в том, что они «распространяют политическую гонорю». Немудрено, что интеллигенция старалась убежать из страны. Эмигрировал профессор Семакула Киванука, крупнейший в Уганде авторитет в области истории, немало сделавший для становления национальных кадров историков в университете Макерере. И многие другие — ученые, писатели, представители других интеллигентских профессий. К 1977 году из Уганды сбежали 15 министров, 6 послов и 8 заместителей министров. Практически опустел университет Макерере: в эмиграции оказались профессора, деканы факультетов и лекторы по основным дисциплинам. Остались лишь конформисты, перекраивавшие историю, географические карты и прочее по указке Амина.

Внутри страны важнейшими политическими акциями в этот период были декрет,

разрешающий мужчинам брать себе любое количество жен (при этом брак в течение шести месяцев должен был быть зарегистрирован), и запрет на мини-юбки, которые Амин объявил неприличными. Заодно женщинам запрещалось носить парики — «волосы либо убитых империалистов, либо африканцев, убитых империалистами», а также брюки. Этот поборник пристойности сменил за время своего президентства пять жен и около тридцати официальных любовниц, причем некоторые из них были зверски убиты. Тема «Амин и его жены» может составить сюжет для целого порнографического романа ужасов.

Тело одной из этих жен, Кей Адроа Амин, с которой он развелся официально несколькими месяцами ранее, было найдено в багажнике автомобиля расчлененным. Другая, мусульманская жена Амина — Малияму Мутеси — была арестована и подвергнута тюремному заключению якобы за незаконную торговлю тканями с Кенией. После ареста и выплаты штрафа ее отпустили из тюрьмы, подстроив затем автомобильную катастрофу. Но сверх ожиданий она выжила и сумела бежать потом из страны.

Деятель международного масштаба. В 1975 году настала очередь Уганды принимать у себя сессию глав государств и правительств Организации африканского единства (ОАЕ). По существовавшей тогда в ОАЕ традиции глава принимающего государства становился на очередной год председателем ОАЕ. Сессия была организована в Кампале с большой помпой. Было закуплено двести «мерседесов», множество «пежо» и «дацунов». В Кампале впервые за долгое время появились мука, яйца, соль, мыло, куры, масло, молоко — но только в отелях и на виллах, предназначенных для гостей. Жителям Кампалы на время сессии было вменено в обязанность носить особые одежды с изображением Амина, эмблемы ОАЕ и карты Африки. Сам Амин по этому случаю сделал себя фельдмаршалом. Правда, независимые государства Африки проявили некоторую сдержанность в отношении сессии ОАЕ в Кампале. Некоторые страны вообще отказались в ней участвовать, другие вместо глав государств и правительств прислали заместителей. На банкете Амин устроил очередное представление: он появился там в кресле, которое заставил нести четырех английских бизнесменов. Все это называлось юмористической демонстрацией «бремени белого человека» (так в свое время британская пропаганда определяла место колоний в империи). При этом Амин цинично заявил: «Европейцы внесли меня на мой прием на своих спинах. Почему они это сделали? Потому, что они посчитали меня блестящим, твердым африканским лидером, способствовавшим лучшему взаимопониманию между европейцами и африканцами».

Во время сессии ОАЕ было еще несколько зрелищ; например авторалли, которое Амин возглавил в своем «ситроене мазерати»; рядом сидела его новая жена — 19-летняя красавица Сара Кьолаба в военной форме. Или воздушные маневры — они должны были изображать воздушный налет на Кейптаун — цитадель расистов ЮАР. На одном из островов на озере Виктория неподалеку от угандийского берега был водружен флаг ЮАР, и МИГи, состоявшие на вооружении военно-воздушных сил Амина, довольно долго бомбами сбивали этот флаг, а затем сбросили на островок флаг ОАЕ.

В начале 1975 года произошел ряд покушений на Амина, неудавшихся, но закончившихся очередными массовыми расстрелами. После одного из покушений жена Амина — Медина была доставлена в больницу со следами жестоких побоев, в том числе со сломанной челюстью, — говорили, что Амин подозревал ее в сговоре с покушавшимися. С тех пор он стал принимать самые невероятные меры предосторожности — менял автомобили, менял свои планы в последнюю минуту, сажал в президентские кортежи подставных лиц из людей, хоть как-то близких ему по комплекции.

В тот год он совершил несколько зарубежных поездок и везде наделал шуму. В Аддис-Абебе демонстрировал в бассейне свое умение плавать и нырять, заявив предварительно, что поведет арабские силы на Израиль и переплывет Суэцкий канал. В Ватикане опоздал на 18 минут на прием у папы римского Павла VI — случай, подобного которому там не могли припомнить. В Нью-Йорке, на сессии Генеральной ассамблеи ООН его встречали посланные заранее 47 угандийских фольклорных танцоров. На

заседание он опоздал на 40 минут, произнес приветствие на суахили, затем передал, текст своей речи на английском языке представителю Уганды при ООН, затем добавил к ней окончание на дикой смеси суахили, его родного языка каква и английского еще на десять минут. Форма на нем была, естественно, фельдмаршальская со всевозможными регалиями.

Последние авантюры Амина. В 1976 году произошел скандал в университетеMakerере. Весной людьми из «общественной безопасности» был убит один из студентов. Затем — главная свидетельница убийства, беременная женщина. Дело об убийстве студента было спущено на тормозах, что возмутило университетскую молодежь. К тому же вMakerере учился один из сыновей Амина — учился «понемногу чему-нибудь и как-нибудь», но имел машину, личную охрану и занимал преподавательские апартаменты, что раздражало других студентов. 3 августа 1976 года университетская молодежь устроила демонстрацию под лозунгом «спасите нас от Амина». Демонстранты были жестоко избиты солдатами и полицейскими. Затем было проведено расследование, в результате которого несколько студентов исчезли из университета навсегда. А спустя несколько дней вMakerере на церемонии выпуска Амин получил степень почетного доктора права «за восстановление в Уганде законности и порядка» и за то, что «дал угандийцам возможность жить без страха».

В тот же год Амин заявил, что Уганда претендует на часть территорий Кении и юга Судана. Что касается Кении, то он требовал «возвратить» Уганде полосу в двести миль от кенийско-угандийской границы почти до самой столицы Кении Найроби. Профессор С. Киванука был вынужден эмигрировать, поскольку отказался исторически обосновать эти претензии.

Но, пожалуй, самым шумевшим событием 1976 года в Уганде был знаменитый «рейд Энтеббе». Четверо палестинцев похитили аэробус, следовавший из Тель-Авива в Париж через Афины и принадлежавший авиакомпании «Эр Франс». Они потребовали освобождения 53 палестинцев, задержанных в Израиле и нескольких европейских странах. Пилотов заставили приземлиться в Энтеббе.

Амин оказал террористам гостеприимство. Они выходили из самолета для принятия ванны и отдыха, а заложников (на борту было 258 пассажиров) охраняли аминовские солдаты.

Террористы получили от людей Амина автоматы. Израилю был предъявлен двухнедельный ультиматум, срок которого истекал 4 июля. Амин улетел на Маврикий и возвратившись 3 июля, вновь навестил террористов. Надо сказать, что заложников, не являвшихся израильскими гражданами, все же отпустили несколько ранее.

Оставшиеся заложники были похищены. Эта операция считается одной из самых блестящих военных операций за последние десятилетия. Дело в том, что аэропорт в Энтеббе в свое время строили израильтяне. У соответствующей фирмы сохранились чертежи. Но аэродром был слегка модифицирован, и в чертежи были внесены коррективы в соответствии с данными израильской разведки и фотографий со спутников, предоставленных Пентагоном.

В Найроби приземлились три транспортных израильских самолета и группа истребителей. А также два «Боинга-707» — один с 23 врачами и двумя операционными на борту, второй — штабной. Из Найроби три транспортных самолета и штабной «Боинг» взяли курс на Энтеббе. В течение 50 минут все закончилось — заложников увезли, всех семерых террористов и двадцать угандийских солдат убили в перестрелке. Самой тяжелой потерей для Амина были сожженные 11 МИГов — основа его ВВС. Все произошло так быстро, что Амин не успел опомниться.

Когда ему сообщили об этом, он тут же отправился в аэропорт. Первыми жертвами его гнева стали четыре оператора радарного слежения — они были расстреляны на месте. Потом были и другие. Особенный международный резонанс получили два убийства. Дора Блох, 73-летняя женщина, имевшая двойное англо-израильское гражданство, вызвалась

быть переводчицей на переговорах. Во время еды она поперхнулась мясом, и ее отправили в Кампалу в больницу, не разрешив сопровождать ее летевшему вместе с нею сыну. Назавтра сыну по телефону сказали, что ее выпишут через день. Однако во время налета на Энтеббе израильтяне о ней забыли. Зато не забыл Амин. В ту же ночь к больнице подъехали две машины «государственного исследовательского бюро» — угандийской модификации «воронка». Дора Блох исчезла. Но не бесследно. Ее труп, обожженный, но узнаваемый, был обнаружен и запечатлен на пленке фотографом из угандийского Министерства информации Джимми Пармой. Парму схватили на улице, пленку засветили, а самого его отвезли и убили в том же лесу Наманве, где он обнаружил тело Доры Блох.

В тот же год Амин спровоцировал инцидент на кенийской границе — операцию *панга кали* («острый нож» на суахили). Операция провалилась, и Амину пришлось выполнить некоторые условия Кении, в частности снять свои территориальные претензии.

В начале 1977 года новые убийства потрясли Уганду. Амин лично застрелил архиепископа Уганды, Руанды и Бурунди Янани Лувума. В ответ на самые невероятные обвинения, выдвинутые Амином против христианской церкви в Уганде, Лувум и другие высшие церковники написали Амину петицию, в которой критиковался его режим. Гнев Амина обратился на Лувума, принадлежащего к народу ачоли. Согласно правительственному сообщению от 17 февраля, Лувум и двое министров Уганды погибли в результате автомобильной катастрофы. Их обвиняли в заговоре против Амина. На самом деле «пожизненный президент» заставил архиепископа молиться за мир в Уганде и собственноручно застрелил его в своем номере в отеле «Нил». Его и двоих других не было разрешено даже отпеть в соборе Намирембе. Вместо этого их тела были сожжены солдатами. Об этих убийствах стало широко известно, Африка вновь была потрясена. А в следующем месяце, выступая на встрече на высшем уровне афро-арабских стран в Каире, Амин заявил: «В Уганде нет тюрем. Мы все живем в мире и безопасности. Уганда свободна, и ее люди процветают».

Как же «процветала» Уганда и ее люди в результате авантюры Амина?

В том же, 1977 году на армию расходовалось около 65 процентов валового национального продукта, на просвещение — 8, на здравоохранение — 5 процентов. Фермы разорялись. Стоимость жизни в результате хронического дефицита продуктов к товаров возросла за время правления Амина на 500 процентов. Не было удобрений для полей, лекарств для людей. Цены на продукты стали астрономическими: пол-литра молока стоило почти доллар, тридцать яиц — от 7 до 10 фунтов стерлингов, килограмм сахара — 4 фунта стерлингов, буханка хлеба — один фунт, кусок мыла — почти 4 фунта.

Летом 1977 года официально распалось Восточноафриканское экономическое сообщество. К краху его привели политика Амина, успевшего перессориться с двумя другими членами Сообщества — Кенией и Танзанией, экономическая нестабильность самой Уганды. Для страны это было чревато новыми хозяйственными трудностями, ибо Сообщество сложилось исторически, имело определенное разделение труда, общую валюту, даже единую авиакомпанию. В 1977 году Уганда была одной из 25 беднейших стран мира.

А Амин продолжал развлекаться. Его жена Сара как-то упросила охранника открыть холодильник в «ботаническом саду» на вилле президента. В холодильнике оказались отрезанные головы двух человек — бывшего возлюбленного самой Сары и одной из возлюбленных президента. Амин жестоко избил жену, а назавтра радио Уганды сообщило о ее срочном отлете в Ливию для лечения...

В том же, 1977 году Амину было отказано в присутствии на конференции Содружества в Лондоне. Было решено, что если он там объявится, то дальше аэропорта его не пустят. Сам он заявил: «Я поеду в Лондон, и никто меня не остановит... Я хочу посмотреть, насколько сильны британцы, и хочу, чтобы они увидели сильного человека с Африканского континента». Заодно он заявил, что отметит 25-летие правления королевы Елизаветы II: британские граждане понесут его в кресле из Кампалы до аэропорта в

Энтеббе — 22 мили! И радио Кампалы объявило об отлете Амина в Лондон, но это было «уткой». А в Лондоне осудили режим Амина, хотя резолюция конференции, по настоянию африканских стран, не назвала его персонально.

В конце года мировое сообщество чуть не вздохнуло с облегчением: поступило сообщение, что Амин при смерти. Оказалось, что ему всего лишь вырезали небольшую опухоль на шее. Он быстро поправился и смог принять участие в казни участников очередной попытки переворота.

Война с Танзанией и крах Амина. 1978 год принес Уганде некоторое экономическое облегчение: из-за заморозков в Бразилии существенно поднялись мировые цены на кофе. В страну вновь потекли деньги, вырученные за его продажу. Но в октябре почувствовавший себя увереннее Амин двинул свои войска на Танзанию. Это был шаг, оказавшийся для него роковым. Поначалу успех сопутствовал ему — внезапность нападения, использование самолетов и танков дали ему возможность захватить часть территории. Но танзанийская армия предпринимала героические усилия. 25 января 1979 года Амин, выступая по поводу восьмилетия своего переворота, вынужден был сказать: «Сейчас, когда я говорю, танзанийцы находятся в наших пределах». Но это не помешало ему угрожать: «Я — дедушка Дада всех угандийцев. Сегодня я самый известный в мире лидер. Танзания не должна обманываться в том, что может захватить Уганду. Танзанийские солдаты в Уганде сидят на пороховой бочке. У меня у самого есть военный опыт. Прежде чем вступить в бой, я сначала изучу вас от ног, коленок, живота и до ногтей рук. Поэтому, начав сражение, я с точностью до минуты буду знать, когда вас захвачу. Вот почему я говорю, что люди, вступившие на землю Уганды, сидят на пороховой бочке. Их послали сюда на верную смерть».

Амин не сказал, что сражаются с ним не только танзанийцы. Сопротивление ему с каждым днем росло и внутри страны, участились попытки переворотов и покушений на него. Возникло множество антиаминовских организаций, объединившихся в 1978 году во Фронт национального освобождения Уганды.

11 апреля 1979 года пала Кампала, и это был конец режима Амина, еще недавно заявлявшего по угандийскому радио: «Для паники нет никаких оснований. Противник сдерживается в 40 милях от столицы».

Кампала встречала победителей криками: «Мы свободны!», «Убийца, тиран и каннибал всегда погибает!».

А Амин из Джинджи, куда он бежал с эскортом из нескольких черных «мерседесов», успел обратиться по радио к народу: «Я, Иди Амин Дада, хотел бы опровергнуть сообщение о свержении моего правительства мятежным правительством Уганды». Но его уже никто не слушал. Сам он бежал из страны. Люди гадали, как он это сделал. Через Кению? Через Заир?

В конце концов он объявился в Саудовской Аравии, где король Халед предоставил ему пенсию, «кадиллак» и «шевроле». Там же объявились двадцать три из пятидесяти его признанных детей. Остальные двадцать семь остались в Африке (по его собственным подсчетам, у него к 1980 году было 36 сыновей и 14 дочерей). С ним находилась и одна из его выживших жен — Сара. Он изучал арабский и читал по-английски «Историю второй мировой войны». Занимался каратэ и боксом.

Но Амин не оставляет надежды вернуться в Уганду, хотя и пытается ввести в заблуждение общественное мнение.

Январский номер журнала «Нью Африкен» за 1989 год в материале, ставящем под сомнение факт собственноручного убийства Амином архиепископа Лувума, публикует заявление экс-диктатора: «Я больше не интересуюсь политикой, теперь я — бизнесмен». Журнал не успевает дойти до читателей, а телетайпы приносят иную весть. 3 января 1989 года Амин вместе с сыном Али с фальшивыми паспортами объявляются в столице Заира Киншасе. Их тут же задерживают. Хотя в Заире живет одна из жен Амина с детьми, не вызывает сомнений истинная цель его вояжа — Уганда. Ведь он неоднократно заявлял,

что хочет создать базу для вооруженного захвата власти в деревушке Кобоко близ заирской границы.

Угандийское правительство немедленно потребовало выдачи Амина для предания его суду. Но Заир отказался сделать это, сославшись на отсутствие соответствующего соглашения. Однако постарался избавиться от Амина и выслать его назад в Саудовскую Аравию, что удалось лишь со второй попытки. 12 января Амина с сыном отправили на частном самолете через Дакар. Но, увы, в сенегальской столице стало известно, что король Халед отказывает Амину в убежище, и тем же самолетом Амин вернулся в Заир. Потребовались дипломатические усилия нескольких глав государств, чтобы уговорить короля принять Амина обратно. В конце января Амин вновь объявился в саудовском порту Джидда, тайно покинутом им в самый первый день 1989 года. Ему вторично было предоставлено политическое убежище с условием, что впредь он не будет вмешиваться в политику, предпринимать тайные вояжи, а главное — будет помалкивать!

Амина часто называли «африканским Гитлером». Когда один корреспондент спросил его об этом уже в изгнании, Амин воскликнул: «Самые великие в истории — Биг Дэдди и Гитлер. Мы — сильные люди. Нельзя, не будучи сильным мужчиной, сделать 36 сыновей».

Амин действительно часто публично высказывал свое восхищение Гитлером. Хотел даже поставить ему памятник в центре Кампалы с надписью «Великий ученик — великому учителю». Но, учитывая, что Гитлер был расистом и в отношении черных, Амин ограничился установкой его бюста в собственном дворце. Его режим часто называют фашистским, а самого Амина — африканским Гитлером. Ученые спорят, можно ли называть подобные режимы в «третьем мире» фашистскими с точки зрения теоретической. Но только ли о германском фашизме напоминает читателю режим Амина? Атмосфера тотального страха, мания преследования у тирана, массовые репрессии, разжигание шовинистических настроений и натравливание одних народов страны на другие, патологическая ненависть к интеллигенции... все это вызывает у нашего читателя и другие, вполне определенные ассоциации.

«ЖЕМЧУЖИНЕ АФРИКИ СВЕРКАТЬ ВНОВЬ»

Вместо заключения

Обещание о том, что «жемчужина Африки» засверкает вновь, было дано в свое время Оботе. Но, дважды возглавляя государство, он не смог выполнить своего обещания. Вообще удивительно, что Уганду после всех тягот и испытаний, выпавших на ее долю уже в период независимости, практически обошел стороной голод. Так случилось благодаря исключительным природным условиям этой страны. Тем не менее Уганда испытывает серьезные экономические трудности. Задачу возрождения страны взяло на себя ныне Национальное движение сопротивления во главе с И. Мусевени, выдвинув для этого конкретную программу — «10 пунктов».

Итоги деятельности нового правительства подводить еще рано. Но несколько слов об истории Национального движения сопротивления и его военных формирований — Национальной армии сопротивления — сказать хотелось бы.

Движение началось в январе 1981 года, когда Мусевени объявил, что результаты выборов 1980 года сфальсифицированы. Еще до выборов он сказал: «Если победит Оботе, я уйду в буш».

Так и случилось. Бойцы Армии скрывались в буше, причем их первый лагерь находился под носом у Оботе, в 11 милях от Кампалы. Когда эти люди уходили в буш, в их распоряжении было всего 10 винтовок. Уходя из Кампалы, им удалось захватить еще 17. Так с 27 винтовок и горстки бойцов все начиналось. А потом была партизанская война, которую рассчитывали вести 10 лет. Но к власти Национальному движению

сопротивления удалось прийти уже через 5 лет борьбы. Борьбы трудной, проходящей в условиях жесточайшего террора. Ведь за малейшее по-дозрение в помощи Движению при Оботе расстреливали целыми семьями и целыми деревнями.

И тем не менее оно набирало силу именно благодаря поддержке крестьян. Крестьяне кормили партизан, сообщали им о готовящихся карательных акциях, сами присоединялись к Национальной армии сопротивления. Впервые взяли в руки винтовки женщины. Многие из них впервые надели брюки — в буше все ходили в военной форме, захватывая ее у правительственных войск. Спали все на деревьях, обходясь безо всяких палаток. Женщинам-партизанкам было рекомендовано воздерживаться от связей с мужчинами. Но уж если случалась любовь, эта пара объявлялась состоящей в браке.

Я знаю женщину — отважную партизанку. Воспитанная в богатой протестантской семье Буганды, она, мать шестерых детей, не побоялась уйти в буш. Меняя машины и спасаясь от преследования, распространяла в Кампале отпечатанные на гектографе партизанские листовки, в которых официально объявлялась война Оботе. Охраняла документы Движения, умещавшиеся в обычном кейсе. Несколько раз нелегально переходила границу, чтобы участвовать в переговорах от имени Движения с правительством Окелло. За ее голову была обещана награда, но людям Оботе поймать ее так и не удалось. По ошибке была убита ее сестра вместе с мужем. И ныне она воспитывает помимо своих детей еще шестерых детей своей сестры.

В этой жизни отразились судьбы многих женщин-активисток Движения. Об истории партизанской борьбы Национального движения сопротивления, видимо, будет написана не одна книга. Но это — дело будущего. Упомяну лишь одну характерную деталь. У формирования Национальной армии сопротивления было шесть базовых лагерей в буше. Каждый из них был назван именем какого-нибудь африканского борца за свободу. И наряду с такими именами, как Нкрума и Мондлане, два из лагерей были названы именами Кабареги и Мванги. Так имена двух героев этой книги стали символом борьбы за свободу уже в 80-е годы нашего века. Круг замкнулся.

Перевернуты последние страницы книги. Читатель познакомился с семьей угандийцами. Каждый из них определенным образом олицетворял свою эпоху. Судьбы некоторых из них тесно переплелись между собой — Мванга и Кабарега, Мванга и Кагва, Мутесса II, Оботе и Амин. Возможно, мне не удалось со всей полнотой рассказать о каждом из них. Особенно трудно это было сделать в отношении героев двух последних очерков — ведь их жизнь еще продолжается. И, может быть, окончательные оценки их деятельности делать еще рано.

Полнота или неполнота изображения героев книги связана с теми первоисточниками, которыми я располагал. Важнейшие из них приведены в конце этой книги. Конечно же, я не ограничился архивными материалами, с которых начал рассказ. Из опубликованных материалов мое внимание привлекали прежде всего свидетельства самих африканцев — такие, как книги Кагвы и его секретаря Хама Мукасы, мемуары Мутесы II и его катикиро Пауло Кавумы, запись устной исторической традиции Буньоро Джона Ньякатуры, труды Оботе, мемуары аминовского министра Г. Кьембы. Часть интересных материалов, написанных самими африканцами и никогда ранее не публиковавшихся либо не переводившихся на европейские языки с луганда, содержатся в сборниках документов, подготовленных Д. Лоу и Д. Робинсоном совместно с Д. Смитом.

К свидетельствам европейцев — современников и участников событий, от Бейкера до Грехэма, я старался подходить осторожно, учитывая их предвзятость и в ряде случаев намеренное искажение фактов. Те из них, которые я привожу в книге, кажутся мне более или менее бесспорными. Чтобы доискаться до истины, в ряде случаев пришлось перевернуть горы литературы — в этом и состоит работа историка.

Очень многое для понимания исторического наследия и сегодняшнего дня Уганды дали мне беседы с моими друзьями-угандийцами, которым мне хочется выразить здесь

самую сердечную признательность.

Надеюсь, книга поможет читателям расширить свои представления об Африке вчерашней и сегодняшней — ведь процессы, происходившие и происходящие в Уганде, в значительной мере типичны для многих африканских стран. И если рассказ о людях из страны у Великих африканских озер вызовет у читателя симпатию и интерес к Африке — части нашего общего земного дома, — автор будет считать свою задачу выполненной.

СПИСОК ЦИТИРОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Источники

1. Архивные материалы

Zentrales Staatsarchiv der DDR

Peters 46 — Nachlass Carl Peters, N 46. Vertragsabschlüsse C. Peters's in Afrika zum Erwerb von Land. Sept. 1889— Sept. 1905. RKA 246 — Reichskolonialamt, N 246. E. Schnitzer (Emin-Pascha).

RKA 252 — Reichskolonialamt, N 252. Die deutsche Expedition zur Befreiung Emin Paschas.

RKA 8822 — Reichskolonialamt, N 8822. Uganda. 21.10.1886 — 20.05.1892.

RKA 8823 — Reichskolonialamt, N 8823. Uganda. 21.05.1892 — 11.10.1892.

RKA 8828 — Reichskolonialamt, N 8828. Uganda. 22.06.1894 — Dezember 1897.

2. Официальные публикации и сборники документов

Further Correspondence. — Further Correspondence Respecting East Africa. April to June 1894. C. 6557 (Africa N 2). L., 1895.

Low. — *Low D.A.* The Mind of Buganda. Documents of the Modern History of an African Kingdom. Berkeley-London, 1971.

Obote. — *Obote M.* The Common Man's Charter. Kampala, 1970.

Papers. — Papers Relating to Uganda. C. 7708. (Africa N 7). L., 1895.

Robinson, Smith. — *Robinson D., Smith D.* Sources of the African Past. N.Y., 1969.

Uganda Peoples Congress. — Uganda Peoples Congress. Manifeste 1980. Kampala. 1980.

3. Мемуары и труды современников и участников событий

Юнкер. — *Юнкер В.В.* Путешествие по Африке (1877—1878 и 1879—1886). М., 1949.

Ashe — *Ashe R.* The Chronicles of Uganda. L., 1971.

Baker. — *Baker S.* Ismailia. L., 1874.

Emin Pascha a. — *Emin Pascha.* Eine Sammlung von Reisebriefen und Berichten. Lpz., 1888.

Emin Pasha b. — [*Emin Pasha*]. The Diaries of Emin Pasha. Pt. III. — Uganda Journal. 1962, vol. 26, N 1.

Grahame. — *Grahame I.* Amin and Uganda. A Personal Memoir. L., 1980.

Jackson. — *Jackson F.* Early Days in East Africa. L., 1969.

Kaggwa, 1934. — *Kaggwa A.* The Customs of the Baganda. N.Y., 1934.

Kaggwa, 1971. — *Kaggwa A.* The Kings of Buganda. Nairobi, 1971.

Kalempera. — *Kalempera F.* Let Us Salute the Passing King. Kampala, 1971.

Kavuma. — *Kavuma P.* Crisis in Buganda 1953—1955. L., 1979.

Kyemba. — *Kyemba H.* The State of Blood. The Inside Story of Idi Amin. N.Y., 1977.

Lugard. — *Lugard F.* The Rise of Our East African Empire. L., 1921.

The Diaries. — The Diaries of Lord Lugard. Ed. by M. Perham. Vol. I—4. L., 1959—1963.

Mukasa. — *Mukasa H.* Sir Apolo Kaggwa Discovers Britain. L., 1975.

Mutesa. — *Mutesa II.* Kabaka of Buganda. Desecration of My Kingdom. L., 1967.

Nyakatura. — *Nyakatura J.* Anatomy of an African Kingdom. A History of Bunyoro-Kitara. N.Y., 1973.

Peters. — *Peters C.* Die Gründung von Deutsch-Ostafrika. B., 1906.

Roscoe. — *Roscoe J.* The Bakitara or Banyoro. Cambridge, 1923.

Wilson, Felkin. — *Wilson C.T., Felkin R.W.* Uganda and the Egyptian Sudan. L., 1882.

Литература

Березин. — *Березин Н.* Африка. СПб., 1912.

Кресин. — *Кресин Р.* Уганда. Харьков, 1903.

Крюи. — *Крюи П.де.* Охотники за микробами. Борьба за жизнь. М., 1987.

- Сенюткин. — *Сенюткин С.Б.* Экспансия Великобритании в Междоустье и антиколониальная борьба Буньоро в последней четверти XIX в. Канд.дис. Горький, 1980.
- Gingyera-Pinyuwa. — *Gingyera-Pinyuwa A.G.H.* Apolo Milton Obote 3rd Mis Times. N.Y., 1978.
- Gupts. — *Gupia* у. Obote. Second Liberation. Delhi, 1983.
- Kamau, Kameron. — *Kamau J., Kameron A.* Lust to Kill. The Rise and Fall of Idi Amin. L. 1979.
- Karugire. — *Karugire S.R.* The Political History of Uganda. Nairobi, 1980.
- Kiwanuka. — *Kiwanuka M.S.M.* Amin and the Tragedy of Ugandas. MUnchen, 1979.
- Melady, Melady. — *Melady Th.. Melady M.* Idi Amin Dada: Hitler in Africa. Cansas City, "977.
- Pawlikova. — *Pawlikova V.* Sir Apolo Kaggwa and the Origins of Luganda Literature. — Asian and African Studies. Vol. XI. Bratislava. 1975.

ОГЛАВЛЕНИЕ

«Жемчужина Африки»	
Вместо введения	3
«Реформатор и благодетель»	
Мутеса I	12
«Если они хотят войны — мы готовы»	
Кабарега	37
«Я не хочу, чтобы моя страна досталась одним англичанам»	
Мванга	64
«Мудрость не приходит к людям слабым и ленивым»	
Аполо Кагва	91
«Король Фредди»	
Мутеса II	119
«Простой черный человек»	
Аполо Милтон Оботе	149
«Африканский Гитлер»	
Иди Амин Дада	175
«Жемчужине Африки сверкать вновь»	
Вместо заключения	201
Список цитированных источников и литературы	206
Научное издание	
Балезин Александр Степанович	

У ВЕЛИКИХ АФРИКАНСКИХ ОЗЕР Монархи и президенты Уганды

Редактор Т.В.Дьяченко Младший редактор Н.Л.Скачко Художник Н.П.Ларский
Художественный редактор Э.Л.Эрман Технический редактор Г.А.Никитина Корректор
Т.А.Алаева

ИБ 1С 16264

Сдано в набор 04.02.89. Подписано к печати 14.06.89. А-03360 Формат 84*1081/32-
Бумага офсетная. Гарнитура "Тайме". Печать офсетная Усл. п.л. 10,92+0,84 п.л. вкл. на
мелованной бумаге . Усл. кр.-отт. 11,97 Уч.-изд.л. 12,59.Тираж 30000 экз . Изд. №6716. Зак
. » 62 . Цена 90к.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство "Наука" Главная редакция
восточной литературы 103051, Москва К-51, Цветной бульвар, 21

3-я типография издательства "Наука" 107143, Москва Б-143, Открытое шоссе, 28